К. Л. И. +

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
женскимъ курсамъ.
Шкафъ И.
Полка 12.
№ 20.

210

М-12-20

Лекціи
по Русской Исторіи
профессора
С. Ө. Платонова.

Высшіе Женскіе Курсы

1897-98 г.

Курсъ I.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.
360/98.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЕРТЕЛЕВЪ ПЕР. 1/12.

Директоръ Курсовъ

Лен. Гос. ...
Научная Би...
им. Горького
27321

Часть первая

(Изложение конспективное)

Введение.

Наши занятия русской историей уместно будетъ начать определениемъ того, что именно следуетъ понимать подъ словами историческое знание, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимается история вообще, мы поймемъ, что намъ следуетъ понимать подъ историей одного народа и сознательно приступимъ къ изучению нашей Русской истории.

История существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Фукидидомъ, напримѣръ, покажетъ вамъ, что Греки были по своему правы, относя историю къ области искусствъ. Подъ историей они понимали художественный рассказъ о достопамятныхъ событияхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ вмѣстѣ съ эстетическимъ наслаждениемъ и рядъ нравственныхъ назиданий. Тѣ-же цѣли преслѣдовало и искусство. При такомъ взглядѣ на историю, какъ на художе=

ственный разсказъ о достопамятныхъ
событiяхъ, древнiе историки держались
и соотвѣтствующихъ прiемовъ изложенiя. Въ
воихъ повѣствованiи они стремились къ прав-
дѣ и точности, но строгой объективной мѣрки
истины у нихъ не существовало. У глубо-
правдиваго Геродота однако много басен
(напр. о Египтѣ, о Скиѳахъ): въ однѣ онъ вѣритъ,
потому что не знаетъ предѣловъ естественнаго;
другiя-же, и не вѣря въ нихъ, заноситъ въ
свой разсказъ, ибо онѣ прельщаютъ его своимъ
художественнымъ интересомъ. Мало этого,
античный историкъ, вѣрный своимъ художе-
ственнымъ задачамъ, считаетъ возможнымъ
украшать повѣствованiе сознательнымъ вымыс-
ломъ. Ѳукидидъ, въ правдивости котораго мы не
сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ героевъ
рѣчи, сочиненныя имъ самимъ, но онъ считаетъ
себя правымъ въ силу того, что вѣрно передаетъ
въ измышленной формѣ дѣйствительныя
намѣренiя и мысли историческихъ лицъ.
Такимъ образомъ стремленiе къ точности и правдѣ
въ исторiи было до нѣкоторой степени ограничиваемо
стремленiемъ къ художественности и занимательности,
не говоря уже о другихъ условiяхъ, мѣшавшихъ исто-
рикамъ съ успѣхомъ различать истину отъ басенъ.
Не смотря на это стремленiе къ точному знанiю уже въ
древности требуетъ отъ историка прагматизма.

Еще у Геродота мы наблюдаемъ проявленіе этого прагматизма, т. е. желаніе связывать факты причинною связью, не только разсказывать ихъ, но и объяснять ихъ прошлое, ихъ происхожденіе.
Итакъ на первыхъ порахъ исторія опредѣляется, художественно-прагматическій разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ.
Ко временамъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на исторію, которые требовали отъ нея помимо художественныхъ впечатлѣній и практической приложимости. Еще древніе говорили, что исторія есть наставница жизни (magistra vitae). Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое-бы объясняло событія настоящаго и задачи будущаго, служило-бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка, дожилъ и до нашихъ временъ; онъ съ одной стороны прямо сближалъ исторію съ моральной философіей, а съ другой стороны обращалъ исторію въ „скрижаль откровеній и правилъ" практическаго характера. Одинъ писатель XVII вѣка (De-Rocoles) говорилъ, что „исторія исполняетъ обязанности, свойственныя моральной философіи и даже въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть ей предпочтена, такъ какъ, давая тѣ-же правила, она присоединяетъ къ нимъ еще и примѣры. На первой страницѣ

„Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина на-
деже выраженіе той мысли, что исторію необходимо
знать для того, чтобы учредить порядокъ, согласить
выгоды людей и даровать имъ возможное на земле
счастье."
...ъ развитіемъ западно-европейской философской
мысли стали слагаться новыя определенія ист-
...ической науки. Стремясь объяснить сущность
...мыслъ жизни человечества, мыслители обращались
...ъ изученію исторіи или съ целью найти въ ней
...ешеніе своей задачи, или-же съ целью подтвердить
...сторическими данными свои отвлеченныя
...остроенія. Сообразно съ различными философски-
...ми системами, такъ или иначе определялись
...ели и смыслъ самой исторіи. Вотъ некоторыя
...зъ подобныхъ определеній: Боссюэтъ (въ XVII в.) и
...оранъ (въ наше уже время) понимали исторію,
...акъ изображеніе техъ міровыхъ событій, въ
...оторыхъ съ особенною яркостью выражались
...ути Провиденія, руководящаго человеческою
...жизнью въ своихъ целяхъ. Итальянецъ Вико
(1726) задачею исторіи, какъ науки, считалъ изо-
...браженіе техъ одинаковыхъ состояній, которыя
...уждено переживать всемъ народамъ. Известный
...егель въ исторіи виделъ изображеніе того процес-
...а, которымъ „абсолютный духъ" достигалъ
...воего самопознанія (Гегель всю міровую жизнь
...бъяснялъ, какъ развитіе этого „абсолютнаго духа.")
...е будетъ ошибкою сказать, что все эти философы

требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того-же: исторія должна быть изображеніемъ не всѣхъ фактовъ прошлой жизни человѣчества, а изображеніемъ основныхъ фактовъ, обнаруживающихъ ея общій смыслъ.

Въ этомъ требованіи безъ сомнѣнія заключался большой шагъ впередъ. Оно не удовлетворялось простымъ разсказомъ о быломъ вообще или-же случайнымъ наборомъ фактовъ различнаго времени и мѣста для доказательства назидательной мысли. Необходимо теперь объединить изложеніе руководящей идеей, систематизировать историческій матеріалъ. Однако философскую исторію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она руководящія идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи. Наукою исторія стала только въ началѣ нашего вѣка, когда въ Германіи въ противовѣсъ французскому раціонализму развился идеализмъ, въ противовѣсъ французскому космополитизму появились идеи націонализма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономѣрно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ

ницъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не личной дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ развитія. Исторія стала пониматься, какъ наука о законахъ исторической жизни человѣческихъ обществъ.

Это опредѣленіе разно высказывалось разными историками и мыслителями. Знаменитый Гизо, напримѣръ, понималъ исторію, какъ ученіе о мировой и національной цивилизаціи (понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданственности). Философъ Шеллингъ, развивая мысль, что каждый народъ въ своей исторической жизни раскрываетъ какую-либо идею, давалъ основаніе для того, чтобы въ національной исторіи видѣть средство раскрыть національную идею, „національный духъ". Весьма распространенное опредѣленіе исторіи, какъ „пути къ народному самосознанію". Явились далѣе попытки понимать исторію, какъ науку, долженствующую раскрыть законы развитія общественной жизни и приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности навязывали исторіи задачи другой науки — соціологіи. Соціологія есть наука, изучающая кон=

времени и мѣста, и главной цѣлью ея признают-
систематическое изображеніе развитія и
измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ
обществъ и всего человѣчества.

Такая задача требуетъ многаго для успѣшна-
го выполненія. Для того, чтобы дать научно-
точную и художественно-цѣльную картину
какой-либо эпохи народной жизни или
полной исторіи народа, необходимо: 1) собрать
историческіе матеріалы, 2) изслѣдовать ихъ
достовѣрность, 3) возстановить точно
отдѣльные историческіе факты, 4) указать
между ними прагматическую связь и 5) свести
ихъ въ общій научный обзоръ или въ худо-
жественную картину. Тѣ способы, которы-
ми историки достигаютъ указанныхъ
частныхъ цѣлей, называются научными
критическими пріемами. Пріемы эти
совершенствуются съ развитіемъ исторической
науки, но до сихъ поръ ни эти пріемы, ни
самая наука исторіи не достигли полна-
го своего развитія. Историки не собрали и
не изучили еще всего матеріала, подлежаща-
го ихъ вѣдѣнію и это даетъ поводъ говорить,
что исторія есть наука, не достигшая еще
до тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія,
болѣе точныя науки. И однако, никто не
отрицаетъ, что исторія есть наука.

...съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ
всемірной исторіи стали подходить съ убѣжденіемъ
знаніемъ, что жизнь человѣческая развивается
закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ
отношеніямъ и правиламъ, — съ тѣхъ поръ —
[illegible] историка стало раскрытіе этихъ
неизмѣнныхъ законовъ и отношеній. За простымъ
[illegible] историческихъ явленій, имѣвшимъ
[illegible] указать ихъ причинную послѣдовательность,
открылось болѣе широкое поле — историческій
[illegible] имѣющій цѣлью возсоздать общій
[illegible] всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать
[illegible] теченіи такіе законы послѣдовательнаго
развитія, которые были-бы оправданы
[illegible] прошлымъ, но и будущимъ человѣче=
ство.

[illegible] высшимъ идеаломъ не можетъ не=
руководиться _русскій_ историкъ.
[illegible] одинъ фактъ міровой истори=
[illegible] жизнь своей національности.
[illegible] ской исторіографіи таково до сихъ
[illegible] иногда налагаетъ на русскаго
[illegible] нность просто собирать факты
[illegible] первоначальную научную
[illegible] только тамъ, гдѣ факты уже
[illegible] изучены; мы можемъ возвысить=
[illegible] ныхъ историческихъ обобщеній,
[illegible] мѣтить общій ходъ того или

другого историческаго процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку: дать схематически изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но дал[ьше] такой общей схемы русскій историкъ итти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность и значеніе того или другого историческаго факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей. Добытыми результатами онъ можетъ служить историку всеобщему, положить и свой камень въ основаніе общеисторическаго синтеза. На этомъ и ограничивается его связь съ исторіей и вліяніе на нее. Конечной цѣлью русской исторіографіи остается построеніе системы мѣстнаго историческаго процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и другая, болѣе практическая задача, лежащая на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своею исторіей, живетъ сознательно, чутокъ къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача, въ данномъ случаѣ можно выразиться долгъ національной исторіографіи заключается въ томъ, что

...ъ тѣхъ поръ, какъ ...
...оказать обществу его прошлое въ истинном
...вѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ
...историографію какія-бы то ни было предвзя...
...ыя точки зрѣнія: субъективная идея не есть
...дея научная, а только научный трудъ можетъ
...ыть полезенъ общественному самосознанію.
...ставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣливъ
...господствующія начала общественнаго быта,
...оторыя характеризовали собою различны...
...тадіи русской исторической жизни, изслѣдо...
...атель раскроетъ обществу главнѣйшіе момен...
...ы его историческаго бытія и этимъ достигнетъ
...воей цѣли. Онъ дастъ обществу разумное зна...
...іе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже
... отъ него.
Такъ и отвлеченныя соображенія и практиче...
...кія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ
...одинаковую задачу - систематическое изображеніе
...усской исторической жизни, общую схему
...го историческаго процесса, который привелъ
...ашу національность къ ея настоящему состоянію.

Историографическія замѣчанія.

...огда-же началось систематическое изображеніе
...бытій русской исторической жизни и когда
...усская исторія стала наукой? Еще въ Кіевской
Руси, на ряду съ возникновеніемъ граждан...
...ственности, въ XI вѣкѣ появились у насъ
...ервыя лѣтописи. Это были перечни

фактовъ важныхъ и неважныхъ, историческихъ
и неисторическихъ въ перемежку съ литературны-
ми сказаніями. Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія
лѣтописи и не представляютъ собою историческ[ихъ]
трудовъ, не говоря о содержаніи и самыхъ пріе[махъ]
лѣтописца не соотвѣтствуютъ теперешнимъ
требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ
появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія
сказанія и лѣтописи стали впервые свѣрять
и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась
и сформировалась Московская Русь. Сплотившись
въ единое цѣлое, подъ властью единаго Московска-
го Князя, Русскіе старались объяснить себѣ и
и свое происхожденіе и свои политическія цѣли
и свои отношенія къ окружающимъ ихъ государ-
ствамъ. И вотъ въ 1512 году составляется
первый хронографъ, т.е. обозрѣніе всемірной
исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ
переводы съ греческаго языка и только какъ
дополненія внесены русскія и славянскія
историческія сказанія. Хронографъ этотъ кра-
токъ, но даетъ достаточный запасъ исто-
рическихъ свѣдѣній, за нимъ появляются и впол-
нѣ русскіе хронографы, представляющіе собою
переработку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникаютъ
въ XVI вѣкѣ лѣтописные своды, составленные
по древнимъ лѣтописямъ, но представляющіе
не сборники механически сопоставленныхъ

вактахъ, а произведенія, связанныя одной общей идеей. Первымъ такимъ произведеніемъ была Степенная книга, получившая такое названіе потому, что она раздѣлялась на главы или на „степени", какъ ихъ тогда называли. Она передавала въ хронологическомъ порядкѣ дѣятельность русскихъ князей и митрополитовъ, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой книги считаютъ митрополита Кипріяна, но окончательно она была обработана митр. Макаріемъ при Иванѣ Грозномъ, т. е. въ XVI вѣкѣ. Въ основаніи Степенной книги лежитъ тенденція и общая и частная. Общая проглядываетъ въ желаніи показать, что власть Московскихъ князей есть не случайная, а преемственная съ одной стороны отъ Византійскихъ царей, частная же тенденція сказалась въ томъ уваженіи, съ какимъ неизмѣнно повѣствуется о духовной власти. Степенная книга можетъ быть названа историческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы изложенія. Въ XVI вѣкѣ былъ составленъ другой историческій трудъ, такъ наз. „Воскресенская лѣтопись", болѣе интересный по обилію матеріала. Въ основаніи его легли всѣ прежнія лѣтописи: „Софійскій Временникъ" и иныя, такъ что фактовъ въ этой лѣтописи дѣйствительно много, но скрѣплены они чисто механически. Тѣмъ не менѣе,

„Воскресенская лѣтопись" представляетъ намъ самымъ цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ всѣхъ ей современныхъ или болѣе раннихъ, такъ какъ она составлена безъ всякой тенденціи и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, которыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своею простотою она могла казаться убогою знатокамъ риторическихъ пріемовъ и вотъ ее подвергли переработкѣ и дополненіямъ и составили какъ кажется въ XVI же вѣкѣ новый сводъ, называемый „Никоновскою лѣтописью". Въ этомъ сводѣ мы видимъ много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ греческихъ хронографовъ по исторіи греческихъ и славянскихъ странъ. Въ Никоновой лѣтописи заключалась цѣлая энциклопедія свѣдѣній, самая подробная лѣтопись особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтопись и не совсѣмъ надежная. Точность изложенія пострадала отъ литературной переработки, поправляя безхитростный слогъ прежнихъ лѣтописей, невольно искажали и смыслъ нѣкоторыхъ событій. Въ 1674 г. появился въ Кіевѣ и первый учебникъ русской исторіи, „Синопсисъ" Иннокентія Гизеля, очень распространившійся въ эпоху Петра Великаго (онъ часто встрѣчается и теперь). Если рядомъ со всѣми этими переработками лѣтописей помѣчаемъ рядъ литера-

турно написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ (напр. Сказанія князя Курбскаго, повѣсти о Смутномъ быв времени; со всѣми ними встрѣтимся ш.ч. ниже), то мы обнимемъ весь этотъ скудный запасъ историческихъ трудовъ, съ которымъ Русь дожила до эпохи Петра Великаго, до учрежденія академіи наукъ въ Петербургѣ. Петръ Великій очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первые дѣятели на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены Петербургской Академіи, изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать Готлиба Сигфрида Байера (1694-1738). Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно Варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ два довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ и теперь уже не имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи, это „Сѣверная географія" и „Изслѣдованія о Варягахъ" (ихъ перевели по русски только въ 1767 году). Гораздо плод[illegible]орнѣе были труды Герарда Фри[illegible] Миллера, жившаго въ Россіи при

[и]мператрицѣ Аннѣ, Елизаветѣ и Екатеринѣ II уже настолько владѣвшимъ русскимъ языкомъ, что писалъ свои произведенія по русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи (проживъ 10 лѣтъ съ 1733-1743 въ Сибири) и хорошо изучилъ ее. На литературномъ историческомъ поприщѣ онъ выступилъ, какъ издатель русскаго журнала „Ежемѣсячныя сочиненія" (1755-1765) и сборника на нѣмецкомъ языкѣ „Sammlung Russischer Geschichte" (9 т. т. 1732-1765) Главною заслугою Миллера было собираніе матеріаловъ по русской исторіи, его рукописи (такъ наз. Миллеровскіе портфели) служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и изслѣдователей. Изслѣдованія Миллера имѣли значеніе, онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи, имъ посвящены его труды: „Опытъ новѣйшей исторіи Россіи" и „Извѣстія о дворянахъ Россійскихъ". Наконецъ онъ былъ первымъ ученымъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ Московскій архивъ Иностранной коллегіи, директоромъ котораго и умеръ (1783). Среди академиковъ XVIII в. видное мѣсто труженика по русской исторіи занялъ и Ломоносовъ, написавшій учебную

книгу русской исторіи и одинъ томъ „Древней Русской исторіи" (1766). Его труды по Исторіи были обусловлены полемикой съ академиками нѣмцами. Послѣдніе вели Русь-Варяговъ отъ Норманновъ и Норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до пришествія Варяговъ представляли страною дикою. Ломоносовъ-же Варяговъ признавалъ за славянъ и такимъ образомъ русскую культуру считалъ самобытною. Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя отдѣльные вопросы нашей исторіи не успѣли дать общаго обзора Русской исторіи, необходимость котораго чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзоръ появилась внѣ академической среды.

Первая принадлежитъ В. Н. Татищеву (1686-1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ, что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи и будучи человѣкомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся составленіемъ е[я]. Въ теченіе многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, перерабатывалъ его не одинъ разъ, но только въ 1768 г. началось его изданіе. Въ теченіе 6-ти лѣтъ вышло 4 тома, 5-й же томъ былъ случайно

Литер. Бестужевъ-Рюминъ [illegible] Татищевъ [illegible] 192

„Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ". Въ этихъ 5^ти^ томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII вѣка. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи, мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ эскизовъ о древнихъ народахъ — Варягахъ, Славянахъ и др. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ, т. напр. онъ воспользовался изслѣдованіемъ „о Варягахъ" Байера, и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія его теперь конечно устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла, т.к. (XVIII вѣкѣ) Татищевъ обладалъ такими источниками, которыхъ теперь нѣтъ и слѣдовательно многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ, уже возстановить нельзя. Это дало поводъ заподозрѣть существованіе нѣкоторыхъ источниковъ, на которые онъ ссылался, и обвинить Татищева въ недобросовѣстности. Особенно недовѣряли приводимой имъ „Іоакимовской лѣтописи." Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало только, что Татищевъ не сумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ со всѣми ея баснями въ свою исторію. Строго говоря, трудъ Тат-ва есть ничто иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ — рядкѣ; тяжелый его

языкъ и отсутствіе литературной обработки сдѣлали его неинтереснымъ для современниковъ.
Попытка популярнаго изложенія русской исторіи впервые принадлежала Екатеринѣ II, но трудъ ея „Записки касательно русской исторіи", доведенный до конца XIII вѣка, научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только, какъ первая попытка разсказать обществу легкимъ языкомъ его прошлое.
Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была „Исторія Россіи" князя Щербатова, 15 частей (1770-1792), которою впослѣдствіи пользовался и Карамзинъ. Щербатовъ былъ человѣкомъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшимся просвѣтительной литературы XVIII в. и всецѣло сложившимся подъ ея вліяніемъ. Это повліяло на его трудъ, въ который онъ внесъ много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не умѣвалъ разбираться, что заставлялъ иногда своихъ героевъ по 2 раза умирать. Но несмотря на такіе крупные недостатки, Исторія Щербатова имѣетъ научное значеніе, благодаря многимъ приложеніямъ, заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическіе бумаги XVI и XVII вѣка. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи. Случилось, что при Екатеринѣ II нѣкто французъ Леклеркъ, совершенно не знавшій ни ру[...]
его [...]та, написа[...]

...ГОС. У-НТ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

что она возбудила всеобщее негодованіе. И. Н. Болтинъ (1735-1790) любитель русской исторіи, написалъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка, и который издалъ въ 2 томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ возраженія, Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на „Исторію" Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающіе въ немъ историческій талантъ и интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина, не совсѣмъ точно зовутъ иногда „первымъ" славянофиломъ, потому что онъ отмѣчалъ много дурныхъ сторонъ въ слѣпомъ подражаніи западу, подражаніи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра и желалъ, чтобы Россія крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ, какъ историческое явленіе. Онъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII в. въ обществѣ даже у не спеціалистовъ по исторіи былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ Н. И. Новиковъ, извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія, собравшій „Древнюю Россійскую Вивліоѳику" (20 томовъ), обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованій, изданный въ 1788-1791 г. Одновременно съ нимъ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ выступилъ купецъ Голиковъ, издавшій сборникъ историческихъ данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названіемъ

14670
Научная библиотека ... ун-т

„Дѣянія Петра В." (1е изд. 1788–1790, 2е 1837 г.)
Такимъ образомъ рядомъ съ попытками дать общую Исторію Россіи, зарождается и стремленіе подготовить матеріалы для такой исторіи. Помимо инициативы частной, въ этомъ направленіи работаетъ и сама Академія Наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.
Но во всемъ томъ, что нами перечислено, еще было мало научности въ нашемъ смыслѣ; не существовало строгихъ критическихъ пріемовъ, не говоря уже объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.
Впервые рядъ научно-критическихъ пріемовъ въ изученіи русской исторіи внесъ ученый иностранецъ Шлецеръ (1735–1809) въ Россіи съ 1751–1762. Познакомившись съ русскими лѣтописями, онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи и будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи. Результатомъ этого изученія былъ знаменитый трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ „Несторъ" (1805 г. по нѣмецки, 1809–1819 по русски) Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ [illegible]

по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ, считаетъ свою книгу почти единственнымъ трудомъ по русской исторіи. И дѣйствительно, трудъ его далеко оставилъ за собою всѣ прочіе по степени научнаго сознанія и пріемовъ автора. Эти пріемы создали у насъ какъ-бы школу учениковъ Шлецера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей вродѣ М. П. Погодина. Послѣ Шлецера стали возможены у насъ строгія историческія изысканія, для которыхъ, правда, создавались благопріятныя условія и въ другой средѣ, во главѣ которой стоялъ Миллеръ. Среди собранныхъ имъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи людей, особенно выдались Штриттеръ, Малиновскій, Бантышъ-Каменскій. Они создали первую школу ученыхъ архиваріусовъ, которыми Архивъ былъ приведенъ въ полный порядокъ и которые кромѣ внѣшней группировки архивнаго матеріала производили рядъ серьезныхъ ученыхъ изысканій на основаніи этого матеріала. Такъ мало по малу созрѣвали условія, создававшія у насъ возможность серьезной исторіи. Въ началѣ XIX вѣка создался наконецъ и первый [illegible] взглядъ на русское историческое про[illegible]
[illegible] ...[illegible]ной „Исторіи Государства [illegible]
[illegible] Карамзина. Обладая увле[illegible]
[illegible]...ъ, литературнымъ
[illegible] хорошаго ученаго

цика, Карамзинъ во всей русской исторической жизни видѣлъ одинъ главнѣйшій процессъ-созданіе національнаго-государственнаго могущества. Къ этому могуществу привели Русь рядъ талантливыхъ дѣятелей, изъ которыхъ два главныхъ: Иванъ III и Петръ Великій своею дѣятельностью ознаменовали переходные моменты въ нашей исторіи и стали на рубежахъ основныхъ ея эпохъ: древней (до Ивана III), средней (до Петра В.) и новой (до начала XIX в.) Свою систему Русской исторіи Карамзинъ изложилъ увлекательнымъ для своего времени языкомъ, а свой разсказъ онъ основалъ на многочисленныхъ изысканіяхъ, которыя и до нашего времени сохраняютъ за его Исторіей важное ученое значеніе.

Но односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображеніемъ только судебъ государства, а не общества съ его культурой, юридическими и экономическими отношеніями, была вскорѣ замѣчена уже современниками Карамзина. Журналистъ 30ых годовъ Н. А. Полевой упрекалъ его за то, что онъ, назвавъ свое произведеніе „Исторіей Государства Рос... оставилъ безъ вниманія „исторію...

Именно этими словами Полев...

трудъ, въ кот. думалъ изо...

ескаго общества. На смѣн...

онъ ставилъ свою сис...

удачную, т. к. былъ дилетантъ въ сферѣ историческаго знанія. Увлекаясь историческими трудами на западѣ, онъ пробовалъ чисто механически прикладывать ихъ выводы и термины къ русскимъ фактамъ; такъ напр., онъ отыскалъ феодальную систему въ древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что трудъ Полевого не могъ смѣстить труда Карамзина: въ немъ вовсе не было цѣльной системы. Менѣе рѣзко и съ большею осторожностью выступилъ противъ Карамзина петербургскій профессоръ Устряловъ, въ 1836 г., написавшій „Разсужденіе о системѣ прагматической русской исторіи". Онъ требовалъ, чтобы исторія была картиной постепеннаго развитія общественной жизни, изображеніе переходовъ гражданственности изъ одного состоянія въ другое. Но и онъ еще вѣритъ въ могущество личности въ исторіи и на ряду съ изображеніемъ народной жизни требуетъ и біографій ея героевъ. Самъ Устряловъ однако отказался дать опредѣленную общую точку зрѣнія на нашу исторію и замѣчалъ, что для этого еще не наступило время. Такимъ образомъ

…о трудомъ Карамзина, сказавшееся …ѣ и въ обществѣ, не исправило …темы и не замѣнило ее …ми русской исторіи, какъ …вала …ественная

картина Карамзина и не создалось научной системы. Устряловъ былъ правъ, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшие профессора Русской Исторiи, начавшие въ эпоху, близкую къ Карамзину Погодинъ и Каченовскiй еще были далеки отъ одной общей точки зрѣнiя, послѣдняя сложилась лишь тогда, когда русской исторiей стали дѣятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодинъ и Каченовскiй воспитывались на ученыхъ прiемахъ Шлецера и подъ его влiянiемъ, которое особенно сильно сказывалось на Погодинѣ. Погодинъ во многомъ продолжалъ изслѣдованiя Шлецера и изучая древнѣйшие перiоды нашей исторiи, не шелъ далѣе частныхъ выводовъ и мелкихъ обобщенiй, которыми однако умѣлъ увлекать своихъ слушателей, не привыкшихъ къ строго-научному и самостоятельному изложенiю предмета. Каченовскiй за русскую исторiю принялся тогда, когда прiобрѣлъ уже много знанiй и опыта въ занятiяхъ другими отраслями историческаго вѣдѣнiя. Слѣдуя за развитiемъ классической исторiи на Западѣ, которую въ то время вывели на новый путь изысканiя Нибура; Каченовскiй увлекался тѣмъ отрицанiемъ съ какимъ стали относиться къ ...

даннымъ по исторiи, напр., Р...

Каченовскiй перенесъ и на

всѣ свѣдѣнiя, относящiе...

русской исторіи, онъ считалъ недостовѣрными, достовѣрные-же факты, по его мнѣнію, начинаются лишь съ того времени, какъ появились у насъ письмен. документы гражданской жизни. Скептицизмъ Каченовскаго имѣлъ послѣдователей: подъ его вліяніемъ основалась такъ наз. „Скептическая школа“, не богатая выводами, а сильная новымъ скептическимъ пріемомъ отношенія къ научному матеріалу. Этой школѣ принадлежало нѣсколько статей, составленныхъ подъ руководствомъ Каченовскаго. При несомнѣнной талантливости Погодина и Каченовскаго, оба они разрабатывали хотя и крупные, но частные вопросы русской исторіи, оба они сильны были критическими методами, но ни тотъ ни другой не возвышались еще до цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія; давая методъ они не давали еще результатовъ, къ которымъ можно было придти съ помощью этого метода. Въ 30-хъ только годахъ нашего столѣтія въ русскомъ обществѣ сложилось цѣльное историческое міровоззрѣніе, но развилось оно не на научной, а на метафизической почвѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка русскіе образованные люди все съ большимъ и большимъ интересомъ обращались къ исторіи, какъ отечественной, такъ и западно-европейской. Участіе въ освободительныхъ войнахъ 1813–14 г. и заграничные походы

...жизнь познакомили нашу молодежь съ фило-
софiей и политической жизнью Западной Европы
Изучая жизнь и идеи Запада, они раздѣлились
на двѣ группы, - одна породила политическое
движенiе Декабристовъ, другая - болѣе увлекалась
отвлеченной философiей, чѣмъ политикой
Не имѣя специальныхъ историческихъ знанiй
и научной подготовки, эта послѣдняя группа
чаще размышляла надъ русской исторiей,
нежели изучала ее. Въ толкованiе своего
прошлаго эти русскiе люди вносили тѣ общiя
точки зрѣнiя, кот. почерпнули въ знакомствѣ
съ родомъ западно-европейской мысли.
Къ числу ихъ принадлежалъ и Чаадаевъ.
Онъ написалъ „Философское письмо", напечатан-
ное Надеждинымъ въ „Телескопѣ." Въ этомъ
письмѣ Чаадаевъ говоритъ, что онъ страстно
желалъ уразумѣть свое нацiональное
прошлое, ибо думалъ, выражаясь его словами,
„что можно быть полезнымъ своему отечест-
ву только подъ условiемъ ясно его видѣть."
Чтобы „ясно видѣть" прошлое безъ научной подготов-
ки Чаадаевъ, конечно, не могъ и только старал-
ся угадать его. Работа уединеннаго ума, знав-
шаго европейскiй бытъ больше русскаго, привела
Чаадаева къ тому заключенiю, что Русь не
имѣла ни исторiи, ни культуры и должна
была войти въ тѣсное сближенiе съ Западомъ,

даже съ религіознымъ его бытомъ, чтобы пріоб-
щиться къ прогрессу. Единственною свѣтлою
точкою на горизонтѣ русск. жизни для Чаада-
ва былъ Петръ, „который отрекся отъ древней
Россіи передъ лицомъ цѣлаго міра". „Вырылъ
пропасть между нашимъ прошедшимъ и на-
шимъ настоящимъ и бросилъ въ нее кучей всѣ
наши преданія." Въ Петрѣ сосредоточивался
для Чаадаева весь смыслъ русской исторіи.
Этимъ онъ предупредилъ взгляды такъ наз.
Западниковъ. Но онъ не принадлежалъ къ ни-
ни въ основаніи своей философіи, ни по жиз-
ненымъ отношеніямъ. Онъ стоитъ совершенно
особнякомъ въ исторіи русской мысли. Его
остроумно называютъ человѣкомъ 30-хъ годовъ
оставившимся позади поколѣнія 20-хъ годовъ.
Тотъ кружокъ, изъ кот. берутъ свое начало
Западники и Славянофилы, развивалъ свои
взгляды одновременно съ Чаадаевымъ, но
развивалъ ихъ болѣе стройно и свѣтлѣе смо-
трѣлъ на русскую жизнь въ ея прошломъ и
настоящемъ. Это зависѣло отъ того, что
кружокъ этотъ выросъ всецѣло на почвѣ
Германской метафизической философіи нача-
ла нашего вѣка. А эта философія отличалась
стройностью логическихъ построеній и опти-
мизмомъ выводовъ. Въ Германской мета-
физикѣ, какъ и въ Германскомъ романтизмѣ

и сказался протестъ противъ сухого раціонализма французской философіи XVIII-го вѣка. Революціонному космополитизму Франціи Германія противополагала начало народности и выражала его въ привлекательныхъ образахъ народной поэзіи и въ ряду метафизическихъ системъ. Эти системы стали извѣстны образованнымъ русскимъ людямъ и увлекали ихъ. Въ Германской философіи русскіе образованные люди видѣли цѣлое откровеніе, Германія была для нихъ „Іерусалимомъ новѣйшаго человѣчества",— какъ называлъ его Бѣлинскій. Изученіе главнѣйшихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля соединило въ тѣсной кружокъ нѣсколько талантливыхъ представителей русскаго общества и заставило ихъ обратиться къ изученію своего (русскаго) національнаго прошлаго. Результатомъ этого изученія были двѣ совершенно противоположныхъ системы русской исторіи, построенныхъ на одинаковой метафизической основѣ. Въ Германіи въ это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнѣнію Шеллинга, каждый историческій народъ долженъ осуществлять какую-нб. абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею міру — историческое призваніе народа. Исполняя его, народъ дѣлаетъ

шагъ впередъ на поприщѣ всемірной цивилизаціи; исполнивъ ее — онъ сходитъ съ историческойсцены. Тѣ народы, бытіе которыхъ не одухотворено своей идеей безусловнаго, суть народы неисторическіе, они осуждены на духовное рабство у другихъ націй. Такое-же дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе даетъ и Гегель, но онъ, развивая почти тотъ-же принципъ, пошелъ еще дальше. Онъ далъ общую картину міроваго прогресса. Вся мировая жизнь, по мнѣнію Гегеля, была развитіемъ абсолютнаго духа, кот. стремится къ самопознанію въ исторіи различныхъ народовъ, но достигаетъ его окончательно въ Германо-романской цивилизаціи. Культурные народы древняго востока, античнаго міра и романской Европы были поставлены Гегелемъ въ извѣстный порядокъ, представлявшій собою лѣстницу, по кот. восходилъ міровой духъ. На верху этой лѣстницы стояли Германцы и имъ Гегель пророчилъ вѣчное міровое главенство. Славянъ-же на этой лѣстницѣ не было совсѣмъ. Ихъ онъ считалъ за неисторическую расу и тѣмъ осуждалъ на духовное рабство у Германской цивилизаціи. Такимъ образомъ Шеллингъ требовалъ для своего народа только всемірнаго гражданства, а Гегель — всемірнаго главенства. Но несмотря на такое различіе взглядовъ оба философа

одинаково повліяли на русскіе умы въ томъ смыслѣ, что возбуждали стремленіе оглянуться на русскую историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, кот. раскрывалась въ русской жизни, опредѣлить мѣсто и значеніе русскаго народа въ ходѣ міроваго прогресса. Итакъ-то, въ приложеніи началъ германской метафизики къ русской дѣйствительности, русскіе люди разошлись между собою. Одни изъ нихъ, западники повѣрили тому, что германо-протестантская цивилизація есть послѣднее слово міроваго прогресса. Для нихъ древняя Русь, не знавшая западной, германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой, страной „азіатской", к. назвалъ ее Бѣлинскій (въ его статьѣ о Котошихинѣ). Изъ вѣковой азіатской косности вывелъ ее Петръ, кот. пріобщивъ Россію къ Германской цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса и исторіи. Во всей русской исторіи, стало быть только эпоха Петра В. можетъ имѣть историческое значеніе. Она главный моментъ въ русской жизни, она отдѣляетъ Русь азіатскую отъ Руси Европейской. До Петра полная пустыня, полное ничто, въ древней Русской Исторіи нѣтъ никакого смысла, т. к. въ древней Руси нѣтъ своей культуры.

Лит.: [illegible] Дѣятелевъ [illegible] 1/19

Но не всѣ русскіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ думали такъ; нѣкоторые не соглашались съ тѣмъ, что германская цивилизація есть верхняя ступень прогресса, что Славянское племя есть племя неисторическое. Они не видѣли причины, почему міровое развитіе должно остановиться на Германцахъ. Изъ русской исторіи выносили они убѣжденіе, что Славянство было далеко отъ застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами въ своемъ прошломъ и что оно, наконецъ, имѣло свою культуру. Это ученіе было хорошо изложено Кирѣевскимъ. Онъ говоритъ, что славянская культура въ основаніяхъ своихъ была самостоятельна и отлична отъ Германской. Во 1-хъ Славяне получили Христіанство изъ Византіи (а Германцы изъ Рима) и ихъ религіозный бытъ получилъ иныя формы, чѣмъ тѣ, кот. сложились у Германцевъ подъ вліяніемъ Католичества. Во 2-хъ Славяне и Германцы выросли на различной культурѣ; первые на греческой, вторые — на римской. Въ то время, какъ культура Германская выработала свободу и значеніе личности, славянскія общины совершенно поработили ее. Въ 3-хъ государственный строй созданъ различно. Германія сложилась на римской почвѣ. Германцы

были народъ пришлый; побѣждая туземное население, они порабощали его. Борьба между побѣжденными и побѣдителями, кот. легла въ основанiи государственнаго строя Западной Европы перешла впослѣдствiи въ антагонизмъ сословiй, у Славянъ государство создалось путемъ мирнаго договора добровольнаго призванiя власти. Вотъ - различiе между Россiей и Зап. Европой, различiе религiи, культуры, государственнаго строя. Такъ думали славянофилы, болѣе самостоятельные последователи германскихъ философск. ученiй. Они были убѣждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшаго развитiя своихъ началъ въ эпоху Московскаго государства. Петръ В. грубо разрушилъ это развитiе, насильственною реформою внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала германской цивилизацiи. Онъ повернулъ правильное теченiе народной жизни на ложный путь заимствованiя, т. ч. онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего нацiональнаго духа. Цѣль Славянофиловъ - вернуться на путь естественнаго развитiя, сгладивъ слѣды насильственной Петровской реформы.

Общiя точки зрѣнiя западниковъ и славянофиловъ служили имъ основанiемъ для толкован

не только общаго смысла нашей исторіи, но и отдѣльныхъ ея фактовъ: можно насчитать много историческихъ трудовъ, написанныхъ западниками и особенно славянофилами (изъ славянофиловъ-историковъ слѣдуетъ помянуть Константина С. Аксакова) Но ихъ труды были гораздо болѣе философскими или публицистическими, чѣмъ собственно историческими, а отношеніе къ исторіи гораздо болѣе философскимъ, чѣмъ научнымъ.

Строго-научная цѣльность историческихъ воззрѣній впервые создана была у насъ въ 40хъ годахъ. Первыми носителями новыхъ историческихъ идей были два молодые профессора Московскаго университета: Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ и Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Ихъ воззрѣніе на русскую исторію въ то время называлось „теоріей родоваго быта", а впослѣдствіи всѣ ученые ихъ направленія стали извѣстны подъ названіемъ „историко-юридической школы." Воспитались они подъ вліяніемъ германской философіи. Въ началѣ нашего вѣка историческая наука въ Германіи сдѣлала большіе успѣхи. Дѣятели такъ назыв. „Германской исторической школы" внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворные, руководящіе идеи

и новые методы изслѣдованій. Главною мыслью Германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ общинъ не есть результатъ случайностей, или единичной воли отдѣльныхъ лицъ: развитіе общества совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ ни историческая случайность, ни личность, какъ-бы сильна она ни была. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія Фридрихъ Августъ Вольфъ въ произведеніяхъ „Prolegomena ad Homerum", въ кот. онъ занимался изслѣдованіемъ происхожденія и состава Греческаго эпоса „Одиссеи" и „Иліады". Давая въ своемъ трудѣ рѣдкій образецъ исторической критики, онъ утверждалъ, что Гомеровскій эпосъ не могъ быть произведеніемъ отдѣльной личности, а былъ постепенно, органически созданнымъ произведеніемъ поэтическаго генія цѣлаго народа. Послѣ труда Вольфа такое органическое развитіе стали искать не только въ памятникахъ поэтическаго творчества, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Искали и въ исторіи и въ правѣ. Признаки органическаго роста античныхъ общинъ наблюдалъ Нибуръ.

къ Римской Исторіи, Карлъ Готфридъ Миллеръ къ Греческой. Органическое развитіе правового сознанія изучали историки-юристы-Эйхгорнъ (Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, въ пяти томахъ, 1808) и Савиньи (Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, въ шести томахъ, 1815–1831). Эти труды, носившіе на себѣ печать новаго направленія, къ половинѣ XIII вѣка создали въ Германіи блестящую школу историковъ, которая и до сихъ поръ еще не пережила вполнѣ своихъ идей.

Въ идеяхъ и пріемахъ ея выросли наши ученые историко-юридической школы. (Одни усвоили ихъ себѣ путемъ чтенія, к. напр. Кавелинъ, другіе прямо слушаніемъ лекцій, к. напр. Соловьевъ, который былъ ученикомъ Ранке.) Они усвоили себѣ все содержаніе нѣмецкаго историческаго направленія. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и германской философіей Гегеля. Въ Германіи точная и фактографическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими ученіями Гегеліанства, тѣмъ не менѣе и историки, и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное развитіе человѣческихъ общинъ. И историки, и Гегель одинаково отрицали въ ней случайность, потому

ихъ воззрѣния могли ужиться въ одной и той же личности. Эти воззрѣнія и были впервые приложены къ русской исторіи нашими учеными С. Соловьевымъ и К. Кавелинымъ, кот. думали показать въ ней органическое развитіе тѣхъ началъ, которые были даны первоначальнымъ бытомъ нашего племени и которые коренились въ природѣ нашего народа. На бытъ культурный и экономическій они обращали меньше вниманія, чѣмъ на внѣшнія формы общественныхъ союзовъ, п. ч. они были убѣждены, что главнымъ содержаніемъ русской исторической жизни была именно естественная смѣна однихъ законовъ другими. Они надѣялись подмѣтить порядокъ этой смѣны и въ нёмъ найти законъ нашего историческаго развитія. Вотъ почему ихъ историческіе трактаты носятъ нѣсколько односторонній историко-юридическій характеръ. Такая односторонность не составляла индивидуальности нашихъ ученыхъ, а была внесена ими отъ германскихъ наставниковъ. Нѣмецкая исторіографія считала главной своей задачей изслѣдованіе именно юридическихъ формъ въ исторіи, корень этого взгляда кроется въ идеяхъ Канта, который

понималъ исторію, какъ „путь человѣчества къ созданію совершенныхъ государственныхъ формъ.“ Таковы были тѣ основанія, на которыхъ строилось первое научно-философское воззрѣніе на русскій историческій бытъ. Это не было простое заимствованіе чужихъ выводовъ, не было только механическое приложеніе чужихъ идей къ плохо понятому матеріалу, это было самостоятельное научное движеніе, въ которомъ взгляды и научные пріемы были тожественны съ германскими, но выводы отнюдь не предрѣшались и зависѣли отъ матеріала. Это было научное творчество, шедшее въ направленіи своей эпохи, но самостоятельно. Вотъ почему каждый дѣятель этого движенія сохранилъ свою индивидуальность и оставилъ по себѣ цѣнныя монографіи, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего историческаго развитія, подъ вліяніемъ которой до сихъ поръ живетъ русская историографія.

Исходя изъ мысли, что отличительныя черты исторіи каждаго народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили вниманіе

на первоначальную форму русскаго общественнаго быта, которая по ихъ мнѣнію определялась началами <u>родового быта</u>. Всю русскую исторію представляли они, к.к. последовательный, органически стройный <u>переходъ</u> отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ, отъ <u>родового быта</u> - къ быту <u>государственному</u>. Между эпохою кровныхъ союзовъ и государственною лежитъ промежуточный періодъ, въ которомъ происходила борьба начала кровнаго съ началомъ государственнымъ. Въ первый періодъ личность безусловно подчинялась роду и определяла свое положеніе не индивидуальной дѣятельностью, или способностями; а положеніемъ въ родѣ; кровное начало господствовало не только въ княжекихъ, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ; оно определяло собою всю политическую жизнь Россіи. Россія въ первой стадіи своего развитія считалась родовою собственностью князей; она дѣлилась на волости соотвѣтственно числу членовъ княжескаго дома. Порядокъ владѣнія обусловливался родовыми счетами. Положеніе каждаго князя опредѣлялось его мѣстомъ въ родѣ. Нарушеніе старшинства

порождало междоусобицы, которыя съ точки зрѣнія Соловьева ведутся не за волости, не за нѣчто конкретное, а за нарушеніе старшинства, за идею. Съ теченіемъ времени измѣнились обстоятельства княжеской жизни и дѣятельности на сѣверо-востокѣ Руси, гдѣ князья являлись полными хозяевами земли, сами призывали населеніе, сами строили города и сообщали первое благоустройство княженіямъ. Чувствуя себя создателемъ новой области, князь предъявляетъ на нее новыя требованія: въ силу того, что князь самъ „налѣзъ" себѣ волость, онъ не считаетъ послѣднюю уже родовой. Онъ образовалъ ее своими личными трудами и она не должна переходить въ родъ, она его личное владѣніе, которое остается въ его семьѣ. Отсюда возникаетъ понятіе о собственности семейной, понятіе, вызвавшее окончательную погибель родового быта. Семья, а не родъ стало главнымъ принципомъ, князья даже стали смотрѣть на своихъ дальнихъ родственниковъ, к. на людей чужихъ, враговъ своей семьи. Наступаетъ новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не создалось. Наступаетъ хаосъ, борьба

вѣтвяхъ противъ всѣхъ. Изъ этого хаоса выростаетъ случайно усилившаяся семья Московскихъ князей, которые свою вотчину ставятъ выше другихъ по силѣ и богатству. Въ этой вотчинѣ мало по малу вырабатывается начало единонаслѣдія - первый признакъ новаго государственнаго порядка, который водворяется окончательно реформами Петра В.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ взглядъ С. М. Соловьева на ходъ нашей исторіи, взглядъ, разработанный имъ въ двухъ его диссертаціяхъ: 1) Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ, и 2), Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома." Система Соловьева была талантливо поддержана К. Д. Кавелинымъ въ нѣсколькихъ его историческихъ статьяхъ (см. томы I и II его „Собранія сочиненій") Въ одной лишь существенной части расходится Кавелинъ съ Соловьевымъ: онъ думалъ, что и безъ случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ на сѣверѣ Руси родовой бытъ княжескій долженъ былъ разложиться и перейти въ семейный, а затѣмъ въ

государственный. Смѣну, неизбѣжную и послѣдовательную смѣну началъ въ нашей исторіи онъ изображалъ въ такой краткой формулѣ: „родъ и общее владѣніе; семья и вотчина или отдѣльная собственность; лице и государство.“ (т. II стр. 474)

Толчекъ, данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской исторіографіи, былъ очень великъ. Стройная, ученая система, впервые данная нашей исторіи, увлекла многихъ и вызвала оживленное научное движеніе. Много монографій было написано прямо въ духѣ историко-юридической школы. Но много и возраженій, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильныхъ, раздалось противъ ученія этой новой школы. Рядъ горячихъ научныхъ споровъ въ концѣ концовъ окончательно расшаталъ стройное теоретическое построеніе Соловьева и Кавелина въ томъ его видѣ, въ какомъ оно появилось въ ихъ первыхъ трудахъ. Первое возраженіе противъ школы родового быта принадлежало Славянофиламъ. Въ лицѣ К. Аксакова

они обратились к изученію исторических фактовъ (къ нимъ отчасти примкнули московскій профес. Лешковъ и Бѣляевъ); на первой ступени нашей исторіи увидѣли эти люди не родовой бытъ, а общинный и мало по малу создали свое ученіе объ общинѣ. Оно встрѣтило нѣкоторую поддержку въ трудахъ Одесскаго профессора Леонтовича, который постарался опредѣлить точнѣе примитивный характеръ древней славянской общины; эта община, по его мнѣнію, очень походитъ на существующую еще Сербскую „задругу", основанную отчасти на родственныхъ, отчасти-же на территоріальныхъ отношеніяхъ. На мѣсто рода, точно опредѣленнаго школою родового быта, стала не менѣе точно опредѣленная община и так. обр. первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возраженіе противъ частностей этой схемы сдѣлано было ученымъ, близкимъ по общему своему направленію къ Соловьеву и Кавелину. Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, воспитавшійся въ той-же научной обстановкѣ, к. Соловьевъ и Кавелинъ, отодвинулъ за предѣлы исторіи эпоху кровныхъ родовыхъ сою=

зовъ на Руси. На первыхъ страницахъ нашего (историческаго) бытія онъ видѣлъ уже разложеніе древнихъ началъ родовыхъ. Первая форма нашей общественности, какую знаетъ исторія по его взгляду, была построена не на кровныхъ связяхъ, а на началахъ гражданскаго права. Въ древнемъ русскомъ быту личность не ограничивалась ничѣмъ, ни кровнымъ союзомъ, ни государственными порядками. Всѣ общественныя отношенія опредѣлялись гражданскими сдѣлками-договорами. Изъ этого то договорнаго порядка естественнымъ путемъ выросло впослѣдствіи государство. Теорія Чичерина, изложенная въ его трудѣ „О духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей великихъ и удѣльныхъ", получила дальнѣйшее развитіе въ трудахъ проф. В. И. Сергѣевича и въ этой послѣдней формѣ уже совсѣмъ отошла отъ первоначальной схемы, данной школою родового быта. Вся исторія общественнаго быта у В. И. Сергѣевича дѣлится на два періода: первый съ преобладаніемъ частной личной воли надъ началомъ государственнымъ; второй – съ преобладаніемъ государственнаго интереса надъ личной волею.

Если первое славянофильское возраженіе явилось на почвѣ соображеній объ общей

<u>культурной</u> самостоятельности славянства, если второе выросло на почвѣ изученія <u>правовыхъ</u> институтовъ, то третье возраженіе школѣ родового быта сдѣлано скорѣе всего съ точки зрѣнія <u>историко-экономической</u>. Древнѣйшая Кіевская Русь не есть страна патріархальная; ея общественныя отношенія довольно сложны и построены на тимократической основѣ. Въ ней преобладаетъ аристократія капитала, представители кот. сидятъ въ княжеской думѣ. Таковъ взглядъ проф. В. О. <u>Ключевскаго</u> (въ его трудѣ „Боярская дума Древней Руси“).

Всѣ эти возраженія уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой-либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось вѣрно своей метафизической основѣ, а въ позднѣйшихъ представителяхъ отошло отъ историческихъ розысканій. Система Чичерина и Сергѣевича сознательно считаетъ себя системой только исторіи права. А точка зрѣнія историко-экономическая не приложена къ объясненію всего хода нашей исторіи. Наконецъ въ трудахъ другихъ историковъ не встрѣчаемъ сколько-нб. удачной попытки дать основанія для самостоятельнаго и цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія. Чѣмъ-же живетъ теперь наша исторіографія?

Вмѣстѣ съ К. Аксаковымъ можемъ мы сказать, что у насъ теперь нѣтъ „исторіи", что „у насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, не болѣе". Но отмѣчая этимъ отсутствіе одной господствующей въ исторіографіи доктрины, мы не отрицаемъ существованія у нашихъ современныхъ историковъ общихъ взглядовъ, новизною и плодотворностью которыхъ обусловливаются послѣдніе успѣхи нашей исторіографіи. Эти общіе взгляды возникали у насъ одновременно съ тѣмъ, какъ появлялись въ европейской наукѣ; касались они и научныхъ методовъ и историческихъ представленій вообще. Возникшее на Западѣ стремленіе приложить къ изученію исторіи пріемы естественныхъ наукъ сказалось и у насъ въ трудахъ извѣстнаго Щапова. Сравнительный историческій методъ, выработанный англійскими учеными по преимуществу (Фриманъ) и требующій, чтобы каждое историческое явленіе изучалось въ связи съ подобными же явленіями другихъ народовъ и эпохъ — прилагался и у насъ многими учеными (напр. В. И. Сергѣевичемъ). Развитіе этнографіи вообще вызвало стремленіе создать историческую этнографію и съ точки зрѣнія этнографической разсмотрѣть вообще явленія древнѣйшей нашей исторіи (Н. И. Костомаровъ).

Интересъ къ исторіи экономическаго быта, возросшій на Западѣ, сказался и у насъ многими попытками изученія народно-хозяйственной жизни въ разныя эпохи (В. О. Ключевскій и др.). Такъ наз. эволюціонизмъ имѣетъ и у насъ своихъ предшественниковъ въ лицѣ молодыхъ университетскихъ преподавателей. Не только то, что вновь вносилось въ научное сознаніе, двигало впередъ нашу исторіографію. Пересмотръ старыхъ уже разработанныхъ вопросовъ давалъ новые выводы, ложившіеся въ основаніе новыхъ и новыхъ изысканій. Уже въ 70-хъ годахъ С. М. Соловьевъ въ своихъ „Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ В." ясно и доказательно высказалъ свою старую мысль о томъ, что Петръ В. былъ традиціоннымъ дѣятелемъ и въ своей реформаціонной дѣятельности руководился идеалами старыхъ московскихъ людей XVII вѣка и пользовался тѣми средствами, которыя были подготовлены раньше его. Едва-ли не подъ вліяніемъ трудовъ именно Соловьева началась дѣятельная разработка исторіи Московской Руси, показыва-

восприняль изъ окружавшей его Московской среды. Пересмотръ старѣйшаго изъ вопросовъ русской историографіи Варяжскаго вопроса (въ трудахъ В. Гр. Васильевскаго, А. А. Куника, С. А. Гедеонова и др.) освѣщаетъ новымъ свѣтомъ начало нашей русской исторіи. Новыя изслѣдованія по исторіи Западной Руси открыли передъ нами любопытныя и важныя данныя по исторіи и быту Литовско-русскаго государства (В. Б. Антоновичъ и др.) Указанными примѣрами не исчерпывается, конечно, содержаніе новѣйшихъ работъ по нашему предмету; но эти примѣры показываютъ, что современная историографія трудится надъ темами весьма крупными. До попытокъ историческаго синтеза поэтому можетъ быть и недалеко.

Въ заключеніи нашего историографическаго обзора намъ слѣдуетъ назвать тѣ труды по русской историографіи, въ которыхъ изображается постепенное развитіе и современное состояніе нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства съ нашею историографіею: 1) К. Н. Бестужева-Рюмина: „Русская Исторія" (2 т.т.; конспективное изложеніе фактовъ и ученыхъ мнѣній съ очень цѣннымъ введеніемъ объ источникахъ и историографіи); 2) К. Н. Бесту=

ревъ-Рюминъ: „Біографіи и характеристики" (Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и др.) СПб. 1882 г.; 3) С. М. Соловьевъ; статьи по историографіи, указанныя на стр. 530 его книги: „Сочиненія С. М. Соловьева, СПб. 1882; 4) М. О. Коялович, Исторія русскаго самосознанія, СПб. 1884 г.; 5) В. С. Иконникова „Опытъ русской историографіи; томъ I, книги первая и вторая. Кіевъ 1891 г.; 6) Пав. Ник. Милюковъ, „Главныя теченія русской исторической жизни" - въ „Русской Мысли" за 1893 г. (и отдѣльно).

Обзоръ источниковъ.

Въ обширномъ смыслѣ понятіе историческаго источника, заключаетъ въ своемъ содержаніи всякій остатокъ старины, будетъ-ли это сооруженіе, предметъ искусства, вещь житейскаго обихода, печатная книга, рукопись или, наконецъ, устное преданіе. Но въ узкомъ смыслѣ мы называемъ источникомъ печатный или письменный остатокъ старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучаетъ историкъ. Нашему вѣдѣнію подлежатъ лишь остатки послѣдняго рода.

Обзоръ источниковъ можетъ быть веденъ двумя путями: во 1-хъ онъ можетъ быть простымъ, логически-систематичнымъ

перечнемъ различныхъ видовъ историческаго материала съ указаніемъ главнѣйшихъ его изданій; во 2-хъ обзоръ источниковъ можетъ быть построенъ исторически и совмѣстить въ себѣ перечень перечень материала съ обзоромъ движенія у насъ археографическихъ трудовъ. Второй путь ознакомленія съ источниками для насъ гораздо интереснѣе, во 1-хъ потому, что здѣсь мы можемъ наблюдать появленіе археографическихъ трудовъ въ связи съ тѣмъ, какъ въ обществѣ развивалось чувство цѣнности рукописной старины и во 2-хъ потому еще, что здѣсь мы познакомимся съ тѣми дѣятелями, которые собираніемъ материаловъ для родной исторіи составили себѣ вѣчное имя въ нашей наукѣ. Въ эпоху до-Петровскую отношеніе къ рукописямъ въ грамотныхъ слояхъ нашего общества московскаго было самымъ внимательнымъ, потому что въ то время рукопись замѣняла книгу, была источникомъ и знаній, и эстетическихъ наслажденій и составляла цѣнные предметы обладанія; рукописи постоянно переписывались съ большой тщательностью и часто жертвовались передъ

смертью владѣльцами въ монастыри „по душѣ": жертвователь за свой даръ просить монастырь или церковь о вѣчномъ поминовеніи его грѣшной души. Акты законодательные и вообще всѣ рукописи юридическаго характера, т. е. то, что мы назвали-бы теперь офиціальными и дѣловыми бумагами также ревниво сберегались. Печатныхъ законоположеній, кромѣ уложенія, тогда не существовало и этотъ рукописный матеріалъ былъ какъ-бы кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права, руководствомъ тогдашнихъ администраторовъ и судей. Законодательство тогда было письменнымъ, какъ теперь оно печатное. Кромѣ того, на рукописныхъ-же грамотахъ монастыри и частныя лица основывали свои льготы и различнаго рода права. Понятно, что весь этотъ письменный матеріалъ былъ дорогъ въ обиходѣ тогдашней жизни и что его должны были цѣнить и хранить. Въ XVIII в. подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ вкусовъ и съ распространеніемъ печатной книги и печатныхъ законоположеній, отношеніе къ старымъ рукописямъ очень измѣняется: упадокъ чувства ихъ цѣнности замѣчается у насъ въ продолженіи

всего XVIII в. Въ XVII в. рукопись очень цѣнилась тогдашнимъ культурнымъ классомъ, а теперь въ XVIII в. этотъ классъ уступилъ мѣсто новымъ культурнымъ слоямъ, которые къ рукописнымъ источникамъ старины относились презрительно, какъ къ старому негодному хламу. Духовенство также перестало понимать историческую и духовную цѣнность своихъ богатыхъ рукописныхъ собраній и относилось къ нимъ небрежно. Обиліе рукописей, перешедшихъ изъ XVII въ XVIII вѣкъ способствовало тому, что ихъ не цѣнили. Рукопись была еще такъ сказать вещью житейской, а не исторической и мало по малу съ культурныхъ верховъ общества, гдѣ прежде вращалась, переходила въ низшіе его слои, между прочимъ и раскольникамъ, которыхъ нашъ археографъ Строевъ называлъ „попечителями нашихъ рукописей." Старые-же архивы, и монастырскія древле-хранилища, заключавшія въ себѣ массу драгоцѣнностей, оставались безъ всякаго вниманія въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ. Вотъ примѣры уже изъ нашего вѣка, которые показываютъ, какъ невѣжественно обращались съ рукописной стариной ея вла-

дѣльцы и хранители. „Въ одной обители благо-
честія, къ которой въ началѣ XVII в. было при-
писано болѣе 15^{ти} другихъ монастырей", писалъ
П. М. Строевъ въ 1823 году, „ея старый архивъ
помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было
рамъ. Снѣгъ покрывалъ на пол-аршина кучу
книгъ и столбцевъ, наваленныхъ безъ разбо-
ру и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ
Геркулана. Этому шесть лѣтъ, слѣд. снѣгъ
шесть разъ покрывалъ сіи рукописи и сколь-
ко-же на нихъ таялъ, теперь вѣрно оста-
лась одна ржавая пыль"... Тотъ-же
Строевъ въ 1829 г. доноситъ академіи наукъ,
что архивъ стариннаго города Кевроля
по упраздненіи его перенесенный въ Пинегу
„сгнилъ тамъ въ ветхомъ сараѣ и какъ мнѣ
сказывали, послѣдніе остатки его не задол-
го передъ симъ (т. е. до 1829 г.) брошены въ воду".
Извѣстный любитель и изслѣдователь стари-
ны митрополитъ кіевскій Евгеній (Болхови-
тиновъ, 1767-1837), будучи архіереемъ во Пско-
вѣ пожелалъ осмотрѣть богатый Новгород-
скій Юрьевъ монастырь. „Впередъ онъ далъ
знать о своемъ пріѣздѣ", пишетъ біографъ
митр. Евгенія — Ивановскій —, „и этимъ разумѣет-
ся заставилъ начальство обители нѣсколь-
ко посуетиться и привести нѣкоторыя изъ

Монастырскихъ помѣщеній въ болѣе благовидный порядокъ. Ѣхать въ Монастырь онъ могъ одной изъ двухъ дорогъ: или верхнею, болѣе проѣзжею, но скучною, или нижнею близъ Волхова, менѣе удобною, но болѣе пріятною. Онъ повхалъ нижнею. Близь самаго Монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока. Желая узнать, что везетъ инокъ къ рѣкѣ, онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ, что онъ везетъ разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ навозную кучу нельзя, а надобно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ подошелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожу, увидѣлъ порванныя книжки и рукописные листы и тотчасъ велѣлъ иноку возвратиться въ Монастырь. Въ этомъ возу оказались драгоцѣнные остатки письменности даже XI в." (Ивановскій, митр. Евгеній, стр. 41-42)

Таково было у насъ отношеніе къ памятникамъ старины еще въ XIX в.; въ XVIII в. оно было, конечно, не лучше, хотя нужно отмѣтить, что рядомъ съ этимъ, сначала уже прошлаго столѣтія являются отдѣльныя личности, сознательно относившіеся къ старинѣ. Самъ Петръ I собиралъ старинныя монеты, медали и другія остатки

старины, по Западно-европейскому обычаю, какъ необыкновенные и курьезные предметы, к. своего рода „Монстры." Но собирая любопытные вещественные остатки старины, Петръ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ „выдать государства россійскаго исторію" и полагалъ, что „о семъ первѣе трудиться надобно а не о началѣ свѣта и другихъ государствъ, понеже о семъ много писано. Съ 1708-1715г. по приказу Петра надъ сочиненіемъ русской исторіи трудился тогдашній ученый дѣятель славяно-греко-латинской Академіи - Өедоръ Поликарповъ, но трудъ его не удовлетворилъ Петра, а самъ остался неизвѣстенъ. Несмотря, однако на такую неудачу, Петръ до конца своего царствованія не забывалъ мысли о полной русской исторіи и заботился о собраніи для нея матеріала: въ 1720г. онъ приказалъ губернаторамъ пересмотрѣть всѣ замѣчательные историческіе документы и лѣтописныя книги во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ", составить имъ описи и доставить эти описи въ сенатъ, а въ 1722г. синоду было указано по этимъ описямъ отобрать всѣ историческія рукописи изъ епархій

въ синодѣ и сдѣлать съ нихъ списки. Но синоду не удалось привести это въ исполненіе: большинство епархіальныхъ начальствъ отвѣчало на запросы синода, что у нихъ нѣтъ такихъ рукописей, а всего въ синодъ было прислано до 40 рукописей, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ и изъ нихъ только 8 собственно историческихъ, остальныя-же духовнаго содержанія. Такъ желаніе Петра имѣть историческое повѣствованіе о Россіи и собрать для этого матеріалъ - разбилось о невѣжество и небрежность его современниковъ. При Петрѣ, такимъ образ. для русской исторіи не было сдѣлано ничего въ смыслѣ результатовъ. Историческая наука родилась у насъ уже позже Петра и научная обработка историческаго матеріала началась вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ ученыхъ нѣмцевъ, тогда стало выясняться мало по малу и значеніе рукописнаго матеріала для нашей исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи неоцѣнимыя услуги нашей наукѣ оказалъ извѣстный уже намъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ (р. 1705-1785г.). Добросовѣстный и трудолюбивый ученый, осторожный критикъ-изслѣдователь и въ тоже время

неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ. Миллеръ своею разнообразною дѣятельностью вполнѣ заслуживаетъ имя „отца русской исторической науки", какое ему даютъ наши историографы. Наша наука еще до сихъ поръ пользуется собраннымъ имъ матеріаломъ. Въ 258 нaз. „портфеляхъ" Миллера, хранящихся въ Академіи Наукъ и въ Московскомъ главномъ архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ, заключается болѣе 900 нумеровъ разнаго рода историческихъ бумагъ. Эти портфели и теперь еще для изслѣдователя составляютъ цѣлое сокровище и новые историческіе труды часто черпаютъ изъ нихъ свои матеріалы: такъ археографическая коммиссія до послѣдняго времени наполняла его матеріаломъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій (Сибирскія дѣла къ дополненіяхъ къ „Актамъ историческихъ") Миллеръ собиралъ письменные памятники не въ одной только Европейской Россіи, но и въ Сибири, гдѣ онъ провелъ около 10 лѣтъ (1733-1743). Эти изысканія въ Сибири дали важные результаты, т. ч. только здѣсь Миллеру удалось найти массу цѣнныхъ документовъ о смутѣ,

которые были потомъ напечатаны въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и Договоровъ. II томъ. При императрицѣ Екатеринѣ II Миллеръ былъ назначенъ начальникомъ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и имѣлъ отъ императрицы порученіе создать собраніе дипломатическихъ документовъ по примѣру Амстердамскаго изданія Дюмона (Corps universel diplomatique du droit des gens. 8 т. 1726-1731). Но Миллеръ былъ уже старъ для такого грандіознаго труда и какъ начальникъ архива успѣлъ только начать разборъ и упорядоченіе архивнаго матеріала и приготовилъ цѣлую школу своихъ учениковъ, которые по смерти учителя продолжали работать въ этомъ архивѣ и вполнѣ развернули свои силы позднѣе въ такъ называемую „Румянцевскую эпоху". Рядомъ съ Миллеромъ дѣйствовалъ В. Н. Татищевъ. Онъ намѣревался писать географію Россіи, но понималъ, что географія безъ исторіи невозможна и потому рѣшилъ сперва написать исторію и обратился къ собиранію и изученію рукописнаго матеріала. Собирая матеріалы онъ нашелъ и первый отъ=

нилъ „Русскую Правду" и „Царскій судебникъ". Эти памятники, какъ и самая „Исторія Россіи" Татищева изданы были уже послѣ его смерти (+1750 г.) Миллеромъ. Кромѣ собственно историческихъ трудовъ Татищевъ составилъ инструкцію для собиранія этнографическихъ, географическихъ и археологическихъ свѣдѣній о Россіи. Эта инструкція была принята Академіей Наукъ. Со времени Екатерины II дѣло собиранія и изслѣдованія историческаго матеріала очень развилось. Сама Екатерина находила досугъ для занятія русской исторіей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала историческіе труды. При такомъ настроеніи императрицы въ русскомъ обществѣ сталъ живѣе интересъ къ прошлому и стало сознательнѣе отношеніе къ остаткамъ этого прошлаго. При Екатеринѣ какъ собиратель историческаго матеріала, дѣйствуетъ между прочимъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, нашедшій „Слово о Полку Игоревѣ" и возобновившій работу о томъ, чтобы собрать изъ монастырскихъ библіотекъ въ столицу всѣ рукописныя лѣтописи въ видахъ ихъ лучшаго храненія и изданія. При Екатеринѣ начинаются

многочисленныя изданія летописей въ Академіи Наукъ и при Синодѣ, изданія впрочемъ еще не совершенныя и не научныя. И въ провинціи начинается тоже движеніе въ пользу изученія старины: въ Архангельскѣ, напримѣръ, составляется археологическое общество, гдѣ дѣйствуютъ Крестининъ и Фокинъ. Въ столицахъ частные люди начинаютъ издавать памятники.
Въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто занимаетъ Николай Ивановичъ Новиковъ, больше извѣстный нашему обществу изданіемъ сатирическихъ журналовъ, масонствомъ и заботами о распространеніи образованія. По своимъ личнымъ качествамъ и гуманнымъ идеямъ - это рѣдкій въ своемъ вѣкѣ человѣкъ, свѣтлое явленіе своего времени. Онъ намъ уже извѣстенъ, какъ собиратель и издатель „Древней Россійской Вивліоѳики" обширнаго сборника старыхъ разнаго рода актовъ, лѣтописей, литературныхъ старинныхъ произведеній и историческихъ статей. Изданіе свое онъ началъ въ 1773 г. и въ 3 года издалъ 10 частей. Въ предисловіи къ Вивліоѳикѣ Новиковъ опредѣляетъ свое изданіе, какъ

„начертаніе нравовъ и обычаевъ предковъ" съ цѣлью познать „великость духа ихъ, украшеннаго простотою" (Надо замѣтить, что идеализація старины уже сильна была и въ первомъ сатирическомъ журналѣ Новикова „Трутень" (1769-1770.) Первое изданіе „Вивліофики" теперь уже забыто ради второго, болѣе полнаго, въ 20 томахъ (1788-1791). Новикова въ этомъ его изданіи поддерживала сама Екатерина II и деньгами и тѣмъ, что допустила его къ занятіямъ въ архивѣ Иностранной коллегіи, гдѣ ему очень радушно помогалъ старикъ Миллеръ. По содержанію своему „Древняя Россійская Вивліоѳика" была случайнымъ сводомъ подъ руку попавшагося матеріала, изданнаго почти безъ всякой критики и безо всякихъ научныхъ пріемовъ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь.

Въ этомъ отношеніи еще ниже стоятъ: „Дѣянія Петра Великаго" курскаго купца Голикова, который еще съ дѣтства восторгался дѣяніями Петра, имѣвъ несчастіе попасть подъ судъ, но былъ освобожденъ по манифесту, по случаю открытія памятника Петра. По этому

по поводу Голиковъ 62 - рѣшилъ всю свою жизнь посвятить работѣ надъ біографіей Петра. Онъ собиралъ всѣ извѣстія, какія только могъ достать, безъ разбора ихъ достоинствъ, письма Петра, анекдоты о немъ и т. п. Въ началѣ своего собранія онъ помѣстилъ краткій обзоръ XVI и XVII вв. На трудъ Голикова обратила вниманіе Екатерина и открыла ему архивы, но этотъ трудъ лишенъ всякаго научнаго значенія, хотя по недостатку лучшихъ матеріаловъ имъ пользуются и теперь. Для своего-же времени онъ былъ крупнымъ археографическимъ фактомъ (I-ое изданіе 30 т. 1788-98 г., II-ое изданіе, 15 томовъ, 1837 г.).

Кромѣ Академіи и частныхъ лицъ, къ памятникамъ старины обратилась дѣятельность и „Вольнаго Россійскаго собранія" ученаго общества, основаннаго при Московскомъ университетѣ въ 1771 году. Это общество было очень дѣятельно въ помощи отдѣльнымъ ученымъ силамъ, открывая имъ доступъ въ архивы, снаряжая ученыя этнографическія экспедиціи и т. д., но само издавало не много памятниковъ старины: въ 10 лѣтъ оно выпустило только 6 книгъ своихъ „Трудовъ" (1774-1783).

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ дѣяте=льность второй половины прошлаго вѣ=ка по собиранію и изданію матеріаловъ. Эта дѣятельность отличалась случайнымъ характеромъ, захватывала только тотъ матеріалъ, который если можно такъ выразиться, самъ шелъ въ руки; заботъ о тѣхъ памятникахъ, которые были въ провинціи, не проявлялось. Сибирская экспедиція Миллера и собираніе лѣто=писей по мысли Мусина Пушкина были отдѣльными эпизодами исключительнаго характера и историческое богатство провинціи оставалось пока безъ оцѣнки и вниманія. Что-же касается до истори=ческихъ изданій прошлаго столѣтія, то они не выдерживаютъ и слабаго прикосно=венія нынѣшней научно-издательской критики. Кромѣ разныхъ техническихъ подробностей мы требуемъ теперь отъ ученаго издателя, чтобы онъ пересмотрѣлъ по возможности всѣ извѣстные списки, издаваемаго памятника, выбралъ изъ нихъ древнѣйшіе и лучшіе, то есть съ исправнѣйшимъ текстомъ; одинъ изъ лучшихъ положилъ въ основу изданія и печаталъ его текстъ, приводя къ нему

всѣ варіанты другихъ исправныхъ списковъ, избѣгая малѣйшихъ неточностей и опечатокъ въ текстѣ. Изданію должна предшествовать провѣрка исторической цѣнности памятника: если памятникъ окажется простой компиляціей, то лучше издать ея источники, чѣмъ самую компиляцію. Но въ XVIII вѣкѣ на дѣло смотрѣли не такъ; считали возможнымъ издавать, напр., лѣтопись по одному ея списку со всѣми ошибками, такъ что теперь, по нуждѣ, пользуясь нѣкоторыми изъ изданій за неимѣніемъ лучшихъ, историкъ постоянно въ опасности сдѣлать ошибку, допустить неточность и т. п. Только Шлецеръ теоретически устанавливалъ пріемы ученой критики, да Мюллеръ въ изданіи „Степенной книги" (1775 г.) соблюдалъ нѣкоторыя изъ основныхъ правилъ ученаго изданія. Въ предисловіи къ этой лѣтописи онъ говоритъ о своихъ пріемахъ изданія: они у него научны, хотя еще не выработаны. Но въ этомъ его нельзя упрекать: полная разработка критическихъ пріемовъ явилась у него только въ нашемъ столѣтіи и ей болѣе всего способствовали ученики Мил-

Литогр. Богдановой Артели Гор. 1/12

лера.
Старѣясь, Миллеръ просилъ имп. Екатери-
ну назначить послѣ его смерти началь-
никомъ Архива иностранной Коллегіи
кого-нб. изъ его учениковъ. Просьба его
была уважена и послѣ Миллера Архи-
вомъ завѣдовали его ученики: сперва
<u>Стриттеръ</u>, потомъ <u>Н.Н. Бантышъ-Ка-
менскій</u>; составляя описаніе дѣлъ сво-
его архива, онъ на основаніи этихъ дѣлъ
занимался и изслѣдованіями, которыя
къ сожалѣнію далеко не всѣ напечатаны.
Они очень много помогали Карамзи-
ну для его Исторіи. Когда въ первые
годы нашего столѣтія Архивъ Иностран-
ной Коллегіи поступилъ въ главное вѣдѣ-
ніе гр. <u>Н.П. Румянцева</u> въ Архивѣ воспита-
лась уже цѣлая семья архіографовъ
и для Румянцева были готовы уже
достойные помощники. Именемъ
Румянцева означаютъ цѣлую эпоху
въ родѣ нашего народнаго самосознанія,
и справедливо. Гр. Ник. Петров. Румянцевъ
явился въ ту самую пору, когда
приготовлялась „Исторія Государства Рос-
сійскаго" Карамзина, когда назрѣвало
сознаніе, что необходимо собирать и спасать

остатки старой народной жизни, когда нако-
нецъ, явились и дѣятели по этой части съ
научными пріемами. Гр. Румянцевъ сталъ
выразителемъ сознательного отношенія
къ старинѣ и благодаря своему положенію
и средствамъ явился въ центрѣ новаго
историко-археологическаго движенія. Такимъ
почтеннымъ меценатомъ, передъ памятью
котораго должны преклониться и мы и все
грядущія поколѣнія. Родился Румянцевъ
въ 1754 г., отецъ его былъ знаменитый
графъ Румянцевъ-Задунайскій. Началъ
свою службу Николай Петров. въ средѣ
русскихъ дипломатовъ екатерининска-
го вѣка и болѣе 15-ти лѣтъ былъ чрезвычай-
нымъ посланникомъ и полномочнымъ
министромъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.
На этомъ посту оставался онъ дольше
15-ти лѣтъ. При Павлѣ I графъ Румянцевъ
и былъ въ милости у императора, но не
занималъ никакихъ должностей и
оставался не у дѣлъ. При Александ-
рѣ I ему данъ былъ портфель минист-
ра коммерціи, а затѣмъ въ 1809 г. пору-
чено управленіе Коллегіи Иностранныхъ
Дѣлъ съ сохраненіемъ поста министра
коммерціи. Съ теченіемъ времени онъ

былъ возведенъ въ званіе Государствен-
наго Канцлера и назначенъ председателемъ
Государственнаго Совѣта. Во время управ-
ленія его Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ
и сказалась его любовь къ старинѣ, хотя
почвы для нея повидимому не было
никакой. Уже въ 1810 г. гр. Ник. Петров.
предлагаетъ Бантышъ-Каменскому со-
ставить планъ изданія сборника госу-
дарственныхъ грамотъ и договоровъ. Этотъ
планъ былъ скоро готовъ и гр. Румянцевъ
ходатайствовалъ передъ Государемъ объ
учрежденіи при Архивѣ Иностранной
коллегіи „Коммисіи для печатанія Государ-
ственныхъ грамотъ и договоровъ". Всѣ издер-
жки по изданію онъ принималъ на свой
счетъ, но съ условіемъ, что Коммисія
останется въ его вѣдѣніи и тогда, когда
онъ оставитъ управленіе вѣдомствомъ
иностранныхъ дѣлъ. Желаніе его бы-
ло исполнено и 3го Мая 1811го г. коммисія
была учреждена. Двѣнадцатый годъ
задержалъ выпускъ 1го тома, но Бантышъ-
-Каменскій успѣлъ спасти вмѣстѣ съ
Архивомъ и напечатанные листы
этого перваго тома и первый томъ
вышелъ въ 1813 г. подъ заглавіемъ:

„Собраніе государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ." На заглавномъ мѣстѣ красовался гербъ Румянцева, какъ и на всѣхъ его прочихъ изданіяхъ. Во вступленіи къ первому тому главный его редакторъ Бантышъ-Каменскій такъ объяснялъ потребности, вызвавшія изданіе и цѣли, какія оно преслѣдовало: „Испытатели древностей Россійскихъ, желавшіе пріобрѣсть познаніе въ дипломатикѣ отечественной, не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ, въ древней Вивліоикѣ помѣщенныхъ, ибо потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое-бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства, они принуждены были доныскиваться о происшествіяхъ и союзахъ своего государства у иностранныхъ писателей и сочиненіями ихъ руководиться." (С. Г. Г. и Д. т. I, стр. II) Слова эти справедливы, потому что изданіе Гр. Румянцева было первымъ систематическимъ

сводомъ документовъ, съ которымъ не могло соперничать ни одно предшествовавшее изданіе. Въ выпущенномъ (первомъ) томѣ были собраны замѣчательныя грамоты времени 1229-1613 годовъ. Съ ихъ появленіемъ входила въ научный оборотъ масса цѣннаго матеріала; изданнаго добросовѣстно и роскошно. Своимъ достоинствомъ и внутреннимъ и внѣшнимъ изданіе это обязано тѣмъ, что и до сихъ поръ занимаетъ первенствующее мѣсто въ длинномъ ряду позднѣйшихъ археографическихъ изданій. Довѣривъ редакцію Бантышъ-Каменскому, Румянцевъ и самъ до мелочности живо интересовался дѣломъ изданія. Такъ онъ замѣтилъ, что въ напечатанномъ томѣ не достаетъ нѣкоторыхъ древнихъ документовъ и требовалъ отъ Бантышъ-Каменскаго, чтобы пропущенныя грамоты не были забыты при выпускѣ второго тома. Этотъ второй томъ вышелъ въ 1819 году и заключаетъ въ себѣ грамоты до XVI вѣка и документы смутнаго времени. Бантышъ-Каменскій умеръ до выхода 2го тома (1814). и вмѣсто него

-работалъ надъ изданіемъ Малиновскій. Подъ его редакцией вышелъ въ 1822 г. третій томъ, а въ 1828, когда Румянцева уже не стало въ живыхъ и четвертый. Оба эти тома заключаютъ въ себѣ документы XVII вѣка. Въ предисловіи къ IV тому Малиновскій объявилъ, что изданіе грамотъ переходитъ въ вѣдѣніе коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженій, однако и до сей поры дѣло не пошло далѣе начала V-го тома, которое съ недавняго времени обращается въ продажѣ и заключаетъ въ себѣ дипломатическія бумаги. Если-бы дѣятельность Румянцева ограничилась только этимъ изданіемъ, (на котор. онъ затратилъ до 40,000 руб.), то и тогда-бы память его жила вѣчно въ нашей наукѣ: такое значеніе имѣетъ этотъ сборникъ документовъ. Какъ историческое явленіе - это первый научный сборникъ актовъ, ознаменовавшій собою начало у насъ научнаго отношенія къ старинѣ, а какъ историческій источникъ - это и до сихъ поръ важнѣйшій сводъ матеріала,

имѣющаго значеніе для основныхъ вопросовъ общей исторіи нашего государства. Стремясь такъ старательно къ извлеченію на свѣтъ архивнаго матеріала, Румянцевъ не былъ простымъ диллетантомъ, но обладалъ большой эрудиціей въ русскихъ древностяхъ и не переставалъ жалѣть, что въ немъ поздно пробудился вкусъ къ старинѣ, хотя ихъ позднее появленіе не помѣшало ему потратить массу труда и матеріальныхъ жертвъ на отысканіе и спасеніе памятниковъ. Общая сумма его научныхъ издержекъ доходила до 300000 руб. сер. Онъ не разъ на свой счетъ отправлялъ научныя экспедиціи, самъ совершалъ экскурсіи кругомъ Москвы, тщательно разыскивая всевозможные остатки старины и щедро платилъ за каждую находку. Изъ его переписки видно, что за одну рукопись онъ отпустилъ на волю цѣлую крестьянскую семью. Высокое служебное положеніе Румянцева облегчало ему любимое дѣло и помогало вести его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: такъ

онъ обращался ко многимъ губернаторамъ и архіереямъ, прося ихъ указаній о мѣстныхъ древностяхъ и посылалъ имъ для руководства свои программы собиранію памятниковъ старины. Мало того, онъ руководилъ изысканіями въ заграничныхъ книгохранилищахъ по части русской исторіи и кромѣ русскихъ памятниковъ, хотѣлъ предпринять обширное изданіе иностранныхъ писателей о Россіи, имъ было отмѣчено до 70 иностранныхъ сказаній о Россіи, былъ составленъ и планъ изданія, но къ сожалѣнію это дѣло не состоялось. Но не одно дѣло собиранія памятниковъ интересовало канцлера, часто онъ оказывалъ поддержку и изслѣдователямъ старины, поощряя ихъ трудъ, а часто и самъ вызывалъ молодыя силы на изслѣдованія, ставя имъ научные вопросы и оказывая матеріальную поддержку. Передъ смертью графъ Румянцевъ завѣщалъ для общаго пользованія соотечественниковъ свое богатое собраніе книгъ, рукописей и др. древностей. Императоръ Николай I открылъ это собраніе для публики, подъ названіемъ

„Румянцевскаго" музея" первоначально въ Петербургѣ, но при имп. Александрѣ II музей переведенъ былъ въ Москву, гдѣ и соединенъ съ такъ наз. Публичнымъ музеемъ въ знаменитомъ Пашковскомъ домѣ. Эти музеи одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ хранилищъ нашей древней письменности. Такъ широка была дѣятельность графа Румянцева на полѣ нашей исторической науки. Стимулы ея заключались въ высокомъ образованіи этого человѣка и въ его патріотическомъ направленіи. У него было много ума, образованности и матеріальныхъ средствъ для достиженія его научныхъ цѣлей, но надо сознаться, что онъ не сдѣлалъ-бы многаго изъ того, что сдѣлалъ, если-бы за нимъ не стояли въ качествѣ его помощниковъ замѣчательные люди того времени. Помощниками его были дѣятели архива коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Начальниками архива при Румянцевѣ были Бантышъ-Каменскій и Малиновскій, совѣтами и трудами, которыхъ пользовался Н.М. Карамзинъ и которые очень много сдѣлали для благоустройства своего Архива. А изъ молодыхъ ученыхъ, начавшихъ свою дѣятельно-

стоб въ этомъ архивѣ при Румянцевѣ, упомянемъ только самыхъ видныхъ: Константина Өедоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева. Оба они замѣчательно много сдѣлали и по числу и по значенію ихъ работъ: они положили основаніе научному изданію памятниковъ; собирали и описывали рукописи во всеоруженіи прекрасныхъ критическихъ пріемовъ, писали изслѣдованія. Біографія Калайдовича мало извѣстна. Родился онъ въ 1792 г. жилъ не много, всего 40 лѣтъ и кончилъ умопомѣшательствомъ и почти нищетою. Въ 1829 г. Погодинъ писалъ о немъ Строеву: „Калайдовича сумасшествіе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Онъ въ нуждѣ..." Въ своей дѣятельности Калайдовичъ почти всецѣло принадлежалъ къ Румянцевскому кружку и былъ любимымъ сотрудникомъ Румянцева. Онъ участвовалъ въ изданіи „Собр. Гос. Гр. и Дог.", вмѣстѣ съ Строевымъ совершилъ въ 1817 г. поѣздку по Московской и Калужской губерніи для розысканія старыхъ рукописей. Это была первая по времени научная экспедиція въ провинцію

съ исключительной цѣлью палеографичес-
кой. Создалась она по почину гр. Румян-
цева и увѣнчалась большимъ успѣхомъ.
Строевъ и Калайдовичъ нашли „*Изборникъ
Святослава* 1073 г. Илларіонову „*Похвалу
Кагану Владиміру*" и между прочимъ въ
Волоколамскомъ монастырѣ *Судебникъ
Ивану III*. Это была тогда полная новин-
ка: Княжескаго Судебника не зналъ ник-
то въ *русской* редакціи и Карамзинъ
пользовался имъ въ *латинскомъ* пере-
водѣ Герберштейна. Графъ привѣтствовалъ
находки и благодарилъ молодыхъ ученыхъ
за ихъ труды. Судебникъ былъ изданъ на
его средства Строевымъ и Калайдовичемъ
въ 1819 г. (Законы В. к. Іоанна Васильевича
и внука его царя Іоанна Вас. М. 1819 г. Второе
изданіе М. 1878 г.) Кромѣ своихъ издательскихъ
трудовъ и палеографическихъ розыска-
ній Калайдовичъ извѣстенъ и своими
филологическими изслѣдованіями
(Іоаннъ Экзархъ Болгарскій). Ранняя смерть
и печальная жизнь не дали этому талан-
ту возможности вполнѣ развернуть
свои богатыя силы.
Въ близкомъ общеніи съ Калайдовичемъ
во дни юности былъ *Павелъ Михайл. Строевъ*

Строевъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, родился въ Москвѣ въ 1796 г. и очень молодымъ былъ отданъ въ пансіонъ Шиллера, а оттуда перешелъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Въ 1812 году онъ долженъ былъ поступить въ Университетъ, но военныя событія, прервавшія ходъ университетскаго (~~образованія~~) преподаванія, помѣшали этому, такъ что только въ Августѣ 1813 г. при возобновленіи лекцій удалось ему поступить туда. Замѣчательнѣйшими изъ учителей его здѣсь были: Романъ Өедоров. Тимковскій (+1820 г.) профессоръ римской словесности, знаменитый издатель лѣтописи Нестора (вышла въ 1824 г. къ изданію ея онъ примѣнилъ пріемы изданія древнихъ классиковъ) и Михаилъ Трофимов. Каченовскій (+1842 г.) - основатель такъ назыв. „скептической школы" въ нашей наукѣ: Строевъ, какъ кажется, больше тяготѣлъ къ Тимковскому. Благотворное вліяніе послѣдняго сказалось на пріемахъ Строева, всегда научныхъ и строго-точныхъ. Тотчасъ по поступленіи въ университетъ, т.е. 17 лѣтъ Строевъ составилъ

краткую Россійскую Исторію, которая издана была въ 1814 г. стала общепринятымъ учебникомъ и черезъ 5 лѣтъ потребовала новаго изданія. Этотъ учебникъ употреблялся у насъ до тѣхъ поръ, пока не появился учебникъ Устрялова. Въ 1815 г. Строевъ выступаетъ уже по своимъ собственнымъ журналомъ „Современный наблюдатель Россійской Словесности", который онъ думалъ сдѣлать еженедѣльнымъ и кот. выходилъ только съ Марта по Іюнь. Въ концѣ того-же 1815 г. выходитъ изъ университета, не окончивъ курса и поступаетъ по предложенію Румянцева „Главнымъ Смотрителемъ въ Коммисію печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ". Румянцевъ высоко цѣнилъ его и, какъ увидимъ, былъ правъ. Кромѣ удачныхъ кабинетныхъ работъ, Строевъ съ 1817 г. по 1820 г. на средства Румянцева обозрѣваетъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ книгохранилища Московской и Калужской эпархіи. Мы уже знаемъ, какіе важнѣйшіе памятники были тогда найдены. Кромѣ главнѣйшихъ находокъ было

описано до 2000 рукописей и Строевъ въ этихъ поѣздкахъ пріобрѣлъ большое знаніе рукописнаго матеріала, которымъ онъ много помогъ Карамзину. И до и послѣ своихъ экспедицій Строевъ продолжаетъ работать при Румянцевѣ, участвуетъ въ трудахъ по изданію „Собранія Госуд. Гр. и Дог.", издаетъ Судебники и такъ наз. „Софійскій временникъ", одну изъ Новгородскихъ лѣтописныхъ редакцій (въ 1823 г.) Въ предисловіи къ Временнику Строевъ пишетъ цѣлый трактатъ о составѣ древне-русскихъ лѣтописей, о томъ, какъ на Руси составлялись извѣстные лѣтописные своды; онъ понималъ ихъ, какъ компилятивные труды. Въ то время взглядъ этотъ казался слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, но онъ подтвердился въ позднѣйшихъ изысканіяхъ и особенно блестяще въ трудѣ К. Н. Бестужева Рюмина („О составѣ русскихъ лѣтописей 1868 г.") Въ концѣ 1822 г. Строевъ вышелъ въ отставку изъ архива Румянцева, ссылаясь на свое нездоровье. Настоящая причина

его ухода намъ неизвѣстна. Съ архивнымъ кружкомъ онъ остался въ дружескихъ отношеніяхъ, а съ гр. Румянцевымъ отношенія у него не всегда бывали хороши.

Въ апрѣлѣ 1823 г. Строевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Это общество учреждено было въ 1804 г. для изданія древнихъ лѣтописей, существовало безъ устава и до 1811 г. почти ничѣмъ себя не заявило. Въ 1811 г. былъ составленъ уставъ этого общества и въ первомъ послѣ того засѣданіи председателемъ общества былъ выбранъ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, а въ числѣ 30-ти вновь выбранныхъ членовъ былъ и Карамзинъ. Благодаря удачному избранію председателя дѣла общества пошли блестяще: Тимковскій работалъ для изданія лѣтописи Нестора; положено было начало повременному изданію „Трудовъ" общества; Калайдовичъ составлялъ первую часть

„Русскихъ Достопамятностей" (сборника историческихъ матеріаловъ). Но съ 1816 г. дѣла пошли хуже, а въ 1818 и 19-мъ году не было ни одного засѣданія. Въ 1820 г. Бекетовъ отказался отъ должности предсѣдателя и три года, т.е. до 1823 г. общество существовало только номинально. Въ 1823 г. предсѣдателемъ былъ избранъ нѣкто Писаревъ и 14 новыхъ членовъ, въ числѣ коихъ былъ выбранъ и 27-лѣтній Строевъ. Въ засѣданіи Общества 14 іюля 1823 г. Строевъ выступилъ съ грандіознымъ проэктомъ. По поводу своего выбора онъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой благодарилъ за избраніе, указалъ, что цѣль общества — изданіе лѣтописей — слишкомъ узка, и предложилъ замѣнить ее разборомъ и изданіемъ всѣхъ вообще историческихъ памятниковъ, какими общество будетъ имѣть возможность располагать: „Общество должно", говорилъ Строевъ, „извлечь, привести въ извѣстность и если не само обработать, то доставить другимъ средства обработывать всѣ письменные памятники нашей

ЛИТОГР. БОГДАНОВА ЕРТЕЛЕВЪ ПЕР. 1/14.

исторіи и древней словесности..." „Пусть
цѣлая Россія, говорилъ онъ, превратится
въ одну библіотеку, намъ доступную.
Не сотнями цвѣтныхъ рукописей
должны мы ограничить наши занятія,
но безчисленнымъ множествомъ
ихъ въ монастыряхъ и соборныхъ хра=
нилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ
и никѣмъ не описанныхъ, въ архи=
вахъ, кои нещадно опустошаетъ
время и нерадивое невѣжество, въ
кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ
лучамъ солнца, куда груды древнихъ
книгъ и свитковъ, кажется, снесены для
того, чтобы грызущія животныя, черви,
ржа и тля могли истребить ихъ
удобнѣе и скорѣе!"... Строевъ, словомъ,
предлагалъ обществу привести въ
наличность всю письменную стари=
ну, какою располагали провинціаль=
ныя библіотеки и предлагалъ для дости=
женія этой цѣли послать ученую экспе=
дицію, чтобы описать провинціальныя
книгохранилища. Пробная поѣздка
этой экспедиціи должна быть соверше=
на по проэкту Строева въ Новгородъ,
гдѣ слѣдовало разобрать находившуюся

въ Софійскомъ соборѣ библіотеку. Далѣе экспедиція должна была совершить первую свою или Сѣверную поѣздку въ районъ которой входили по плану Строева 10 губерній (Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская, Тверская) Эта поѣздка должна была занять два слишкомъ года и дать, какъ надѣялся Строевъ, блестящіе результаты, „богатую жатву", потому что на сѣверѣ много монастырей съ библіотеками, тамъ жили и живутъ старообрядцы, которые очень внимательно относятся къ рукописной старинѣ, а затѣмъ на сѣверѣ меньше всего было непріятельскихъ погромовъ. Вторая или „Средняя" поѣздка по проэкту Строева должна была занять 2 года времени и охватить среднюю полосу Россіи, 12 губерній (Москов., Владимір., Нижегород., Тамбов., Рязанск., Тульск., Калужск., Смоленск., и Псковскую) Третья или „западная" поѣздка должна была направиться въ юго-запад. Россію (9 губерній: Витебск., Могилевск., Минск., Волынск., Кіевскую,

Харьковск., Черниг., Курскую и Орловскую)
и потребовала-бы годъ времени. Эти-
ми поѣздками Строевъ надѣялся
достичь систематическаго матеріала
описанія всего историческаго въ про-
винціи, преимущественно въ библіоте-
кахъ духовныхъ. Издержки онъ
опредѣлялъ въ суммѣ 7000 руб. въ годъ.
Всѣ составленныя экспедиціей опи-
санія онъ предполагалъ слить въ
общую роспись лѣтописнаго и истори-
ко-юридическаго матеріала и пред-
лагалъ Обществу издать потомъ исто-
рическіе памятники по лучшимъ
изъ описанныхъ экспедиціей редакцій
а не по случайнымъ спискамъ, какъ
это дѣлалось до того времени.
Рисуя такія завлекательныя перспек-
тивы, Строевъ искусно доказывалъ
возможность исполненія своего проек-
та и настаивалъ на его принятіи.
Рѣчь свою онъ закончилъ хвалой Румян-
цеву, благодаря которому онъ могъ
пріобрѣсть навыкъ и опытъ въ археогра-
фическомъ [illegible] 5. Конечно, Румянцевскія
экспедиціи [illegible] 17-20 г. заставили Строева
[illegible] о той [illegible] Археографической экспедиціи

какую онъ предлагалъ.

Общество въ своемъ большинствѣ приняло рѣчь Строева за смѣлую мечту молодого ума и въ общемъ она потерпѣла фіаско... Общество дало Строеву средства для обозрѣнія одной лишь Новгородской Софійской библіотеки, которая и была имъ описана. Рѣчь Строева даже не была напечатана въ журналѣ общества, а появилась въ „Сѣверномъ архивѣ". Ее прочли и забыли. Самъ Строевъ занимался въ то время исторіей Донского Казачества и составилъ свой извѣстный „Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, писалъ въ журналахъ, поступилъ библіотекаремъ къ гр. Ѳ. А. Толстому вмѣстѣ съ Калайдовичемъ составилъ каталогъ богатаго собранія рукописей гр. Толстого, нынѣ находящихся въ Имп. Публичной библіотекѣ и издалъ въ свѣтъ. Труды Строева были замѣчены Академіей Наукъ и она въ 1826 г. дала ему званіе своего корреспондента. Среди своихъ послѣднихъ трудовъ Строевъ будто-бы забылъ о своей рѣчи, на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ.

По преданію Великая Княгиня Марія Павловна съ большимъ участіемъ отнеслась къ рѣчи Строева, которую она прочитала въ "Сѣверномъ Архивѣ" и это участіе, какъ говорятъ, побудило Строева обратиться съ письмомъ къ президенту Академіи Наукъ гр. <u>С.С. Уварову</u>.
Въ этомъ письмѣ онъ развиваетъ тѣ-же планы, которые онъ развивалъ и въ Обществѣ, предлагаетъ себя, какъ опытнаго археографа для археографическихъ поѣздокъ и сообщаетъ подробный планъ практическаго исполненія предполагаемаго имъ дѣла. Уваровъ передалъ письмо Строева въ Академію, Академія-же своему члену Кругу поручила его разборъ и оцѣнку.
21го Мая 1828г., благодаря прекрасному отзыву Круга, важное дѣло было рѣшено. Академія, признавая, что археографическая экспедиція есть "священная обязанность, отъ которой первое ученое заведеніе Имперіи не можетъ уклониться, не подвергаясь справедливымъ упрекамъ въ равнодушіи", рѣшила отправить Строева въ путешествіе, ассигновавъ ему 10 тыс. руб. ассигнацій=

ши. Археографическая экспедиція была, такимъ образомъ, учреждена. Выборъ помощниковъ для археографической экспедиціи былъ предоставленъ самому Строеву. Онъ выбралъ двухъ чиновниковъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ и заключилъ съ ними очень любопытное условіе, гдѣ между прочимъ писалъ слѣдующее: „Экспедицію ожидаютъ не забавы развлечныя, но труды, трудности и лишенія всякаго рода. Поэтому сотрудники мои должены одушевиться терпѣніемъ и готовностью переносить все тяжкое и непріятное, да не овладѣютъ ими малодушіе, нетерпѣливость, ропотъ!..“ Далѣе онъ предупреждаетъ своихъ помощниковъ, что имъ часто придется имѣть дурную квартиру, телѣгу вмѣсто рессорнаго экипажа, не всегда чай и т. п. Строевъ очевидно зналъ, въ какой обстановкѣ будетъ онъ трудиться и сознательно шелъ на встрѣчу лишеніямъ. Первые-же его спутники, испытавъ трудности дѣла черезъ полгода отъ него отказались. Приготовивъ все для поѣздки, запас=

ными оффиціальными бумагами, которыя должны были открыть ему входъ во всѣ архивы, Строевъ 15-го Мая 1829 г. выѣхалъ изъ Москвы къ берегамъ Бѣлаго Моря. Слишкомъ долго было-бы излагать любопытнѣйшія подробности этой экспедиціи. Лишенія, трудности сообщеній и самой работы, убійственныя гигіеническія условія жизни и труда, болѣзни и подчасъ недоброжелательство и подозрительность невѣжественныхъ хранителей архивовъ и библіотекъ — все это стоически вынесъ Строевъ. Всего себя отдавалъ онъ работѣ, часто удивительно трудной и сухой и лишь изрѣдка, пользуясь отпусками, для отдыха на какой-нб. мѣсяцъ возвращался къ своей семьѣ. Утѣшительно то, что въ этихъ трудахъ онъ нашелъ себѣ достойнаго помощника въ лицѣ <u>Як. Ив. Бередникова</u>, которымъ онъ въ 1830 г. и замѣнилъ прежнихъ чиновниковъ. Энергія этихъ двухъ тружениковъ достигла чудесныхъ результатовъ; пять съ 1/2 лѣтъ трудились они, изъѣздивъ всю сѣверную и среднюю Россію, осмотрѣвъ болѣе 200 библіотекъ

и архивовъ, списали до 3000 историко-юридическихъ документовъ, относящихся къ XIV, XV, XVI и XVII в., обслѣдовали массу памятниковъ лѣтописнаго и литературнаго характера. Собранный ими матеріалъ, будучи переписанъ, занялъ 10 огромныхъ фоліантовъ, а въ ихъ черновыхъ портфеляхъ осталась масса справокъ, выписокъ и указаній, которыя позволили Строеву составить два грандіозныхъ труда, появившихся въ печати уже послѣ его смерти. Это: 1) „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви", всѣхъ, которыхъ помнитъ исторія (вышли въ 1877 г.) и 2) „Библіографическій словарь" или алфавитный перечень всѣхъ рукописей историческаго и литературнаго содержанія, какія только Строевъ видѣлъ на своемъ вѣку (напечатанъ въ 1882 г. въ XXIX томѣ „Сборника Отдѣл. Русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ".)

За путешествіемъ Строева слѣдила вся образованная Россія. Ученые обращались къ нему, прося выписокъ, указаній и справокъ. Сперанскій, отправля

тогда въ печать „Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи" (собраніе указовъ съ 1649 по 1825 г.) обращались къ Строеву за помощью въ собираніи этихъ указовъ. Ежегодно 29-го декабря въ день годичнаго засѣданія Академіи Наукъ между прочимъ читались отчеты о дѣйствіяхъ археографической экспедиціи. Свѣдѣнія о ней помѣщались въ журналахъ. Имп. Николай прочитывалъ „отъ доски до доски" большіе томы переписанныхъ на бѣло актовъ, собранныхъ экспедиціей. Въ концѣ 1834 г. Строевъ былъ близокъ къ окончанію своего дѣла. Сѣверная и средняя поѣздки его были окончены. Оставалась самая меньшая - Западная, т. е. Малороссія, Волынь, Литва и Бѣлоруссія. Въ своемъ отчетѣ Академіи за 1834 г. Строевъ съ торжествомъ заявлялъ объ этомъ и перечисляя результаты археографической экспедиціи за все время ея существованія, говорилъ „отъ благоусмотрѣнія Имп. Акад. Наукъ зависитъ: а) продолжать археографическую экспедицію въ остальныхъ областяхъ

Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: „болѣе сего нѣтъ", т.е. нѣтъ неизвѣстнаго матеріала, или в) начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ и собраніе разныхъ писаній (т.е. лѣтописныхъ) по моимъ указаніямъ"... Этотъ отчетъ Строева читался въ торжественномъ собраніи Академіи 22 декабря 1834 г. и почти въ тотъ-же день Строевъ узналъ, что волей начальства (не Академіи) археографическая экспедиція прекратила свое существованіе, что для разбора и изданія актовъ добытыхъ Строевымъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена Археографическая коммиссія подъ предсѣдательствомъ директора Департамента Народнаго Просвѣщенія князя Ширинскаго Шихматова. Строевъ-же былъ назначенъ простымъ членомъ этой коммиссіи наравнѣ съ своимъ прежнимъ помощникомъ Бередниковымъ и еще двумя лицами, къ экспедиціи вовсе не причастными. Учрежденіемъ коммиссіи, скоро превратившейся въ постоянную (она

существуетъ и до сихъ поръ) начинает-ся новая эра въ изданіи памятниковъ нашей старины. Тяжело было Строеву видѣть дорогое дѣло въ чужомъ распоряженіи, потому онъ скоро выходитъ изъ коммиссіи; поселяется въ Москвѣ, но невольно сохраняетъ съ членами коммиссіи живыя сношенія. На первыхъ порахъ коммиссія въ своей научной дѣятельности отъ него много зависитъ. Для нея онъ продолжаетъ работать до конца жизни: съ 1839 г. живя въ Москвѣ, онъ снова принимаетъ званіе члена коммиссіи и разрабатываетъ въ ея видахъ Московскіе архивы. Здѣсь подъ его руководствомъ начинаютъ свои труды нынѣ всѣмъ извѣстные И. Е. Забѣлинъ и Н. В. Калачевъ. Въ это-же время Строевъ продолжаетъ трудиться и для Общества Исторіи и Древностей: описываетъ между прочимъ библіотеку Общества и издаетъ это описаніе. Изъ прочихъ его изданій заслуживаетъ большаго вниманія такъ наз. „Выходы государей царей Михаила Феод., Алексѣя Михайл. и Феодора Алексѣев." (дворцовые

дневники) и „Записки маіора Данилова", любопытнѣйшій памятникъ культуры XVIII в. До самой смерти Строевъ неустанно дополнялъ и отдѣлывалъ свой любимый трудъ: „Списки Іерарховъ". Скончался онъ 5 января 1876 г. восьмидесяти лѣтъ.

Археографическая коммиссія, которая была учреждена сначала съ временною цѣлью изданія найденныхъ Строевымъ актовъ, стала къ 1837 г. какъ мы упомянули, постоянной коммисіей для разбора и изданія историческаго матеріала вообще. Дѣятельность ея выразилась за все время ея существованія многочисленными изданіями, изъ которыхъ необходимо указать главнѣйшія, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ отношенія и къ исторіи XVII в. Въ 1836 г. издала она 4 первыхъ своихъ фоліанта подъ заглавіемъ: „Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографической экспедиціи Императорской Академіи Наукъ". (въ простореѣчіи изданіе это имѣетъ названіе „Актовъ Экспедиціи", а въ ученыхъ ссылкахъ

означаются буквами А.Э.) Въ 1838 г. явились „Акты юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства" (одинъ томъ). Въ этомъ изданіи помѣщены акты частнаго быта до XVIII в. Въ 1841 – 42 г. вышли 5 томовъ „Актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографической коммиссіей" (1-ый томъ – акты до XVII в., отъ II – V т.т. – акты XVII в. Затѣмъ стали выходить „Дополненія къ актамъ историческимъ" (всего XII томовъ, заключающихъ документы отъ XII – XVII вѣковъ). Съ 1846 г. Коммиссія принялась за систематическое изданіе „Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей". Довольно скоро успѣло оно выпустить 8 томовъ (I т. Лаврентьевская лѣтопись, II „Ипатьевская лѣтопись", III и IV – „Новгородская лѣтопись", конецъ IV и V т. Псковская, VI Софійскій Временникъ", VII и VIII Воскресенская лѣтопись.") Затѣмъ изданіе нѣсколько замедлилось и лишь

черезъ нѣсколько лѣтъ вышли томы IX и X-ый, а затѣмъ XV т., заключающій Тверскую лѣтопись и XVI т. (Лѣтопись Аврамки). Весь этотъ матеріалъ, громадный по числу и по важности документовъ, оживилъ нашу науку. Исключительно почти на немъ основаны многія монографіи (напр. прекрасные труды Соловьева и Чичерина), уяснились вопросы древняго общественнаго быта, стала возможна разработка многихъ частностей древней жизни. Послѣ своихъ первыхъ монументальныхъ трудовъ, коммиссія продолжала дѣятельно работать. До сихъ поръ ею выпущено болѣе 40 изданій; изъ нихъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ болѣе 10 томовъ. Наибольшее значеніе сверхъ этихъ названныхъ имѣютъ: „Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи" 5 томовъ, 2) „Акты, относящіеся къ исторіи Западной и Южной Россіи" (15 томовъ), 3) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней

России" (3 тома), 4) „Русская Историческая библіотека" (13 томовъ), 5) „Великія Минеи Четьи Митр. Макарія". (6 выпусковъ), 6) „Писцовыя книги" Новгородскія и Ижорскія XVII в. 7) „Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи" (3 тома съ дополненіемъ), 8) „Сказанія иностранныхъ писателей Россіи" (Rerum Rossicarum scriptores exteri) 2 тома и т. д.

По образцу главной Археографической Коммиссіи возникли такія же въ Кіевѣ и Вильнѣ — какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не успѣлъ побывать Строевъ. Онѣ занимаются изданіями и изслѣдованіями мѣстнаго матеріала и сдѣлали уже очень много. Особенно успѣшно идетъ дѣло въ Кіевѣ.

Помимо изданій Археографическихъ Коммиссій мы располагаемъ еще цѣлымъ рядомъ казенныхъ изданій. Второе отдѣленіе Е. В. канцеляріи не ограничилось изданіемъ „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи" (Законы отъ 1649 г.

до настоящаго времени) оно издало еще „Памятники дипломатических отношеній Московскаго государства съ Европой (9 томовъ); „Дворцовые разряды" (5 томовъ) и „Книги разрядныя (2 тома). Рядомъ съ казенной развернулась и частная деятельность по изданію древнихъ памятниковъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое во времена Строева едва влачило свое существованіе — ожило и постоянно заявляло о себѣ новыми изданіями. Послѣ „Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей", редактированныхъ Бодянскимъ, оно издавало подъ редакціей И. Д. Бѣляева: „Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей" (25 книгъ, заключающихъ богатый матеріалъ: изслѣдованія и цѣлый рядъ документовъ). Въ 1858 г. секретаремъ Общества былъ вновь избранъ Бодянскій, который сталъ издавать по прежнему „Чтенія" вмѣсто „Временника" Бѣляева. Послѣ Бодянскаго секретаремъ былъ избранъ въ 1871 г. Андрей Ник. Поповъ, а послѣ смерти его въ

1881 г. Е. В. Барсовъ, при которыхъ и продолжаются тѣ-же „Чтенія." Издавали и издаютъ свои труды и Археологическія Общества. Петербургское (основано въ 1846 г.) и Московское (основано въ 1864 г.) Занималось и занимается археологіей и Исторіей Географическое Общество (въ Петерб. съ 1846 г.) Изъ его изданій для насъ интересны въ особенности „Писцовыя книги" (2 тома подъ редакціей Н. В. Калачева) Съ 1866 г. работаетъ (преимущественно надъ исторіей XVIII в.) Императорское Русское Историческое Общество, которое успѣло издать уже до сотни томовъ своего „Сборника". Ученыя Историческія Общества начинаютъ основываться и въ провинціи, напр. Одесское Общество Исторіи и Древностей, Губернскія ученыя архивныя коммиссіи. Проявляется и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ; частные сборники Муханова, Оболенскаго, Федотова-Чеховскаго и др. заключаютъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы. Съ 30-хъ и 40-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ начинаютъ печататься Матеріалы для исторіи; являются даже журналы

специально посвященные исторіи, напр. Русскій Архивъ, Русская Старина и др. Перейдемъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ видовъ историческаго матеріала и прежде всего остановимся на источникахъ лѣтописнаго типа и въ частности на лѣтописи, т.к. ей главнымъ образомъ мы обязаны знакомствомъ съ древнѣйшей исторіей Руси. Но для того, чтобы изучать лѣтописную литературу, надобно знать употребительные въ ней термины. Въ наукѣ „лѣтописью" наз. погодный разсказъ о событіяхъ, мѣстами краткій, мѣстами более подробный, всегда съ точнымъ указаніемъ лѣтъ. Лѣтописи наши сохранились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ или списковъ XIV и XVIII в.в. По мѣсту и времени составленія, по содержанію лѣтописи дѣлятся на разряды (есть Новгородскія, Суздальскія, Кіевскія, Московскія). Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою не только въ словахъ и выраженіяхъ, но даже и въ самомъ выборѣ извѣстій и часто въ одномъ изъ списковъ извѣстнаго

разряда есть событіе, кот. нѣтъ въ другомъ; вслѣдствіе этого списки дѣлятся на *редакціи* или *изводы*. Различія въ спискахъ одного разряда и навели нашихъ историковъ на мысль, что лѣтописи наши суть сборники и что ихъ первоначальные источники не дошли до насъ въ чистомъ видѣ. Впервые эта мысль была выражена П.М. Строевымъ въ его предисловіи къ „Софійскому временнику". Дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями привело окончательно къ убѣжденію, что лѣтописи, кот. намъ извѣстны представляютъ *своды* извѣстій и сказаній, компиляціи изъ нѣсколькихъ трудовъ. И теперь въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что даже самыя древнѣйшія лѣтописи суть компилятивные своды. Такъ лѣтопись Нестора есть сводъ XII-го в., Суздальская лѣтопись - сводъ XIV в., Московскія - своды XVI и XVII в.в. и т.д.

Знакомство съ лѣтописной литературой начнемъ съ такъ наз. лѣтописи Нестора, кот. начинается съ разсказа

о разселенiи племенъ послѣ потопа, а кончается около 1110 года. Заглавiе ея таково: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ" (въ иныхъ спискахъ прибавлено: черноризца Өедосьева Печерскаго монастыря) откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кiевѣ нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть." Такимъ образомъ по заглавiю мы видимъ, что авторъ обѣщаетъ сказать только слѣдующее: кто первый сталъ княжить въ Кiевѣ и откуда произошла русская земля. Самая исторiя этой земли не обѣщана и между тѣмъ она ведется до 1110 года. Послѣ этого года мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующую приписку: „Игуменъ Селивестръ Святого Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прiяти, при князѣ Володимирѣ, княжащю ему въ Кыевѣ, а мнѣ то время игуменящю у св. Михаила въ 6624 индикта 9 лѣта." (т. е. въ 1116 г.). Такимъ обр. выходитъ, что авторомъ лѣтописнаго свода былъ Сильвестръ, по другимъ же даннымъ не Сильвестръ, игуменъ

Выдубецкаго Монастыря, написалъ лѣтопись, извѣстную подъ названіемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, а монахъ Печерскаго Монастыря <u>Несторъ</u>: еще Татищевъ приписывалъ ее Нестору. Въ древнемъ „Патерикѣ Печерскомъ“ мы читаемъ разсказъ о томъ, что Несторъ пришелъ къ Θеодосію 17-ти лѣтъ въ Монастырь, былъ имъ постриженъ, писалъ лѣтопись и умеръ въ Монастырѣ. Въ лѣтописи-же подъ 1051 г. въ разсказѣ о Θеодосіи лѣтописецъ говоритъ о себѣ: „къ нему-же (Θеодосію) <u>и азъ пріидохъ</u> худый и пріятъ мя лѣтъ ми <u>сущу</u> семнадцати.“ Далѣе подъ 1074 г. лѣтописецъ передаетъ разсказъ о великихъ подвижникахъ <u>Печерскихъ</u> и по поводу ихъ подвиговъ говоритъ, что многое онъ слышалъ отъ монаховъ, а другое „и самовидецъ быхъ“. Подъ 1091 г. лѣтописецъ отъ своего лица разсказываетъ о томъ, какъ при немъ и даже съ его участіемъ Печерская братія перенесла на новое мѣсто мощи св. Θеодосія; въ разсказѣ этомъ лѣтописецъ наз. себя „рабомъ и ученикомъ“ Θеодосія. Подъ 1093 г. слѣдуетъ

разсказъ о нападеніи Половцевъ на Кіевъ и о взятіи ими Печерскаго монастыря, разсказъ, цѣликомъ веденный въ 1-ой части, затѣмъ подъ 1110 год. мы не находимъ вышеприведенную приписку Селивестра игумена не Печерскаго, а Выдубецкаго монастыря.
На томъ основаніи, что авторъ лѣтописи говоритъ о себѣ, какъ о Печерскомъ монахѣ и въ виду того, что извѣстія, посторонніе лѣтописи, называютъ въ Печерскомъ монастырѣ лѣтописцемъ монаха Нестора, Татищевъ такъ увѣренно приписывалъ лѣтопись до 1110 г. Нестору, а Сильвестра считалъ только переписчикомъ лѣтописи. Мнѣніе Татищева встрѣтило поддержку въ Карамзинѣ, но съ того лишь разницею, что первый думалъ, что Несторъ довелъ лѣтопись только до 1093 г., а второй, что до 1110 г. Такимъ образомъ вполнѣ установилось мнѣніе, что лѣтопись принадлежала перу одного лица изъ Печерской братіи, составлявшаго ее вполнѣ самостоятельно. Но Строевъ, при описаніи рукописей гр. Толстого, открылъ греческую

хронику Георгія Мниха (Амартола), которая мѣстами оказалась дословно сходною со введеніемъ къ лѣтописи Нестора. Такой фактъ освѣтилъ этотъ вопросъ съ совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить *источники* лѣтописи. Строевъ первый и намекнулъ, что *лѣтопись есть ни что иное, какъ сводъ разнаго историко-литературнаго матеріала*. Авторъ ея дѣйствительно сводилъ и греческія хроники и русскій матеріалъ: краткія монастырскія записи, народныя преданія и т. д. Мысль, что лѣтопись есть компилятивный сборникъ, должна была вызвать новыя изысканія. Многіе историки занялись изслѣдованіемъ достовѣрности и состава лѣтописи. Этому вопросу посвящалъ свои ученыя статьи и *Каченовскій*. Онъ пришелъ къ тому выводу, что первоначальная лѣтопись составлена не Несторомъ и вообще намъ неизвѣстна. Извѣстныя намъ лѣтописи, по словамъ Каченовскаго, суть „сборники XIII или даже XIV столѣтія, коихъ источники большею частью намъ

неизвѣстны". Несторъ, по своему образованію, живя въ эпоху общей грубости, не могъ составить ничего подобнаго, дошедшей до насъ, обширной лѣтописи; ему могли принадлежать только тѣ вставленныя въ лѣтопись „монастырскія записки", въ кот. онъ, какъ очевидецъ повѣствуетъ о жизни своего монастыря въ XI вѣкѣ и говоритъ о самомъ себѣ. Мнѣнія Каченовскаго вызвали основательныя возраженія со стороны Погодина (см. „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи" Погодина, т. I, М. 1846) Погодинъ утверждаетъ, что если мы не сомнѣваемся въ достовѣрности лѣтописи, начиная съ XIV вѣка, то не имѣемъ основанія сомнѣваться и въ показаніяхъ лѣтописи о первыхъ вѣкахъ. Идя отъ достовѣрности позднѣйшаго разсказа лѣтописи, Погодинъ восходитъ все въ большую и большую древность и доказываетъ, что и въ древнѣйшіе вѣка лѣтопись совершенно вѣрно изображаетъ событія и состояніе гражданственности. Скептическіе взгляды на лѣтопись Каченовскаго и его учениковъ вызвали въ защиту лѣтописи книгу Буткова

("Оборона лѣтописи русской" М. 1840) и статьи Кубарева ("Несторъ" и о "Патерикѣ Печерскомъ"). Трудами этихъ трехъ лицъ: Погодина, Буткова и Кубарева, окончательно утверждена была въ 40-хъ годахъ мысль, что именно Нестору, человѣку XI вѣка, принадлежитъ древнѣйшій лѣтописный сводъ. Но въ 50-хъ годахъ это убѣжденіе стало колебаться. Трудами А. С. Казанскаго (статьи во Временникѣ М. Общ. Ист. и Др.), Срезневскаго ("Чтенія о древн. русск. лѣтописяхъ"), Сухомлинова ("О древ. русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ"), Бестужева-Рюмина ("О составѣ древнерусскихъ лѣтописей до XIV в.") и другихъ — вопросъ о лѣтописи Нестора былъ поставленъ иначе: къ изслѣдованію ея были привлечены новые историко-литературные матеріалы (несомнѣнно принадлежащія Нестору житія святыхъ) и приложены новые пріемы. Компилятивный, сводный характеръ лѣтописи былъ установленъ вполнѣ, источники свода были указаны очень опредѣленно; сличеніе трудовъ Нестора съ показаніями лѣтописи обнаружило противорѣчія. Вопросъ о роли Сильвестра, какъ собирателя

лѣтописнаго свода, сталъ серьезнѣе, чѣмъ былъ раньше. Въ настоящее время первоначальную лѣтопись ученые представляютъ себѣ, какъ сводъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, составленныхъ разными лицами въ разное время изъ разнообразныхъ источниковъ. Эти литературныя произведенія въ началѣ XII в. были соединены въ одинъ литературный памятникъ, быть можетъ, тѣмъ самымъ Сильвестромъ, кот. подписалъ свое имя. Внимательное изученіе первоначальной лѣтописи позволило намѣтить въ ней слѣдующія составныя части или точнѣе слѣдующія самостоятельныя литературныя произведенія: во 1-хъ собственно „Повѣсти временныхъ лѣтъ" — разсказъ о разселеніи пле-
послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ
менъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и о водвореніи на Руси варяжскихъ князей (только къ этой первой части лѣтописнаго свода и можетъ относиться заглавіе свода, приведенное выше: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ" и проч.); во 2-хъ обширный разсказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣс-

этнымъ авторомъ, вѣроятно, въ нача- лѣ XI в., и въ 3-ихъ лѣтописи о событіяхъ XI в., которую приличнѣе всего называть „Кіевскою" первоначальною лѣтописью. Въ составѣ этихъ трехъ произведеній, образовавшихъ сводъ и особенно въ составѣ перваго и третьяго изъ нихъ, можно замѣтить слѣды другихъ болѣе мелкихъ литературныхъ произведеній, „отдѣльныхъ сказаній" и такимъ образомъ можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ есть компиляція, составленная изъ компиляцій, — настолько сложенъ его внутренній составъ.

Знакомясь съ извѣстіями Лаврентьевскаго списка, древнѣйшаго изъ тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ такъ наз. Несторову лѣтопись (онъ написанъ монахомъ Лаврентіемъ въ Суздалѣ въ 1377 г.), мы замѣчаемъ, что за 1110 годомъ, за лѣтописью первоначальной, въ Лаврентьевскомъ спискѣ идутъ извѣстія, по преимуществу, относящіяся къ Сѣверо-восточной Суздальской Руси, значитъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лѣтописью мѣстною. Ипатьевскій списокъ (XIV–XV в.) за первоначальной

лѣтопись даетъ намъ наоборотъ очень подробный разсказъ о событіяхъ Кіевскихъ а затѣмъ вниманіе лѣтописи сосредоточивается на событіяхъ въ Галичѣ и Волынской землѣ; и здѣсь, стало быть, мы имѣемъ дѣло съ мѣстными-же лѣтописями. Этихъ мѣстныхъ областныхъ лѣтописей дошло до насъ очень много. Виднѣйшее мѣсто между ними занимаютъ лѣтописи Новгородскія (ихъ нѣсколько редакцій и есть очень цѣнныя) и Псковскія, доводящія свой разсказъ до XVI, даже XVII вѣка. Не малое значеніе имѣютъ и лѣтописи Литовскія, дошедшія въ разныхъ редакціяхъ и освѣщающія исторію Литвы и соединенной съ нею Руси въ XIV и XV вѣкахъ. Съ XV вѣка являются попытки собрать въ одно цѣлое историческій матеріалъ, разбросанный въ этихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Такъ какъ эти попытки совершались въ эпоху Московскаго государства и часто оффиціальными средствами Московскаго правительства, то

онѣ и слывутъ подъ именемъ Московскихъ сводовъ или Московскихъ лѣтописей, тѣмъ болѣе, что даютъ обильный матеріалъ именно для Московской исторіи. Изъ этихъ попытокъ болѣе ранняя — Софійскій Временникъ (двѣ редакціи), кот. соединяетъ извѣстія Новгородскихъ лѣтописей съ извѣстіями Кіевской, Суздальской и др. мѣстныхъ лѣтописей, дополняя этотъ матеріалъ отдѣльными сказаніями историческаго характера. Софійскій временникъ относится къ XV в. и представляетъ собою чисто внѣшнее соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, соединеніе подъ опредѣленнымъ годомъ всѣхъ относящихся къ этому году данныхъ безъ всякой ихъ переработки. Такой-же характеръ простого соединенія матеріала изъ всѣхъ доступныхъ составителю лѣтописей имѣетъ Воскресенская лѣтопись, возникшая во второй половинѣ XVI в. или-же на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ и едва-ли не при патріаршемъ Московскомъ дворѣ: люди XVII в. называли эту лѣтопись

„лѣтописцемъ патріарха Гермогена". Воскресенскій сводъ сохранилъ до насъ массу въ чистомъ видѣ цѣнныхъ извѣстій по исторіи удѣльной и Московской эпохъ, почему и можетъ быть названъ самымъ богатымъ и надежнымъ источникомъ для изученія XIV–XVI вв. Иной характеръ имѣютъ <u>Степенная книга</u> (приписываемая митрополиту Кипріану XV в. и митр. Макарію XVI в.) и <u>Никоновская лѣтопись</u> XVI–XVII в. Пользуясь тѣмъ-же матеріаломъ, какъ и прежде названные своды, эти памятники даютъ намъ этотъ матеріалъ въ переработанномъ видѣ, съ риторикой въ языкѣ, съ извѣстными тенденціями въ освѣщеніи фактовъ. Это первыя попытки <u>обработки</u> историческаго матеріала, вводящія насъ уже въ исторіографію.

Позднѣйшее русское лѣтописаніе пошло въ Московскомъ государствѣ двумя путями. Съ одной стороны оно стало офиціальнымъ дѣломъ: при дворѣ Московскомъ записывались погодно дворцовыя и политическія событія

(лѣтописи времени Грознаго, напр.: <u>Александро-Невская</u>, <u>Царственная Книга</u> и вообще послѣднія части Московскихъ сводовъ: <u>Никоновскаго</u>, <u>Воскресенскаго</u>, <u>Львовскаго</u> а съ теченіемъ времени и самый типъ лѣтописей сталъ измѣняться. Онѣ стали замѣняться такъ наз. разрядными книгами. Съ другой стороны въ разныхъ мѣстностяхъ Руси стали являться лѣтописи чисто мѣстнаго, областного, даже городского характера въ большинствѣ лишенныя значенія для политической исторіи (таковы <u>Нижегородская</u>, <u>Двинская</u>, <u>Углическая</u> и др., таковы до нѣкоторой степени и <u>Сибирскія</u>)

Съ <u>XVI</u> в. рядомъ съ лѣтописями возникаетъ новый видъ историческихъ произведеній - это <u>Хронографы</u> или обзоры исторіи всемірной (точнѣе: библейской, византійской, славянской и русской). Первый Хронографъ былъ составленъ въ <u>1512</u> г. преимущественно на основаніи греческихъ источниковъ съ дополнительными свѣдѣніями по русской исторіи. Въ 1616-1617 г. былъ составленъ <u>Хронографъ 2-ой редакціи</u>. Это произведеніе

интересно въ томъ отношеніи, что болѣе древнія событія изображаетъ на основаніи первой редакціи Хронографа, а русскія - начиная съ XVI, XVII вѣковъ, описываетъ заново, самостоятельно. Авторъ его несомнѣнно обладалъ литературнымъ талантомъ, и кто хочетъ ознакомиться съ древне-русской риторикой въ ея удачныхъ образцахъ, долженъ прочитать русскія статьи этого Хронографа.

Въ XVII вѣкѣ Московское Общество начинаетъ проявлять особенную склонность къ хронографамъ, которые растутъ въ большомъ количествѣ. Погодинъ въ свою библіотеку собралъ до 50-ти экземпляровъ; нѣтъ сколько-нб. крупнаго собранія рукописей, гдѣ-бы ихъ не считали десятками. Распространенность хронографовъ легко объяснить: краткіе по сюжету изложенія, написанные литературнымъ языкомъ, они давали русскимъ людямъ тѣ-же свѣдѣнія, что и лѣтописи, но въ болѣе удобномъ видѣ.

Кромѣ собственно лѣтописей въ древнерусской письменности можно найти много литературныхъ произведеній, служащихъ источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древнерусская литературная письменность должна разсматриваться, какъ историческій источникъ и часто трудно бываетъ предугадать, изъ какого литературнаго труда историкъ почерпнетъ лучшее разъясненіе интересующаго его вопроса. Такъ, напр., смыслъ <u>сословнаго</u> наименованія Кіевской Руси „огнищанинъ" толкуется въ исторіографіи не только изъ памятниковъ законодательства, но и изъ древняго славянскаго текста поученій св. Григорія Богослова, въ кот. встрѣчаемъ архаическое реченіе „огнище" въ смыслѣ „рабы, челядь" („грьдящеся мъногы огнищи и стады"). Переводы священныхъ книгъ, сдѣланные кн. А. М. Курбскимъ, даютъ матеріалъ для біографіи и характеристики этого знаменитаго дѣятеля <u>XVI</u> вѣка. Но при такомъ значеніи всего историко-литературнаго матеріала, нѣкоторые его виды имѣютъ всетаки особенный интересъ для историка; таковы <u>отдѣльныя</u>

сказанія о чудахъ и фактахъ, носящія на себѣ характеръ то историческій, то публицистическій. Рядъ историческихъ сказаній цѣликомъ занесенъ въ наши лѣтописные своды; таковы, напр., сказанія о крещеніи Руси, объ ослѣпленіи князя Василька; о битвѣ на Липицѣ, о Батыевомъ нашествіи, о Куликовской битвѣ и много др. Въ отдѣльныхъ спискахъ или также въ сборникахъ дошли до насъ любопытныя публицистическія произведенія древней Руси, которыми особенно богатъ былъ XVI вѣкъ; изъ нихъ видное мѣсто занимаетъ „Исторія", написанная кн. А. М. Курбскимъ о Грозномъ; памфлетистическія произведенія такъ наз. Ивашки-Пересвѣтова, защитника правительственной системы Іоанна Грознаго; „Повѣсть нѣкоего боголюбива мужа", бывшаго противникомъ этой системы; „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ", въ кот. видятъ произведеніе боярской среды, недовольной московскими порядками и т. п. Рядомъ съ публицистикой въ XVI, XVII вв. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядомъ любопытныхъ повѣстей и

сказаній, принявшихъ часто крупные внѣшніе объемы. Отдѣльнымъ томомъ напечатана въ 1791 г., составленная въ XVI вѣкѣ, „Исторія о Казанскомъ царствѣ“, излагающая исторію Казани и паденіе ея въ 1552 г. Въ XIII томѣ „Русской Исторической Библіотеки“ издана цѣлая серія русскихъ повѣстей о смутномъ времени XVI–XVII вв., изъ котор. многія давно уже стали извѣстны изслѣдователямъ смуты. Среди десятковъ этихъ повѣстей выдаются: 1) такъ наз. Иное Сказаніе, представляющее собою политическій памфлетъ, вышедшій изъ партіи Шуйскихъ въ 1606 г., 2) Сказаніе келаря Троице Сергіевой Лавры Авраамія Палицына, написанное въ окончательномъ видѣ въ 1620 г.; 3) Временникъ Ивана Тимофеева, мало извѣстная и очень любопытная хроника смуты, 4) Повѣсть князя Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго, отмѣченная печатью большого литературнаго таланта, 5) Новый лѣтописецъ — попытка фактическаго обзора смутной эпохи и т. д. Къ болѣе поздней эпохѣ относятся сказанія о взятіи Азова казаками; описаніе Московскаго государства, сдѣланное Гр. Карп. Котошихинымъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка и наконецъ цѣлый

рядъ записокъ русскихъ людей (А. А. Матвѣева, С. Медвѣдева, Желябужскаго и др.) о времени Петра Великаго. Этими записками открывается безконечный рядъ мемуаровъ русскихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ правительственной дѣятельности и общественной жизни прошлаго и настоящаго столѣтія. Общеизвѣстность нѣкоторыхъ мемуаровъ (Болотова, Дашковой) избавляетъ отъ необходимости перечислять виднѣйшіе изъ нихъ.

Рядомъ съ историческими сказаніями въ качествѣ историческаго источника стоятъ сказанія агіографическія или житія святыхъ и повѣствованія о чудесахъ. Не только самое житіе святого даетъ иногда цѣнныя историческія показанія объ эпохѣ, въ кот. жилъ и дѣйствовалъ святой, но и въ „чудесахъ" святого, приписанныхъ къ житію, историкъ находитъ цѣнныя указанія объ обстоятельствахъ того времени, когда совершались чудеса: Такъ въ житіи Стефана Сурожскаго одно изъ повѣствованій о чудѣ святого даетъ возможность установить существованіе народа Русь и его дѣйствія въ Крыму ранѣе того 862 года, когда по

лѣтописи Русь была призвана въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Безыскусственная форма древнѣйшихъ житій даетъ особенную цѣнность ихъ показаніямъ, но съ XV в. вырабатываются особые пріемы въ писаніи житій, замѣняющіе риторикой фактическую содержательность и искажающіе смыслъ факта въ угоду литературной модѣ. Житія (св. Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго), составленныя въ XV в. Епифаніемъ Премудрымъ уже страдаютъ риторикой, хотя и блещутъ литературнымъ талантомъ и силою искренняго чувства. Больше риторики и холодной условности въ житіяхъ, составленныхъ учеными сербами, жившими на Руси въ XV в., митр. Кипріаномъ и монахомъ Пахоміемъ Логофетомъ. Сочиненія этихъ лицъ создали на Руси условную форму житійнаго творчества, распространеніе которой замѣтно на житіяхъ XVI и XVII вв. Эта условная форма, подчиняя себѣ содержаніе житій, лишаетъ ихъ показанія свѣжести и точности.

Мы закончили перечень историческихъ источниковъ литературнаго типа, если

упомянемъ о большомъ числѣ утрч. записокъ о Россіи, кот. были въ разные вѣка составлены иностранцами, посѣщавшими Русь. Изъ сказаній иностранцевъ замѣчательны труды католика-монаха Плано Карпини (XIII в.), Сигизмунда Герберштейна (начало XVI в.), Павла Іовія (XVI в.), Іеронима Горсея (XVI в.), Гейденштейна (XVI в.), Флетчера (1591 г.), Маржерета (XVII в.), Фонъ-Мейерберга (XVII в.), Гордона (конецъ XVII в.), Корба (конецъ XVII в.). Для исторіи XVIII в. большое значеніе имѣютъ дипломатическія депеши западно-европейскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ и безконечный рядъ мемуаровъ иностранцевъ, знакомыхъ съ русскими дѣлами. На ряду съ сочиненіями иностранныхъ писателей, знавшихъ историческую Россію, слѣдуетъ помнить и тотъ иноземный матеріалъ, которымъ пользуются историки при изученіи первыхъ страницъ исторіи Славянъ и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, напр., изучать безъ знакомства съ арабскими писателями (IX, X в. и позднѣе), знавшими Хозаръ, Русь и

вообще народы, обитавшіе на нашей равнинѣ; однакожъ необходимо пользоваться сочиненіями и византійскихъ писателей, пристальное знакомство съ которыми въ послѣднее время даетъ особенные результаты въ трудахъ В.Г. Васильевскаго, Ѳ.И. Успенскаго и другихъ нашихъ византинистовъ. Наконецъ, свѣдѣнія о Славянахъ и Руссахъ находятся у средневѣковыхъ писателей западно-европейскихъ и польскихъ: Готскаго историка Іорнанда (VI в.), польскихъ Мартина Галла (XII в.), Яна Длугоша (XV в.) и др.

Перейдемъ къ памятникамъ юридическаго характера, къ памятникамъ правительственной дѣятельности и гражданскаго общежитія. Этотъ матеріалъ обыкновенно зовется актами и грамотами и во множествѣ хранится въ правительственныхъ архивахъ (изъ которыхъ замѣчательны: въ Москвѣ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Архивъ Министерства Юстиціи, въ Петербургѣ Архивы Государственный и Сенатскій, наконецъ, Архивы въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ). Чтобы свыкнуться съ архивнымъ

матеріаломъ, слѣдуетъ его по возможности точно классифицировать, но памятниковъ юридическаго характера до насъ дошло такъ много и они такъ разнообразны, что это довольно трудно сдѣлать. Мы можемъ отмѣтить только главные виды: 1) Государственные акты, т.е. всѣ документы, кот. касаются важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, таковы, напр. договоры. Памятники этого рода сохранились у насъ отъ самаго начала нашей исторіи, это – замѣчательные договоры съ Греками Олега и послѣдующихъ князей. Далѣе рядъ междукняжескихъ договоровъ дошелъ до насъ отъ XIV–XVI вѣк. Въ этихъ договорахъ опредѣляются политическія отношенія древнерусскихъ князей. Рядомъ съ договорными грамотами надо поставить грамоты душевныя, т.е. духовныя завѣщанія князей. До насъ, напр. дошли двѣ духовныхъ завѣщанія Іоанна Калиты. Первое написано передъ поѣздкой въ орду, второе передъ смертью. Въ нихъ онъ дѣлитъ свое имущество между сыновьями и потому перечисляетъ его; такимъ образомъ душевная грамота является подробнѣйшимъ

перечнемъ земельныхъ владѣній и имущества русскихъ князей и съ этой точки зрѣнія представляетъ весьма цѣнный историческій и географическій матеріалъ. За душевными грамотами помянемъ грамоты избирательныя; первая относится къ избранію Б. Годунова на Московскій престолъ, ея составленіе приписываютъ патр. Іову; вторая къ избранію Михаила Θеодоровича Романова. Наконецъ къ государственнымъ актамъ должны быть отнесены памятники древнерусскаго законодательства. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести Русскую Правду, поскольку ее можно признавать актомъ правительственной дѣятельности, а не частнымъ сборникомъ. Затѣмъ сюда-же относятся Судныя грамоты Новгорода и Пскова, утвержденныя вѣчемъ; онѣ заключаютъ рядъ постановленій по судебнымъ дѣламъ. Такимъ-же характеромъ отличается и судебникъ Ивана III 1497 года (называемый первымъ или княжескимъ). Спустя полъ-вѣка, въ 1550 г. за этимъ судебникомъ послѣдовалъ второй или царскій судебникъ Ивана Грознаго, болѣе полный, а черезъ 100 лѣтъ

послѣ него, въ 1648 г.-1649 г. было составлено знаменитое Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, кот. сравнительно было уже очень полнымъ кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права. Рядомъ съ сборниками свѣтскаго законодательства дѣйствовали въ сферѣ церковнаго суда и администраціи сборники законодательства церковнаго (Кормчая книга или Номоканонъ и др.); эти сборники составлены были въ Византіи, но въ теченіе вѣковъ понемногу приноровлялись къ особенностямъ русской жизни. - 2) Вторымъ видомъ историко-юридическаго матеріала являются административныя грамоты; это отдѣльныя правительственныя распоряженія, даваемыя или на частные случаи административной практики, или отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ для того, чтобы опредѣлить отношенія этихъ лицъ и общинъ къ власти. Изъ такихъ грамотъ нѣкоторыя имѣли довольно широкое содержаніе; это, напримѣръ, грамоты уставныя и губныя, опредѣлявшія порядокъ самоуправленія цѣлыхъ

волостей. Въ большинствѣ-же это отдѣльной распоряженія правительства по текущимъ дѣламъ. Въ Московскомъ государствѣ законодательство развивалось именно путемъ накопленія отдѣльныхъ законоположеній, изъ кот. каждое, возникая по поводу частнаго случая обращалось затѣмъ въ прецедентъ для всѣхъ подобныхъ случаевъ, становилось постояннымъ закономъ. Такой казуистическій характеръ законодательства создалъ въ Москвѣ такъ наз. <u>Указныя книги Приказовъ</u> или отдѣльныхъ вѣдомствъ: каждое вѣдомство записывало у себя въ хронологическомъ порядкѣ царскіе указы, которые его касались, и возникала „указная книга", ставившаяся руководствомъ для всей административной или судебной практики вѣдомства; 3) Третьимъ видомъ юридическаго матеріала можно считать <u>челобитья</u>, т.е. тѣ просьбы, которыя по разнымъ дѣламъ подавались правительству. Право челобитій ничѣмъ не было стѣснено

въ древней Руси до середины XVII вѣка и законодательная дѣятельность правительства зачастую была прямымъ отвѣтомъ на челобитья; отсюда ясно большое историческое значеніе челобитій. Они не только знакомятъ съ нуждами и бытомъ населенія, но объясняютъ и направленіе законодательства. 4) Начетвертомъ мѣстѣ помянемъ грамоты частнаго, гражданскаго быта, въ котор. отражались личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ; кабальныя записи, купчія и т. д. 5) Далѣе, особымъ видомъ памятниковъ можно считать памятники судопроизводства, въ которыхъ находимъ много данныхъ для исторіи не только суда, но и тѣхъ гражданскихъ отношеній, той реальной жизни, которыхъ касался судъ; 6) Наконецъ, особое мѣсто въ ряду источниковъ занимаютъ такъ называемыя Приказныя книги (одинъ видъ ихъ — Указныя книги — уже упомянутъ). Приказныхъ книгъ было много видовъ и намъ слѣдуетъ ознакомиться только съ важнѣйшими въ историческомъ отношеніи. Любопытнѣе всѣхъ: — книги

писцовыя, содержащія въ себѣ поземель=
ную (собственность) опись уѣздовъ Московска=
го государства, производившуюся съ податны=
ми цѣлями; _книги переписныя_, содержа=
щія въ себѣ перепись людей податныхъ классовъ
населенія; _книги „кормленныя"_ и десятни,
заключающія въ себѣ переписи придво=
рныхъ и служилыхъ людей съ указанія=
ми на ихъ имущественное положеніе;
книги разрядныя (и такъ наз. _дворцовые_
разряды), въ которыхъ записывалось все,
что относилось къ придворной и госуда=
рственной службѣ боярства и дворянства
(иначе говоря, это-дневники придворной
жизни и служебныхъ назначеній).-
Если мы упомянемъ о матеріалахъ для
исторіи дипломатическихъ сношеній
(„наказы" т.е. инструкціи посламъ; „статей=
ные списки" т.е. дневники переговоровъ,
отчеты пословъ и т. п.), то историко-
юридическіе памятники будутъ нами
перечислены съ достаточною полнотою.
Что касается до этого рода памятниковъ
Петровской Руси, то ихъ _терминологія_
и классификація въ _XVIII_ вѣкѣ въ главныхъ
чертахъ настолько мало разнится отъ
современной намъ, что не требуетъ

поясненій.

Древнѣйшая исторія нашей страны.

Въ настоящее время нѣтъ нужды указывать на то, что природа страны вліяетъ на бытъ народа, обусловливаетъ особенности народнаго хозяйства, налагаетъ свой отпечатокъ и на весь ходъ историческаго развитія общества. Тотъ, кто захотѣлъ-бы познакомиться съ вопросомъ о вліяніи нашей страны на разселеніе, бытъ и исторію русскаго племени, найдетъ прекрасный матеріалъ въ I-мъ томѣ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева; этотъ историкъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на объясненіи того значенія какое имѣла наша равнина въ качествѣ историческаго фактора. Въ нашемъ-же курсѣ мы можемъ дать лишь намеки на главнѣйшія стороны этого вопроса. Прежде всего мы отмѣтимъ, что равнинность страны и обиліе рѣчныхъ путей идущихъ въ разныя стороны, должны были содѣйствовать широкому разселенію славянъ, должны были облегчать и даже вызывать тотъ грандіозный

процессъ колонизаціи, которымъ славянское племя освоивало громадныя пространства земель. Фактъ колонизаціи - одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ нашей исторіи, много объясняющій историку и въ сферѣ народнаго хозяйства и въ сферѣ народнаго права. Далѣе, плодородная почва страны и обиліе лѣсовъ должны были развить земледѣльческій и лѣсные промыслы, тогда какъ рѣки, выбѣгавшія изъ центра равнины во всѣ четыре окраинныхъ моря должны были содѣйствовать зарожденію и развитію торговли и внутри страны и съ сосѣдними странами. Такъ, особенности страны предопредѣлили разнообразіе хозяйственной дѣятельности народа.

Но давая широкій просторъ для передвиженія жителей, содѣйствуя сложенію ихъ въ крупныя общества, природа страны въ то-же время не охраняла эти общества отъ чуждыхъ вторженій. Ничѣмъ не защищенные со стороны Азіи, наши предки не разъ дѣлались жертвами дикихъ азіатскихъ кочевниковъ, и въ природѣ не имѣли

вѣрнаго союзника противъ этихъ враговъ. Въ первые вѣка нашей исторіи, какъ мы знаемъ, Кіевскіе князья искуственной границей, цѣпью укрѣпленій обороняли свою землю отъ степныхъ кочевниковъ; позднѣе Московскіе государи создали такую-же искуственно-укрѣпленную границу („черту", „берегъ") отъ татаръ. Такъ, рядомъ съ условіями, содѣйствующими успѣхамъ народной жизни, страна создавала и условія, противодѣйствующія этимъ успѣхамъ. Условія русскаго юга благопріятныя для развитія человѣческой производительности, очень рано привлекли вниманіе древнихъ грековъ. За 500 лѣтъ до Р. Х. на сѣверномъ берегу Чернаго моря существовали уже греческіе города, жители которыхъ торговали со окрестными туземцами. Геродотъ оставилъ намъ пространный разсказъ объ этихъ туземцахъ, которыхъ греки называли общимъ именемъ скиѳовъ. По этому разсказу были скиѳы кочевые; были скиѳы и осѣдлые, достигшіе уже извѣстной гражданственности. Много=

численностью скиѳскихъ племенъ и разнообразіе формъ ихъ быта позволяютъ съ большимъ вѣроятіемъ думать, что греки называли общимъ именемъ скиѳовъ не одно обширное племя, а нѣсколько племенъ различнаго происхожденія, жившихъ на сѣверъ отъ Черного Моря. Во время болѣе позднее, около Рождества Христова, на мѣстахъ поселенія древнихъ скиѳовъ, греческіе и римскіе писатели помѣщаютъ народы съ иными уже названіями. Общее наименованіе этихъ народовъ — Сарматы; видовыя имена — языги, аланы, роксоланы; всѣ эти народы причисляются нынѣ къ арійской расѣ, хотя о нихъ мы знаемъ очень мало. Нѣсколько опредѣленнѣе данныя о такъ наз. Воспорскомъ царствѣ на Азовскомъ побережьѣ; оно было основано скиѳами и греками — колонистами и жило въ такихъ формахъ быта, которыя отражали въ себѣ вліяніе и варваровъ-скиѳовъ и эллиновъ. Вещественные остатки этого быта (курганъ Куль-Оба около Керчи и проч.) ярко рисуютъ намъ эту

ственную культуру такъ-же, какъ и остатки, находимые въ болѣе сѣверныхъ могилахъ скифо-сарматскихъ даютъ довольно хорошее представленіе о бытѣ скифовъ и сарматовъ, жившихъ особо отъ грековъ (Чертомлыцкій или Никопольскій курганъ на Днѣпрѣ). Собирая всѣ скудныя данныя о жизни на Черноморскомъ побережьѣ въ наиболѣе древнее время, мы получаемъ возможность сказать, что уже до Рождества Христова югъ нашей страны былъ ареною оживленнаго торговаго движенія. Предметами вывоза отсюда являлись хлѣбъ, рыба, воскъ и медъ, кожи и мѣха, шерсть, лошади; вводились-же сюда преимущественно предметы роскоши и искусствъ.

Во II и III вв. въ исторіи великой Сѣверной равнины произошли крупныя событія: большое германское племя готовъ передвинулось отъ Балтійскаго моря къ Черному и основало въ Черноморьѣ сильное государство. Готскій король Германарихъ владѣлъ приблизительно южной половиной

нынѣшней Европейской Россіи и ему, какъ полагаютъ, повиновались кромѣ готовъ и финскія племена (Чудь, Весь, Меря, Мордва). Въ числѣ подданныхъ Германариху племенъ видимъ и нашихъ предковъ Славянъ подъ именемъ венедовъ. Несмотря на свою силу готское царство въ IV в. пало подъ натискомъ еще болѣе сильнаго врага — гунновъ. Придя изъ Азіи гунны заставили готовъ всею массою отступить отъ Чернаго моря на западъ и войти въ предѣлы Римской имперіи; на Черноморьи (въ Крыму и въ Тамани) осталась лишь небольшая часть готскаго племени, державшаяся тамъ очень долго. Оттѣснивъ готовъ, гунны подчинили себѣ венедовъ, т. е. славянъ и въ то-же время стали подъ ихъ культурное вліяніе. Разсказъ писателя Приска прямо свидѣтельствуетъ о славянизаціи гунновъ, чѣмъ и даетъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ считать гунновъ за славянъ, несмотря на многіе признаки ихъ монгольскаго происхожденія (Д. И. Иловайскій отстаивалъ славянство гунновъ предъ В. Г. Васильевскимъ). Съ паденіемъ

гунновъ въ VI вѣкѣ славяне попали подъ владычество народа <u>аваровъ</u> или <u>обровъ</u>, кот. знаетъ уже и наша первоначальная лѣтопись: истребленіе обровъ Карломъ Великимъ, а затѣмъ болгарами создало въ древней Руси поговорку, записанную лѣтописцемъ: „погибоша, аки Обры".

Такъ изъ-за племенъ чуждыхъ и мало извѣстныхъ выступаютъ мало по малу и наши предки-славяне въ качествѣ обитателей великой сѣверной равнины. Но не въ первый разъ выступаютъ они въ исторіи подъ властью готскаго Германариха: можно собрать и болѣе раннія указанія на существованіе славянъ въ Европѣ.

Уже Геродотъ въ V в. до Р. Хр. называетъ на Вислѣ <u>Геневовъ</u>, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Писатели I–II в. по Р. Хр. (Тацитъ и др.) говорятъ о <u>венедахъ</u> у Балтійскаго моря, подъ которыми позже разумѣются опредѣленно славяне. Тацитъ приравниваетъ венедовъ къ сарматамъ, но указываетъ то различіе, что венеды – народъ <u>осѣдлый</u>. Писатели VI вѣка, готъ Іорнандъ

и византійцы Прокопій и Маврикій, уже хорошо знаютъ славянъ подъ именами Славяне и Анты и помѣщаютъ первыхъ между Вислой и Днѣпромъ, а вторыхъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Предгорья Карпатъ были такимъ образомъ древнѣйшими мѣстами славянскихъ поселеній. Отъ Карпатъ (отъ Дуная) ведетъ славянъ на Днѣпръ и наша лѣтопись. Славяне ушли съ Дуная, тѣснимые волохами (неизвѣстнымъ народомъ) и поселились на русскихъ рѣкахъ, раздѣлясь на племена: Поляне сѣли на среднемъ Днѣпрѣ, Древляне - на Припяти, Дреговичи - на Березинѣ, Полочане - на р. Двинѣ, Сѣверяне - на Деснѣ, Радимичи - по Сожи, Кривичи - на водораздѣлѣ р. Двины и Днѣпра, Ильменскіе славяне - на Ильмени и Волховѣ; Тиверцы и Уличи - на нижнемъ теченіи Днѣпра и Днѣстра; Волыняне (Бужане, Дулѣбы) по р. Бугу.

Повѣствованіемъ лѣтописи о жизни всѣхъ этихъ племенъ и начинается исторія Руси. Въ дополненіе къ даннымъ нашего лѣтописца о первыхъ порахъ нашей исторіи привлекаются историками

и всѣ извѣстія иноземныхъ писателей, какія только извѣстны въ настоящее время. Съ помощью ихъ и рѣшаются вопросы о формахъ первоначальнаго быта славянъ и началѣ государственной жизни на Руси.

Но раньше, чѣмъ приступить къ знакомству съ этими вопросами, слѣдуетъ остановиться на томъ замѣчаніи, что славянскія племена въ началѣ своей исторіи не владѣли всей территоріей нынѣшней европейской Россіи. На сѣверъ отъ нихъ, отъ Балтійскаго моря до Урала жили многочисленныя *финскія* племена. При Балтійскомъ морѣ въ бассейнѣ рѣки Нѣмана сидѣли племена *литовскія*. По Камѣ и Средней Волгѣ шли владѣнія *тюркскаго* народа *Болгаръ*, а на нижней Волгѣ и Донѣ было государство *тюркскаго*-же народа *хазаръ*, управлявшееся ханомъ, носившимъ титулъ *кагана*. Не останавливаясь теперь на подробномъ изложеніи данныхъ обо всѣхъ этихъ народахъ, мы будемъ еще говорить о нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Общественный бытъ древнихъ славянъ.

Мы познакомились съ тѣми извѣстіями о славянахъ, кот. позволяютъ намъ сказать, что русскіе до начала самобытнаго политическаго существованія имѣли нѣсколько вѣковъ примитивной жизни. Тѣ-же древніе писатели раскрываютъ намъ и черты первоначальнаго быта славянъ, съ которыми интересно ознакомиться, чтобы уяснить себѣ, въ какомъ положеніи, на какой степени общественнаго развитія застаетъ славянъ исторія? Придя въ предѣлы теперешней Россіи, въ Поднѣпровье Славяне не нашли здѣсь такой культуры и цивилизаціи, какъ Германское племя, вторгшись въ Западно-Римскую имперію. Послѣдніе сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы, славяне-же представляютъ передъ нами въ достаточной чистотѣ примитивнаго быта. Объ этомъ бытѣ еще въ XVIII вѣкѣ сложилось два воззрѣнія: представителемъ перваго былъ извѣстный Шлёцеръ, другая-же теорія получила окончательное развитіе въ „Исторіи

-русской жизни" современнаго намъ ученаго Заб<u>ѣлина</u>. Шлецеръ представлялъ себѣ первоначальный бытъ славянъ не выше быта дикарей Ирокезцевъ. Еще лѣтописецъ говоритъ, что Славяне, „живяху звѣриньскимъ образомъ", такъ думалъ и Шлецеръ. Первыя сѣмена гражданственности и культуры, по его мнѣнію, были брошены Варягами которые вызвали славянъ на истори=ческую арену. Это взглядъ - очевидно крайній. Забѣлинъ-же („Исторія русской жизни". 2 тома. М. 1876-1879г.) рисуетъ намъ бытъ славянъ русскихъ въ IX-X в.в. очень сложнымъ и развитымъ и впа=даетъ поэтому въ другую крайность. Отрѣшимся отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и разсмотримъ, какія несомнѣнныя данныя для выясненія этого вопроса можемъ мы найти у древнихъ исто=риковъ.

Прежде всего славяне-народъ не кочевой, а осѣдлый. Уже Тацитъ, который сближаетъ ихъ съ Сарматами, отмѣ=чаетъ, что они были дикимъ народомъ, но отличались отъ Сарматовъ тѣмъ, что жили осѣдло и строили дома

Осѣдлость славянъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что главный капиталъ ихъ составлялъ не въ стадахъ и табунахъ, а въ землѣ и хозяйство было основано на эксплоатаціи земли. Но осѣдлость Славянъ была не прочна, такъ какъ истощивъ пашню въ одномъ мѣстѣ, они легко покидали жилище и искали другого, какъ только пашня переставала давать урожай. Такимъ образомъ поселки Славянъ имѣютъ (~~имѣютъ~~) первоначально очень подвижной характеръ. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ и греческіе писатели и лѣтописецъ, который говоритъ о Древлянахъ и Вятичахъ такъ, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые по словамъ лѣтописца „живяху звѣриньскимъ образомъ" уже къ началу лѣтописи „дѣлаютъ нивы своя и земля своя".

Страны, въ которыхъ приходилось жить и пахать Славянамъ, были лѣсныя, поэтому рядомъ съ земледѣліемъ возникаетъ и эксплоатація лѣсовъ, разви-

вающія лѣсные промыслы, бортничество, охота съ цѣлью промышленною. Воскъ, мёдъ и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Россія на Дунаѣ. Святославъ, напр. желая осѣсть на Дунаѣ, говорилъ: „хочу жити въ Переяславцы на Дунаи, яко-то есть середи въ земли моей, яко ту вся благая сходятся.... (перечисляетъ, что приводятъ изъ Греціи и Рима, а о Руси говоритъ)... изъ Руси-же скора и медъ, воскъ и челядь." Охота на пушнаго звѣря составила одинъ изъ основныхъ промысловъ Славянъ, точно также, какъ издѣлія изъ древа: лодки и т. п. Конечно это обусловливалось тѣмъ, что пашня Славянина стояла въ лѣсу. Вотъ такимъ образомъ хозяйство, въ кот., какъ мы видимъ, всѣ отрасли промышленности тѣсно связаны съ землею. Другая сторона хозяйственной жизни славянъ заключалась въ торговлѣ. Давно уже на пространствѣ отъ южнаго прибрежья Балтійскаго моря до Урала находятъ клады <u>съ арабскими (куфическими) монетами</u>, относящимися къ <u>VIII</u>, даже и къ <u>VII</u> вѣку (693г.). если принять во вниманіе что и Арабамъ былъ обычай при каждомъ

новымъ ханъ перечеканивать монеты, то можно приблизительно точно определить время, по крайней мѣрѣ вѣкъ, въ кот. былъ зарытъ кладъ. На основаніи этого и дѣлаютъ выводъ, что въ VIII, IX и X вѣкѣ тѣ народы, кот. жили на Руси, вели торговлю съ Арабами. Эти археологическія предположенія совпадаютъ съ разсказами арабскихъ писателей, кот. передаютъ намъ, что Арабы торговали въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и между прочимъ съ народомъ Россъ. Велась торговля, вѣроятно, рѣчными путями; по крайней мѣрѣ клады своимъ мѣстонахожденіемъ намекаютъ на это. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить, напр. по тому, что у Великихъ Лукъ найденъ кладъ, оцѣненный въ 7000 рублей. Возможность зарыть въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ, что торговля велась большими капиталами. Въ торговлѣ съ Востокомъ для славянъ большое значеніе имѣли Хозары, кот., покоривъ южныхъ славянъ, открыли имъ безопасный путь къ морю Каспійскому. Подъ покровительствомъ

этихъ-же Хозаръ и Славяне проникли въ Азію. Это было одно направленіе торговли славянъ-русскихъ. Второе ведетъ насъ на югъ. Древній договоръ Олега съ Греками показываетъ, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что въ X вѣкѣ сложились уже опредѣленныя формы и традиціи торговыхъ сношеній. Указываютъ и на третій торговый путь, кот. шелъ изъ Руси въ Западную Европу. Профессоръ Васильевскій, основываясь на хорошихъ данныхъ, говоритъ, что Славяне въ глубокой древности подъ именемъ „руговъ" были постоянными торговыми гостями на верхнемъ Дунаѣ. Такимъ обр. свѣдѣнія, кот. мы имѣемъ отъ древнѣйшей поры показываютъ, что рядомъ съ земледѣліемъ славяне занимались и торговлею. А при такомъ условіи мы можемъ предположить у Славянъ раннее существованіе городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ. Этотъ выводъ—выводъ несомнѣнный проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя явленія древней Кіевской жизни.

Хотя Іорнандъ утверждаетъ, что у Славянъ не было городовъ, тѣмъ не менѣе,

съ перваго-же времени исторической жизни славянъ, мы видимъ у нихъ признаки развитія городской жизни. Скандинавскія саги, знакомыя съ Русью, зовутъ ее „Гардарикъ", т. е. страна городовъ. Лѣтописецъ уже не помнитъ времени возникновенія на Руси многихъ городовъ: они были „изначала". Главнѣйшіе города древней Руси (Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ) всѣ расположены на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ и имѣли значеніе именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вотъ тѣ несомнѣнныя данныя о первоначальномъ бытѣ славянъ, кот. показываютъ, что славяне были далеко не дикимъ народомъ, что лѣтописецъ впалъ въ неточность, говоря что въ большинствѣ своемъ они „живяху звѣриньскимъ образомъ", но съ другой стороны у насъ нѣтъ никакой возможности утверждать, что этотъ бытъ достигалъ высокихъ степеней общественной культуры.

Какую-же внутреннюю организацію имѣли славяне? Разрѣшеніе этого вопроса вводитъ насъ въ интерес-

ную полемику.
Бытъ славянъ несомнѣнно въ началѣ былъ племенной. На первыхъ страницахъ лѣтописецъ постоянно называетъ ихъ по племенамъ, но читая лѣтопись далѣе, мы видимъ, что имена Полянъ, Древлянъ, Кривичей и т.п. постепенно исчезаютъ и замѣняются разсказами о волостяхъ: „Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т.е. волости) яко-же на думу на вѣча сходятся", говоритъ лѣтописецъ и подъ именемъ этихъ „властей" разумѣетъ не членовъ какого-либо племени, а жителей городовъ и волостей. Так. обр. бытъ племенной постепенно переходитъ въ бытъ волостной. Это не подлежитъ сомнѣнію; но нужно рѣшить, изъ какихъ-же мелкихъ союзовъ состояли сперва племена, а затѣмъ волости? Какая связь скрѣпляла людей: родовая или общественная, территоріальная? Дерптскій профессоръ Эверсъ въ 1826 г. издалъ книгу „Das älteste Recht der Russen", въ которой впервые попробовалъ дать научный отвѣтъ на эти вопросы (его книга переведена и по русски).

Во 1-хъ онъ отмѣчаетъ у Славянъ фактъ <u>общаго</u> владѣнія при отсутствіи личной собственности, во 2-хъ въ лѣтописи постоянно упоминается о родѣ: „живяху <u>родомъ</u>", „воста <u>родъ</u> на <u>родъ</u>", Святославъ „имаше за убіенные глаголя: яко <u>родъ</u> его возьметъ;" и въ 3-хъ Русская правда умалчиваетъ о личной поземельной собственности. На основаніи этихъ данныхъ и создается теорія, по которой Славяне на первыхъ ступеняхъ жизни жили родомъ, составленнымъ по образцу римскаго, т. е. жили общиствами, построенными на родовыхъ началахъ, во главѣ рода стояла власть родовладыки — авторитетъ патріархальный. Со смертью родового патріарха родовая собственность не дѣлилась, и движимое и недвижимое имущество — все находилось во власти рода. <u>Родовой бытъ дѣйствительно исключалъ</u> возможность личнаго владѣнія. Теорія Эверса была принята нашею „школою родового быта". <u>Соловьевъ</u> и <u>Кавелинъ</u> развили ее и перенесли въ сферу политической исторіи.

Но когда родовая теорія легла въ основаніе всей нашей исторіи, она вызва= ла безпощаднаго критика въ лицѣ извѣстнаго славянофила К.С. Аксакова, выступившаго со статьею „О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности", и историковъ юристовъ Бѣляева и Лешкова. Они утверждаютъ, что слово „родъ" въ лѣтописи употребля= ется не какъ Римское „gens", оно имѣетъ нѣсколько значеній, т.к. иногда подъ нимъ подразумѣвается семья (въ сказаніи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ), иногда родъ (въ призваніи князей); стало быть народъ, а съ нимъ и лѣто= писецъ подъ этимъ словомъ понималъ различныя вещи. Общее-же владѣніе и отсутствіе личнаго землевладѣнія могутъ доказывать не родовыя фор= мы быта, а общинную организацію. Подъ ударами критики родовое ученіе потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой бытъ существовалъ лишь во времена глу= бокой древности, быть можетъ, во вре= мена доисторическія, а затѣмъ зам=

нился общиннымъ. Ученіе объ общинѣ было развито Аксаковымъ и Бѣляевымъ. По ихъ мнѣнію Славяне жили общиною, не на основаніи физіологическихъ, кровныхъ началъ, а на основаніи общаго сожительства на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ и единства хозяйственныхъ, матеріальныхъ интересовъ. Общины управлялись властью избранныхъ старшинъ, такъ называемымъ вѣчемъ. Мелкія общины или верви сливались въ волости, которыя были общинами уже политическими. Въ первоначальныхъ разсужденіяхъ объ общинѣ было много неопредѣленнаго. Гораздо удачнѣе, конкретнѣе поставилъ вопросъ о первоначальномъ бытѣ славянъ профессоръ Одесскаго (нынѣ Варшавскаго) университета Леонтовичъ (его поддерживалъ Бестужевъ-Рюминъ) Взгляды Леонтовича извѣстны подъ названіемъ теоріи задружно общиннаго быта. По этой теоріи родственныя славянскія семьи не принимали строгой родовой организаціи, но жили, не забывая своего физическаго родства, уже на началахъ территоріальныхъ, сосѣдственныхъ. Образцомъ подобнаго

рода общинъ была Сербская задруга. Въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ (Ефименко и др.) указано было на существованіе своеобразныхъ общинъ архаическаго склада и у русскихъ людей въ историческое уже время. Эти труды окончательно позволяютъ утверждать, что у Славянъ на первой стадіи исторической жизни существовалъ своеобразный общинный, а не кровный бытъ. Если-же славяне не знали исключительности кровнаго быта и слагались въ общины по интересамъ хозяйственнымъ, то очень легко объяснить себѣ, какъ и почему распался такъ скоро племенной бытъ и замѣнился волостнымъ. Города становились центрами для цѣлой области („волости"), кот. жила общимъ хозяйственнымъ интересомъ и смотрѣла на городъ, какъ на свое средоточіе. Такъ Новгородъ притянулъ къ себѣ часть Кривичей, Кіевъ притягивалъ не только Полянъ, но и Древлянъ, Черниговъ-Сѣверянъ и Вятичей. Так. обр. границы города и его волости не совпадали съ границами племенъ. Племенной бытъ сталъ разлагаться и, напротивъ, яснѣе становилось городское устройство, при которомъ

города, имѣя свое вѣче, посредствомъ его управляли и володѣли. Однако рядомъ съ вѣчемъ, независимо отъ призванія Варяжскихъ князей, въ различныхъ мѣстностяхъ Руси, мы видимъ существованіе княжеской власти. Въ Полоцкѣ былъ свой князь, у Древлянъ были князья, о которыхъ лѣтописецъ говоритъ, что они „добрѣ суть", Аскольдъ и Диръ были не чѣмъ инымъ, какъ такими мѣстными князьями, неизвѣстно откуда пришедшими. Олегъ уничтожилъ ихъ, но онъ-же требовалъ съ Грековъ дани не только на дружину свою, но и на города: „по тѣмъ-бо городамъ сѣдяху великіи князи, подъ Олгомъ суще". Трудно объяснить власть и происхожденіе этихъ князей, изъ которыхъ одни носятъ характеръ городскихъ охранителей, другіе - племенныхъ вождей. Несомнѣнно одно, что русскіе славяне на первыхъ порахъ составили рядъ мелкихъ политическихъ міровъ и управлялись двумя властями: властью городскихъ вѣчей и властью городскихъ и племенныхъ князей. На рубежѣ IX и X вѣковъ эти мелкіе міры были соединены въ одно политическое тѣло силами

и способностями Новгородскаго кня-
зя Олега.

Образованіе Кіевскаго Княжества

Вопросъ объ образованіи одного княже-
нія (Кіевскаго) приводитъ насъ къ вопросу
о Варягахъ-Руси, которымъ приписывается
водвореніе на Руси политическаго единства
и порядка.

Кто-же были эти Варяги-Русь, покорившіе
сперва Новгородъ, а затѣмъ и Кіевъ? Вопросъ
этотъ возникъ въ русской исторіографіи уже
давно, но изслѣдованія за 150 лѣтъ настолько
осложнили его, что и теперь разрѣшать
его нужно очень осторожно. Остановим-
ся прежде всего на двухъ мѣстахъ
лѣтописи, мѣстахъ важныхъ, которыя
въ сущности и породили Варяжскій
вопросъ: 1) Лѣтописецъ, перечисляя племена,
жившія по берегамъ балтійскаго моря,
говоритъ: „По сему-же морю Варяжско-
му (т.е. балтійскому) сѣдятъ Варяги",
а сосѣди ихъ: „Свеи, Урмане (Норвежцы),
Готъ, Русь, Англяне". Все это Скандинав-
скія племена и Варяги поставлены
среди нихъ; о славянахъ-же балтійскихъ
говорится въ другомъ мѣстѣ. 2) Далѣе, въ
разсказѣ лѣтописца о призваніи князей,
читаемъ: „Идоша за море къ

Варягамъ-Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи-Русь, яко се друзіе зовутся Свое, друзіи-же Англяне, Урмане, друзіи Готѣ, тако и си." Так. обр. по словамъ лѣтописи одни изъ Варяговъ назывались Русью, какъ другіе Англянами, Урманами и т.д.; лѣтописецъ очевидно думаетъ, что Варяго-Руссы есть Норманны. На основаніи этихъ и другихъ показаній лѣтописи стали искать болѣе точныхъ свѣдѣній и увидали, что Варяговъ зналъ не только нашъ лѣтописецъ, но и Греки. Слово Варягъ писалось съ юсомъ и стало быть произносилось, какъ „Варенгъ". Такое слово встрѣчается и у греческихъ писателей и служитъ совершенно опредѣленнымъ понятіемъ. У Грековъ подъ именемъ Βάραγγα (варанги) разумѣлись наемныя дружины сѣверныхъ людей, пришедшихъ съ острова Туле (въ Британіи) и служившихъ въ Византіи. Съ тѣмъ-же значеніемъ сѣверныхъ дружинъ, встрѣчается слово Waeringer, варанги, и у лѣтописца среднихъ вѣковъ и арабскіе писатели знаютъ варанговъ, какъ Норманновъ. Слѣдовательно „варанги" представляютъ собою нѣчто вполнѣ опредѣленное въ смыслѣ этнографическомъ:- сборную дружину норманскаго происхожденія. Въ послѣднее время

удалось, какъ кажется, опредѣлить точно и родину варяговъ, т. е. страну Варангію. Удалось это, главнымъ образомъ благодаря одному извѣстію, найденному и напечатанному профессоромъ Васильевскимъ въ его статьѣ: „Совѣты и отвѣты византійскаго боярина XI вѣка." Этотъ византійскій бояринъ, пересказывая извѣстную скандинавскую сагу о Гаральдѣ, прямо называетъ Гаральда сыномъ короля Варангіи, а извѣстно, что Гаральдъ былъ изъ Норвегіи. Такъ отождествляются Норвегія и Варангія, Норвежцы и Варяги. Этотъ выводъ очень важенъ въ томъ отношеніи, что раньше была тенденція толковать слово варяги, какъ техническое названіе бродячаго наемнаго войска (варягъ - врагъ - хищникъ - бродячій); на основаніи такого пониманія Соловьевъ нашелъ возможнымъ утверждать, что Варяги не представляли отдѣльнаго племени, а только сбродную дружину и не могли имѣть племенного вліянія на Славянъ.

Итакъ, варяги - норманны. Но этотъ выводъ еще не рѣшаетъ такъ наз. „варяжскаго" вопроса, потому что не говоритъ намъ, кто

называлась именемъ Русь. Лѣтописецъ отождествилъ варяговъ и Русь, теперь-же ученые ихъ различаютъ и для этого имѣютъ свои основанія. Иностранныхъ писателей Русь не смѣшивается съ варягами и дѣлается извѣстной раньше варяговъ. Древніе арабскіе писатели не разъ говорятъ о народѣ Русь и земли его помѣщаютъ у Чернаго моря, на побережьѣ котораго указываютъ и городъ Русію. Въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами помѣщаютъ Русь въ Черноморьи и нѣкоторые греческіе писатели (Константинъ Багрянородный и Зонара). Два греческихъ житія (Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго), разработанныя В. Г. Васильевскимъ удостовѣряютъ присутствіе народа Русь на Черномъ морѣ въ началѣ IX вѣка, стало быть раньше призванія Варяговъ въ Новгородѣ. И рядъ другихъ извѣстій свидѣтельствуетъ также о томъ, что варяги и Русь дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга и не тождественны. Естественно было-бы заключить отсюда, что имя Руси принадлежало не Варягамъ, а славянамъ и всегда обозначало тоже, что оно значило въ XII в., т. е. Кіевскую область съ ея населеніемъ. Но есть извѣстія, по

которымъ нельзя считать „Русь" славянскимъ племеннымъ названіемъ.

Первое изъ этихъ извѣстій — знаменитыя Бертинскія лѣтописи, составлявшіяся въ Карловой монархіи. Въ нихъ говорится, что въ 839 году цареградскій императоръ Феофилъ отправилъ пословъ къ Людовику Благочестивому, а съ ними людей: „Rhos vocari dicebant", т. е. людей, называвшихъ себя Россами, которыхъ посылалъ въ Византію ихъ царь, называемый Хаканомъ, (rex illorum Chacanus vocabulo") Людовикъ спросилъ у нихъ о цѣли ихъ прихода и они отвѣчали, что желаютъ вернуться къ себѣ на родину черезъ его, Людовика землю. Людовикъ заподозрилъ ихъ въ шпіонствѣ и сталъ разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежатъ къ Шведскому племени, (eos gentis esse Sueonum). Такимъ обр. въ 839 г. Россовъ относятъ къ Шведскому племени; поэтому въ тоже время какъ будто противорѣчитъ имя ихъ царя — „Chacanus" — Каканъ, вызвавшее много различныхъ толкованій. Подъ этимъ именемъ, одни разумѣютъ германское, скандинавское имя „Гаконъ", другіе-же прямо переводятъ это „Chacanus" словомъ „каганъ", разумѣя тутъ Хозарскаго хана,

который назывался титуломъ „каганъ". Во всякомъ случаѣ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей остается до сихъ поръ безъ теоріи.

Не лучше и слѣдующее извѣстіе:- Писатель X. вѣка Ліутпрандъ Кремонскій" говоритъ, „Греки зовутъ Russos тотъ народъ, кот. мы зовемъ Nordmannos - по мѣсту жительства (a positione loci);" и тутъ-же перечисляетъ народы: „Печенѣги, Хазары, Руссы, кот. мы зовемъ Норманнами". Очевидно тутъ авторъ окончательно запутался: вначалѣ онъ говоритъ, что Руссы - это норманны, потому что они живутъ на сѣверѣ, а вслѣдъ затѣмъ помѣщаетъ ихъ съ Печенѣгами и Хозарами на югѣ Россіи.

Такимъ образомъ, опредѣляя Варяговъ, какъ скандинавовъ, мы не можемъ опредѣлить Руси. По однимъ извѣстіямъ Руссы - тѣ-же скандинавы, по другимъ - Руссы живутъ у Черного, а не у Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ Хозарами и Печенѣгами. Самый надежный матеріалъ, для опредѣленія національности Руси - остатки ея языка, очень скуденъ. Но на немъ-то главнымъ образомъ и держится, такъ называемая, Норманская школа. Она указываетъ, что собственныя имена князей Руси -

норманскія: Рюрикъ (Hrærikr), Аскольдъ (Оскольдъ, Höskuldr), Труворъ (Труваръ, Торвардъ), Игорь (Инґваръ), Олегъ, Ольга (Helgi, Helga); у Константина Багрянороднаго наша Ольга называется Ἔλγα), Рогволодъ (Рагнвальдъ) — всѣ эти слова звучатъ по германски. Названія Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго приведены <u>по-русски</u> и <u>по славянски</u>; имена <u>русскія</u> звучатъ не по славянски и объясняются изъ германскихъ корней (Ессупи, Улборси, Геландри, Ейфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ). И напротивъ, тѣ имена, которыя Константинъ Багрянородный называетъ славянскими, дѣйствительно славянскія (Островунипрахъ, Неясить, Вулнипрахъ, Верутзи, Напрези). Въ послѣднее время нѣкоторые представители норманской школы, настаивая на различіи Руси и славянъ, ищутъ Руси не на скандинавскомъ сѣверѣ, а въ остаткахъ тѣхъ германскихъ племенъ, кот. жили въ первые вѣка нашей эры у Чернаго моря; такъ профессоръ Будиловичъ находитъ возможнымъ настаивать на готскомъ происхожденіи Руси, самое слово Русь или Росъ производя отъ названія готскаго племени Hroth (причино

статья „Рос." 3) Цѣнныя изслѣдованія Васильевскаго давно идутъ въ томъ-же направленіи и отъ нихъ можно ждать большихъ результатовъ.

Въ такомъ состояніи находится нынѣ Варяго-русскій вопросъ. (Доступнѣйшее его изложеніе въ трудѣ датскаго ученаго Вильгельма Томсена, русскій переводъ котораго: „Начало русскаго государства" изданъ въ „Чтеніи Московскаго Общества Ист. и Древн." за 1891г., книга I и отдѣльною книгою.) Наиболѣе авторитетныя силы нашей научной среды всѣ держатся воззрѣній той Норманской школы, кот. основана еще въ XVIII вѣкѣ Байеромъ и совершенствовалась въ трудахъ позднѣйшихъ ученыхъ (Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевскаго). Рядомъ съ ученіемъ господствующимъ давно существовали и другія, изъ кот. большую пользу для дѣла принесла такъ называемая Славянская школа. Представители ея (начиная съ Ломоносова, продолжая Венелинымъ и Морошкинымъ, далѣе Гедеоновымъ и наконецъ Иловайскимъ) пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая всѣ доводы школы

Норманской, эта Славянская школа заставила не разъ пересматривать вопросъ и привлекать къ дѣлу новые матеріалы. Книга Гедеонова „Варяги и Русь" (два тома СПб. 1876 г.) заставила многихъ норманнистовъ отказаться отъ смѣшенія Варяговъ и Руси и тѣмъ самымъ сослужила большую службу дѣлу. Что касается до иныхъ точекъ зрѣнія на разбираемый вопросъ, то о нихъ можно упомянуть лишь для полноты обзора: Костомаровъ одно время настаивалъ на Литовскомъ происхожденіи Руси, Щегловъ — на происхожденіи Финнскомъ.

Знать положеніе варяго-русскаго вопроса для насъ важно въ одномъ отношеніи. Даже не рѣшая вопроса, къ какому племени принадлежатъ первые князья русскіе съ ихъ дружиною, мы должны признать, что частныя извѣстія лѣтописи о Варягахъ на Руси указываютъ на сожительство Славянъ съ людьми чуждыхъ и именно германскихъ племенъ. Каковы-же были отношенія между ними и сильно-ли было вліяніе Варяговъ на жизнь нашихъ предковъ? Вопросъ этотъ

не разъ поднимался и въ настоящее вре-
мя можетъ считаться рѣшеннымъ въ
томъ смыслѣ, что Варяги прошли
безъ воздѣйствія на основныя формы
общественнаго быта нашихъ предковъ
– славянъ. Водвореніе Варяжскихъ
князей въ Новгородѣ, а затѣмъ въ
Кіевѣ не принесло съ собою ощутитель-
наго чуждаго вліянія на жизнь
славянъ и сами пришельцы князья
и ихъ[4] дружины подверглись[2] быстрой[3]
славянизаціи на Руси.

Итакъ вопросъ о началѣ государства на
Руси, связанный съ вопросомъ о появ-
леніи чуждыхъ князей, вызвалъ рядъ
изысканій, не позволяющихъ вполнѣ
вѣрить той лѣтописной легендѣ, кото-
рая повѣствуетъ о пришествіи въ
Новгородъ Варяга-Рюрика съ родомъ
своимъ по имени Русь. Если съ
другой стороны въ Новгородѣ и
осѣлъ посторонній славянамъ князь,
то это былъ одинъ изъ многихъ
мѣстныхъ князей и не съ него слѣдуетъ
исторію политической власти, под-

чинившей себѣ всю землю русскихъ славянъ.

Мы уже видѣли, что племенной бытъ славянъ постепенно переходитъ въ бытъ волостной: городъ дѣлался центромъ для окружающихъ его общинъ, пріобрѣталъ вліяніе и власть надъ ними. Городскія вѣча и ихъ старѣйшины („старцы градскіе") были первою политическою властью у славянъ и рядомъ съ нею существовала по мѣстамъ (въ городахъ и у племенъ) власть князей, имѣвшихъ значеніе только въ одномъ городѣ, у одного племени. Такъ возникло много маленькихъ политическихъ міровъ, которые въ IX вѣкѣ были частью подчинены чуждой власти: славяне южные платили дань хозарамъ, а сѣверные были завоеваны Варягами бравшими съ Новгорода дань. Если вѣрить лѣтописи, Новгородъ раньше свергъ чужую власть и создалъ своего въ лицѣ добровольно принятыхъ князей изъ тѣхъ-же Варяговъ. А затѣмъ новгородскіе князья осво=

бодили отъ хазаръ и южную Русь, объединивъ славянъ подъ своею властью. Такъ создалось у русскихъ славянъ одно государство съ центромъ въ Кіевѣ.

Что образованіе единаго кіевскаго княжества произошло именно такъ, доказывается слѣдующею подробностью похода Олега, Новгородскаго князя на Кіевъ. Олегъ, отправляясь изъ Новгорода, занимаетъ Смоленскъ и только; но со Смоленскомъ подчинились ему и всѣ Кривичи, которые тянули къ этому городу. Слѣдовательно городъ въ данномъ случаѣ увлекъ съ собою и часть племени. Далѣе, завладѣвъ Кіевомъ, Олегъ этимъ самымъ подчинилъ себѣ часть Полянъ и Древлянъ. Очевидно отсюда, что племенной бытъ измѣнялся въ бытъ городской раньше чѣмъ въ Кіевѣ появились князья. Изучая этотъ городской бытъ, бывшій первой стадіей политической жизни нашихъ предковъ, мы подмѣчаемъ въ немъ

признаки власти опредѣленной: мы видимъ въ городахъ какихъ-то старѣйшинъ. Это, какъ называетъ лѣтописъ, „старцы градскіе," происхожденіе и власть которыхъ до сихъ поръ толкуется различно: и теперь еще не выяснено, представляютъ-ли они выборную власть, созданную общиной или-же, вообще, людей высшаго общественнаго класса. Школа родового быта этихъ старцевъ градскихъ понимала какъ родовладыкъ, въ силу своего старѣйшинства физическаго, пользовавшихся властью. Нѣкоторые историки-юристы въ старцахъ видѣли земскихъ бояръ, т. е. городскую знать, высокое положеніе которой основывалось на ея крупномъ землевладѣніи (Владимірскій-Буданов). Профессоръ Ключевскій этихъ старцевъ понималъ, какъ крупнѣйшихъ представителей торгово-промышленнаго класса, державшихъ въ своихъ рукахъ главный капиталъ страны; это такъ называемая торговая аристократія. Какъ ни понимать

происхожденіе этихъ старцевъ, ясно одно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высшимъ классомъ до-княжескаго общества.

Рядомъ со старѣйшинами, въ городахъ древней Руси, стоитъ вѣче, т.е. собраніе полноправныхъ гражданъ города домохозяевъ, главъ семей (не выдѣленные сыновья на вѣче ходить, кажется, не могли). Желая пояснить функціи вѣчевыхъ собраній, лѣтописецъ говоритъ, что горожане „сходятся на вѣче, какъ на думу и на чемъ порѣшатъ старшіе города, на томъ и пригороды станутъ". Это подтверждаетъ отчасти мнѣніе, что вѣче имѣло не только хозяйственно-экономическое значеніе - для своего города, но и политическое - для всей волости. Иногда политическія функціи вѣче раздѣляло съ князьями, появившимися въ городахъ. Такими мѣстными князьями были Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ, Рогволодъ въ Полоцкѣ, Малъ у Древлянъ.

Такъ обнаруживается съ большою ясностью первая стадія политическаго быта славянъ, которую застала при своемъ

появленіи норманская династія Рюрика, давшая начало второй стадіи — княженію Кіевскому.
Происхожденіе этой династіи въ общихъ чертахъ таково: Въ VIII – IX вв. весь сѣверъ Европы дѣлается ареною норманскихъ военныхъ шаекъ, кот. подъ предводительствомъ „витязей" и „князей" нападали на туземцевъ и организовали свои государства. Нападая на берега Западной Европы, они появляются и на великомъ водномъ „пути изъ Варягъ въ Греки" и оседаютъ въ сѣверныхъ славянскихъ городахъ. Эти князья и витязи представляютъ изъ себя на первыхъ порахъ вооруженныхъ искателей приключеній, охраняющихъ за извѣстную плату города и волостныя границы. (Такой характеръ ихъ дѣятельности изслѣдователями былъ замѣченъ давно, еще Шлецеромъ) Одинъ изъ этихъ князей, наиболѣе сильный, не ограничился владѣніемъ одной своей волости, а сталъ покорять себѣ другія и мало по малу соединилъ подъ своею властью всѣ восточныя славянскія племена, такимъ образомъ и составилось Кіевское княжество, постепенно и не изъ одного города, но изъ всѣхъ

городовъ, лежащихъ на Днѣпру. Такова была вторая форма политической жизни древней Россіи.

Посмотримъ, что разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ. Лѣтописецъ передаетъ намъ, что первоначально славяне были въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ и вотъ, наскучивъ постоянными внутренними раздорами и неурядицами, они отправили къ Варягамъ (къ Варяжскому племени — Русь) пословъ съ знаменитой фразой: „Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжити и володѣть нами." И пришли три брата: „съ родъ своими, пояша по собѣ всю Русь", т. е. три брата со всѣмъ племенемъ Русь переселились къ Славянамъ. Старшій изъ нихъ Рюрикъ срубилъ себѣ городъ Ладогу и т. д. (Разбирая эту легенду, историки напали на чрезвычайно сходное съ нею сказаніе англійскаго лѣтописца — Видукинда; что Бритты отправили къ Англо-Саксамъ своихъ пословъ почти съ тѣми-же словами: „Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam." Вотъ почему сложился взглядъ, понимающій это преданіе лѣтописи, какъ эпическій, а не историческій разсказъ.

Когда умеръ Рюрикъ, власть перешла въ руки чрезвычайно энергичнаго и талантливаго князя-Олега. Олегъ недолго пробылъ на сѣверѣ, онъ спустился по великому водному пути, покорилъ всѣ племена, на немъ жившія, и успѣлъ счастливо, безъ особенныхъ усилій, завладѣть Кіевомъ, а владѣніе Кіевомъ было чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что Кіевскій князь держалъ въ своихъ рукахъ главный узелъ торговыхъ сношеній съ Греками. Такъ образовалось Кіевское княжество, объединившее политически большую часть племенъ Русскихъ славянъ.

Замѣчанія о первыхъ временахъ Кіевскаго княжества.

Обратимся къ изученію исторіи Кіевскаго княжества.

Образованіе государствъ можетъ совершаться различно. Можетъ быть такъ, что извѣстное общество складывается естественно:- подъ вліяніемъ мирной дѣятельности, земледѣльческихъ занятій постепенно обозначаются тѣ или другія границы занятой племенемъ территоріи,

слагаются опредѣленныя общественныя связи и затѣмъ въ обществѣ выдѣляется правящій классъ, — господствующій обыкновенно въ силу знатности происхожденія или своего экономическаго преобладанія. Всеобщая исторія показываетъ намъ такимъ образомъ развивавшееся Кельтическое общество, въ которомъ создался рядъ вполнѣ опредѣленныхъ отношеній экономическаго характера и въ силу этихъ отношеній во главѣ общества, какъ его вожаки, стали лица, имѣющія большее количество земли и рабочаго скота. Это и была аристократія, господствующій классъ, кот. мало по малу пріобрѣлъ полное преобладаніе. Таковъ былъ ростъ общества, совершавшійся въ силу кровныхъ и экономическихъ связей. Но бываетъ и иначе. Извѣстное общество уже сложилось, въ немъ образовалась или образуется и политическая власть; но вдругъ появляется непріятель, захватываетъ въ свои руки путемъ открытаго насилія политическое преобладаніе и власть и, вмѣстѣ съ этимъ, перерабатываетъ и всѣ прежнія общественныя отношенія. Такъ было въ Западной Римской импе=

рiи, когда въ нее вторглись Германцы, заняли первое мѣсто въ старомъ обществѣ и захватили себѣ земли. Экономическiй порядокъ, кот. существовалъ здѣсь раньше, перестроился къ выгодамъ господствующаго политическаго класса.

Который-же изъ этихъ порядковъ имѣлъ мѣсто въ Кiевѣ? Мы видимъ, что племенной бытъ Славянъ естественно измѣнялся въ волостной и въ этомъ, уже сложившемся организмѣ общественной жизни, возникла власть варяжскихъ князей. Чрезвычайно важно опредѣлить: отразилось-ли влiянiе этихъ князей съ ихъ дружинами на общественныхъ отношенiяхъ Славянъ или нѣтъ? Судя по историческимъ даннымъ, мы скорѣе можемъ сказать — нѣтъ. Влiянiе Варяговъ было крайне ничтожно; они не нарушали общаго порядка прежней общественной жизни. Но въ такомъ случаѣ невольно возникаетъ вопросъ: какую-же роль играли князья, въ чемъ заключалась ихъ дѣятельность и какова была ихъ власть? Власть ихъ была настолько неопредѣленна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить

въ горькія формулы. Вообще говоря, теорія государственнаго права различаетъ три главныхъ вида политической власти. Первый вырастаетъ на основаніи кровныхъ связей слѣдующимъ путемъ: постепенно развивается аристократическій (господствующій) родъ и его родовладыка признается родоначальникомъ и вмѣстѣ политическою властью всего племени. Такой власти присвоено названіе власти патріархальной, она является у народовъ кочевыхъ и полу-кочевыхъ. Второй видъ есть такъ наз. вотчинная или патримоніальная власть: извѣстное лицо считаетъ своею собственностью всю территорію племени, а въ силу этого и людей, живущихъ на территоріи признаетъ подвластными себѣ. Такой типъ власти наблюдается у насъ въ удѣльный періодъ XIII, XIV и XV вв. въ очень чистой формѣ. Третій видъ власти возникаетъ уже не на кровныхъ родовыхъ началахъ и не на территоріальной основѣ, а на основаніи болѣе сложномъ. Современная намъ политическая власть возникаетъ на почвѣ національнаго самосознанія, когда племя, сознавая

свое единство племенное и вѣроисповѣдное, сознаетъ и свое историческое прошлое, обращается въ націю съ національнымъ самосознаніемъ. И такой моментъ былъ въ исторіи Руси впервые въ XVI вѣкѣ. Что-же касается до власти варяжскихъ князей, то она въ сущности не подходитъ ни къ одному изъ указанныхъ типовъ: — во 1хъ варяжскіе князья не могли у насъ господствовать въ силу кровнаго начала, а во 2хъ они не считали землю своею собственностью и въ 3хъ самое понятіе земли русской впервые слагается на глазахъ исторіи въ устахъ прежде всего князя Святослава, кот. говорилъ своимъ воинамъ: „не посрамимъ земли русской!" Кіевскіе князья въ сущности представляютъ собою защитниковъ страны, кот. за извѣстную плату охраняютъ общество отъ непріятеля. Читая скудныя свидѣтельства лѣтописи, мы видимъ, что главная дѣятельность князей заключалась въ томъ, что: 1) они устанавливаютъ внѣшній порядокъ въ странѣ, 2) „рубятъ" города, сажаютъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ и 3) собираютъ съ населенія дань. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ: или

покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ на княжескій дворъ, – это такъ наз. „повозъ“; или-же князь самъ съ дружиной отправлялся за нею, – это такъ наз. „полюдье.“ Константинъ Багрянородный сообщаетъ объ этомъ слѣдующія интересныя подробности: Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ только устанавливался зимній путь, Кіевскіе князья отправлялись на „полюдье“ по всѣмъ своимъ волостямъ; собирали они дань большею частью натурою, тут-же чиня судъ и расправу. Въ этомъ блужданіи проходила цѣлая зима и лишь въ Апрѣлѣ, когда вскроется Днѣпръ, князья возвращались въ Кіевъ, а за ними везли дань, кот. тотчасъ-же перегружали на ладьи, а затѣмъ отправляли въ Константинополь для продажи. Во время такихъ путешествій князья основывали города на окраинахъ земли или устраивали опредѣленные административные центры. О томъ, какъ Ольга собирала дань, лѣтописецъ говоритъ: „Въ лѣто 6455 иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дани.“ Игорь, какъ намъ извѣстно, погибъ во время сбора дани. Князья

управлялъ совершенно примитивными средствами, земли дробились на волости, и въ каждой волости сидѣлъ намѣстникъ, — „княжій мужъ", власть котораго была приблизительно такая-же, какъ власть князя; они тоже собирали дань и иногда даже успѣшнѣе князей, по крайней мѣрѣ дружина Игорева говоритъ: „отроци (т. е. дружина) Свѣнелъ жи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази" (Свѣнельдъ - одинъ изъ дружинниковъ Игоря).

Вотъ первая функція кіевскихъ князей; (въ этотъ періодъ дѣятельность князей) опредѣляется улучшеніемъ городской администраціи, судомъ и собираніемъ дани. Но кромѣ того князья обязаны были охранять границы своей земли и торговые пути. Въ то время, какъ нарождалось Кіевское княжество, внѣшніе враги съ Востока не могли тревожить Руси. Племена Хозаръ выдерживали свою послѣднюю предсмертную борьбу съ Печенѣгами и Уграми и закрывали отъ нихъ Русь. Но Печенѣги мало по малу сломили силу Хозаръ, а затѣмъ пробрались въ южныя степи, въ Поднѣпровье. Противъ нихъ Кіевскіе князья и принимали рядъ мѣръ: прежде всего граница Руси со стороны южной степи была правильно укрѣплена. Одинъ изъ

западныхъ миссіонеровъ, монахъ Бруно, бывшій въ Кіевѣ въ 1007 году, даетъ ея описаніе: она представляется ему крѣпкимъ частоколомъ съ воротами. Русскій князь (Владиміръ) самъ проводилъ этого миссіонера до воротъ и сказалъ ему, что тутъ кончается его земля. Третья, и нужно сказать, очень сложная задача князей заключалась въ покровительствѣ торговлѣ. Русь въ VIII–IX вв. торговала съ Востокомъ, преимущественно съ Арабами, но когда появляются Печенѣги, эти сношенія прекращаются и у Руси остается одинъ торговый путь — съ Византіей — черезъ Днѣпровскіе пороги Чернымъ моремъ до Босфора. Но путь этотъ былъ крайне опасенъ: Печенѣги, сидѣвшіе на низовьи Днѣпра, грабили русскіе караваны и противъ нихъ-то и направлялись силы князей. Обыкновенно съ княжескими караванами шли и частные; ихъ сопровождала дружина, кот. въ опасныхъ мѣстахъ высаживалась и прогоняла Печенѣговъ, стороживших богатую добычу; затѣмъ караваны благополучно достигали Византіи. Провожать караваны изъ Кіева въ Византію и обратно было прямою обязанностью князя. Изъ договоровъ Кіевскихъ князей съ Греками, дошедшихъ до насъ, мы можемъ заключить,

во первыхъ, что торговыя отношенія русскихъ и Византіи были уже весьма развиты и хорошо регламентированы и во вторыхъ, что отношенія къ Византіи были не всегда мирны: до XII-го в. мы насчитываемъ походовъ шесть семь: Аскольда и Дира, Олега и послѣдующихъ князей; походы эти заканчивались мирными договорами и всѣ эти договоры носятъ торговый характеръ. (Во время ~~этихъ~~ подобныхъ походовъ Греки знакомились съ русскими людьми и, нужно замѣтить, строго различали Славянъ отъ Руси).
Вотъ все, что мы можемъ сказать несомнѣннаго о характерѣ дѣятельности и власти первыхъ русскихъ князей. Историческое значеніе ихъ дѣятельности не трудно уловить. Будучи первою общею властью среди многихъ разрозненныхъ раньше міровъ, Варяжскіе князья съ ихъ дружинами были первыми представителями племенного единства. Передвигаясь изъ мѣста въ мѣсто по русской землѣ, соединяя племена и города въ общихъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, князья создавали этимъ почву для національнаго объединенія и національнаго самосознанія. Сплотивъ государство внѣшнимъ образомъ,

они создавали и возможность внутрен-
няго сплоченія.

Другимъ и болѣе могучимъ факторомъ объе-
диненія послужило христіанство, первыми
представителями котораго у Славянъ
были, кажется, тѣже Варяги. Варяги,
какъ кажется, очень легко забывали свои
божества подъ вліяніемъ и христіанства
и славянскихъ языческихъ представленій.
Въ X вѣкѣ среди русскихъ Славянъ - и до
Владиміра Св. христіанство уже было
замѣтно распространено. Крестилась кня-
гиня Ольга, среди Игоревой дружины
было много христіанъ, какъ это видно
изъ договора съ Греками, до формальнаго
крещенія Руси въ Кіевѣ уже есть „соборная"
церковь Св. Иліи. Христіанство проникло къ
Славянамъ одновременно съ Варягами, но
окончательно восторжествовало при Вла-
диміръ. Разсказъ лѣтописи о крещеніи Руси
передаетъ дѣло такимъ образ.: къ великому
князю Владиміру, узнавъ, что онъ хочетъ
мѣнять свою вѣру, приходили послы отъ
разныхъ народовъ, Нѣмцевъ, Хазарскихъ
евреевъ, Болгаръ и каждый хвалилъ свою
вѣру, но ни одна изъ нихъ не понравилась
Владиміру. Наконецъ пришли Греки и,

изложивъ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, показали ему картину страшнаго суда. Подъ вліяніемъ этой картины Владиміръ посовѣтовавшись съ дружиной и старцами градскими, отправляетъ пословъ въ тѣ государства, откуда приходили къ нему проповѣдники. Послы, вернувшись, восхваляли греческую вѣру; они говорили, что „всякъ-бо человѣкъ, аще вкуситъ сладка, послѣди горести не пріимаетъ", такъ и они видѣвши греческое богослуженіе, не хотятъ опять вернуться къ язычеству. Послѣ этого Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, осадилъ городъ и тамъ принялъ христіанство, женившись на греческой царевнѣ Аннѣ. Есть данныя, что разсказъ этотъ былъ составленъ въ началѣ XII вѣка, въ эпоху существованія Іерусалимскаго королевства. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, какъ оно слагалось въ умахъ русскаго народа черезъ столѣтіе послѣ факта крещенія Руси. Любопытно то явленіе, что объ этомъ фактѣ крещенія сказанія иностранцевъ не даютъ намъ ничего точнаго. Крещеніе Руси прошло незамѣченнымъ даже въ Византіи; а любопытнѣйшія показанія араба Бенъ-Яхъи о походахъ

Владиміра и крещенія еще недостаточно разобраны и истолкованы.

Достовѣрно, однако, то, что христіанство въ концѣ X в. становится на Руси господствующей религіей и оказываетъ громадное вліяніе на общество, даже и на тѣ стороны его жизни, которыя, повидимому, имѣютъ мало общаго съ религіознымъ міровоззрѣніемъ народа.

Для того, чтобы уяснить себѣ, до какой степени отразилось уничтоженіе язычества на всей внутренней жизни нашихъ предковъ, нужно бросить общій взглядъ на культурное состояніе тогдашняго Кіевскаго княжества. Кіевское княжество не представляло собой одной сплотившейся національности съ однообразнымъ уровнемъ культуры. Напротивъ того, бытъ населенія былъ крайне разнообразенъ: въ то время, какъ племена Древлянъ и Вятичей пребываютъ въ примитивной формѣ племенного, „звѣринскаго" быта, племена, селящіяся по Днѣпру (къ низовью), потеряли племенную, кровную связь и пріобрѣли связь экономическую, основанную на единствѣ матеріальныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали и замѣтные культурные успѣхи. При неравномѣрномъ развитіи культуры и общественный строй не принималъ

однообразныхъ, определенныхъ формъ.
О первоначальномъ составѣ Кіевскаго общества, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Судя по лѣтописи и другимъ историческимъ памятникамъ, около князей стоятъ въ качествѣ сотрудниковъ и совѣтниковъ „княжіе мужи" – это дружина, съ помощью кот. князь правилъ страной и собиралъ дань. Дружина представляетъ собою высшій, привилегированный классъ общества. Но въ Кіевскомъ обществѣ есть и еще привилегированныя лица, стоящія независимо отъ князя, это – „старцы градскіе". Что старцы градскіе представляютъ собою высшій классъ, мы уже видѣли, но мы видѣли, что нельзя опредѣлить на какой почвѣ онъ выросъ. Мы не знаемъ, есть-ли это крупные землевладѣльцы, или торговые капиталисты, или племенные старшины – родовладыки, или выборныя градскія власти, кот. не въ силу своего имущественнаго преобладанія, а по выбору общинъ занимаютъ выдающееся положеніе въ странѣ. Послѣдняя полемика относительно старцевъ градскихъ развилась въ 80^хъ^ годахъ нашего столѣтія между крупными авторитетами: В.О. Ключевскимъ и М. Ѳ. Владимірскимъ-Бу=

<u>дановымъ</u>. Ключевскій полагаетъ, что весь строй Кіевской Руси обусловливался торговлей, кот. русскіе вели сперва съ Востокомъ, потомъ съ Византіей, и что градскіе старцы представляли собою людей, черезъ руки кот. проходятъ всѣ торговые обороты, иначе говоря, крупнѣйшихъ капиталистовъ страны. Владимірскій-Будановъ смотритъ на „старцевъ", какъ на богатыхъ землевладѣльцевъ, которые именно потому и богаче другихъ, что на ихъ землѣ кормится масса народа - они представляютъ собою высшее общество. Нельзя съ увѣренностью сказать, кот. изъ этихъ двухъ мнѣній правильнѣе; пока несомнѣнно только то, что тѣ старцы, съ кот. совѣтуется Владиміръ - земская аристократія, положеніе котор. совершенно не зависитъ отъ князей.
Около князей мы видимъ еще и младшую дружину - отроковъ, гридей. Дружина старшая и младшая представляла собою первый, такъ сказать, привилегированный классъ. Но кромѣ того въ составъ Кіевскаго общества входили еще „<u>люди</u>" - а) горожане (люди градскіе) и б) сельчане (смерды) - это свободное сословіе и, наконецъ, третій классъ - рабы (холопы). Эти общественныя группы, 1) высшій классъ, 2) свободныхъ

людей и 3) рабовъ, мы находимъ у всѣхъ народовъ Арійскаго племени, даже во времена глубокой древности, слѣдовательно, судя по своей простой группировкѣ, Кіевское общество стоитъ не на высокой степени развитія. Также мало развита была и ихъ религія. Религія Славянъ въ общихъ чертахъ была такова: Славяне имѣли двѣ категоріи божествъ: первые олицетворяли собою природу, вторые — душу предковъ. У Славянъ они несомнѣнно существовали одновременно. Имена общественныхъ Хорса, Дажбь-бога и Стрибога встрѣчаются въ преданіяхъ Руси даже до XII вѣка. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ" еще вѣритъ „великому Хорсови", вѣтры зоветъ „Стрибожи внуци", а людей — „Даждьбожими внуками". Гораздо менѣе извѣстны боги другой категоріи — покровители родовыхъ союзовъ — Родъ, Рожаница, Домовой и Щуръ. Внѣшній культъ выражался въ жертвоприношеніяхъ, для кот. не было, кажется, опредѣленныхъ мѣстъ и приносилъ жертвы, кто хотѣлъ, вѣроятнѣе всего — родовладыки за свой родъ. Жрецовъ, какъ сословія, не было, а это первый признакъ недостаточно развитаго культа религіознаго. Перечитывая страницы лѣтописи, мы встрѣчаемъ постоян=

ныя указанія на эту неразвитость; напр., лишь въ X в. Владиміръ ставитъ идоловъ въ Кіевѣ, а до того лѣтописецъ молчитъ объ нихъ, слѣдов., внѣшнюю форму религія Славянъ стала принимать не помимо Исторіи. При такой неоформленности общественнаго быта и невыработанности религіознаго сознанія, христіанству легко было вліять на умы молодого племени. Ученіе Христа встрѣчалось на Руси съ нетвердымъ языческимъ міросозерцаніемъ, а православная іерархія столкнулась съ общественнымъ порядкомъ, еще мало устойчивымъ. Если мы примемъ во вниманіе, что русская среда и до Владиміра была знакома съ христіанствомъ въ Византіи и у себя дома, если мы будемъ помнить, что христіанское вѣроученіе принесено было на Русь на языкѣ славянскомъ, то мы объяснимъ себѣ фактъ быстрыхъ успѣховъ новой вѣры въ Кіевской Руси и поймемъ, почему новая вѣра глубже повліяла на бытъ нашихъ предковъ. Это вліяніе не ограничилось тѣмъ, что раскрыло языческому міру блага христіанской морали и, установивъ церковь, дало нашимъ предкамъ возможность достигать душевнаго совершенствованія въ церковномъ обществѣ. Новая религія вліяла и на граждан=

скій бытъ Славянъ, и на ихъ государственныя представленія; она создала на Руси возможность высокой культуры; она была могучимъ средствомъ и для пробужденія національнаго сознанія. Нравственное вліяніе христіанской церкви, проводниками котораго были какъ іерархія со своею проповѣдью и дѣятельностью, такъ и первые подвижники, сплоченные въ монашескія общины, касалось не только отдѣльныхъ лицъ и индивидуальной нравственности, но и всего общества и міровоззрѣнія общаго. Съ первыхъ-же своихъ шаговъ на Руси, христіанство столкнулось съ крупными общественными явленіями такихъ свойствъ, которыхъ оно не могло терпѣть въ силу своего нравственнаго ученія. И вмѣстѣ съ тѣмъ борьба съ этими явленіями была трудна уже потому, что касалась существеннѣйшихъ сторонъ этическаго быта. Таково было, напр., рабство, развитое въ древней до-христіанской Руси и количественно, и качественно. Древне-русскій рабъ соотвѣтствовалъ рабу древне-римскому, кот. опредѣлялся какъ (вещь) = res и instrumentum vocale (говорящее орудіе). Искоренить сразу рабство было невозможно, а церковь съ нимъ мириться не могла при его грубыхъ и тяжелыхъ формахъ. Представители церкви на Руси высказывались

противъ рабства, а между тѣмъ новые христіа-
не изъ усердія къ церкви приносили ей въ даръ
цѣлыя села съ рабами. Отказаться отъ дара
церковь не могла, но сдѣлаться рабовладѣтельницей
она также не могла; на церковной землѣ
поэтому положеніе рабовъ очень измѣнялось:-
-они подчинялись инымъ законамъ и получа-
ли иныя права. Церковь обращала рабовъ
въ вѣчныхъ арендаторовъ земли дома Божія;
рабъ становился условнымъ землевладѣль-
цемъ и изъ рабочаго животнаго превращался
въ человѣка, пользующагося нѣкоторою сво-
бодою. И эта перемѣна въ положеніи рабовъ
на церковной землѣ вела къ перемѣнѣ ихъ
и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Былъ и еще одинъ
разрядъ людей въ Кіевской Руси, которыхъ
церковь принимала подъ свое покровитель-
ство: въ обществѣ въ то время существовалъ
обычай, по которому человѣкъ, терявшій связь
съ своимъ прежнимъ, терялъ положеніе и выхо-
дывался изъ своего общественнаго союза. Это
-<u>изгой</u>; слово это, происходящее отъ старой фор-
мы глагола жить - <u>гоити</u>, въ буквальномъ
смыслѣ означаетъ „изжитый", поставленный
внѣ житейскихъ условій человѣкъ. Въ одномъ древнемъ
законодательномъ памятникѣ дается такое
опредѣленіе изгоямъ: „Изгои трои: - поповъ сынъ

грамоту не умеетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ задолжаетъ; а се четвертое изгойство о себе приложимъ: аще князь осиротеетъ". По древнему обычаю все эти люди переставали быть тѣмъ, чѣмъ были прежде, теряютъ права прежняго состоянія и ставятся какъ бы внѣ защиты закона. Но не такъ думала церковь, передъ нею все были равны, все одинаково могли разсчитывать на ея покровительство; и поповъ безграмотный сынъ, и выкупившійся холопъ, и задолжавшій купецъ, какъ и осиротѣлый князь становились подъ покровительство и защиту церкви въ рядъ съ „людьми церковными". Вотъ доказательство того, сколько новаго, чисто реальнаго новаго вносила въ русскую жизнь церковь.

Но она не ограничилась этимъ случайнымъ вліяніемъ на общественный бытъ. Въ Византіи и на Руси она имѣла право суда въ семейныхъ дѣлахъ и другихъ. Сфера ея права и ея законы были изложены въ законодательномъ сборникѣ, называвшемся: „<u>Номоканонъ</u>". Болгары, принявшіе христіанство раньше русскихъ, перевели его на свой языкъ; оттуда „Номоканонъ" перешелъ на Русь въ нѣсколькихъ редакціяхъ (подъ названіемъ

„Кормчей книги"), въ которыхъ излагался рядъ законодательныхъ постановленій; не только церковно административнаго, но и судебнаго характера. „Кормчая" стала такимъ образ. на Руси новымъ закономъ, съ которымъ въ русскую жизнь вторгаются новые элементы: церковный канонъ и римское право. Но при этомъ церковь принимала во вниманіе и русскіе нравы и обычаи, такъ какъ дѣятельность свою она развивала въ странѣ русской. Руководясь, въ дѣлѣ суда и управленія своего, русскимъ правомъ, церковная іерархія обрабатывала его и вліяла на его измѣненіе, какъ объ этомъ дошли до насъ свидѣтельства еще отъ времени Владиміра Святого. Вотъ цѣлый рядъ тѣхъ юридическихъ послѣдствій, кот. влекло за собою для Руси принятіе христіанства.

Но этими явленіями въ сферѣ общественной не ограничилось вліяніе новой церкви на Руси. И политическій порядокъ, существовавшій на Руси, не оставленъ былъ безъ вниманія со стороны церковной среды, принесшей съ собою на Русь византійскія понятія о государствѣ. Церковное подчиненіе Кіевскаго митрополита Константинопольскому патріарху было фактомъ обще-признаннымъ, а въ связи съ этимъ подчиненіемъ церковнымъ брошена была на русскую

почву и идея о вселенскомъ подчиненіи русскихъ Византіи. Правда, тѣ немногіе факты, которые свидѣтельствуютъ о существованіи какихъ-то обязательныхъ отношеній между Кіевскими князьями и Византійскимъ императоромъ, не даютъ права говорить о правильной политической зависимости Руси отъ Константинополя. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ идеѣ Византійскій императоръ представлялся русскимъ людямъ, какъ верховный повелитель всего православнаго міра. Въ Кіевскую эпоху эта мысль о политическомъ единствѣ не получила никакого практическаго примѣненія, но въ эпоху болѣе позднюю мы встрѣтимся съ фактомъ ея господства надъ умами. Большимъ сравнительно значеніемъ пользовалась другая идея, взятая русскими книжниками изъ Византіи, это — идея о божественномъ происхожденіи власти. Князья, съ точки зрѣнія этой идеи, были лицами, въ своей власти независимыми отъ народныхъ массъ; а при такомъ взглядѣ на дѣло власть князей должна была считаться болѣе высокой и полномочной. Новая идея направлялась такимъ образомъ въ пользу князей, усиливала ихъ авторитетъ, но въ то-же время она требовала отъ нихъ и болѣе серьезнаго отношенія къ власти: князь, какъ

слуга Божій, не долженъ быть руководиться иными цѣлями, кромѣ достиженія общаго блага. Указанные примѣры достаточны для того, чтобы видѣть, какого рода политическія представленія сообщались русскимъ людямъ и насколько они шли въ разрѣзъ съ фактами ихъ государственной жизни.

Мы не можемъ останавливаться на изображеніи культурнаго вліянія христіанства. Изученіе древнѣйшей русской письменности въ курсѣ исторіи литературы выяснитъ передъ вами тотъ фактъ, что только съ принятіемъ христіанства для русскаго общества открылась возможность усвоенія славянской письменности, созданной трудами Кирилла и Меѳодія. Только съ конца X в. началось книжное просвѣщеніе въ Кіевѣ и Новгородѣ и скоро дало блестящіе плоды. Скорые успѣхи достигнуты были и русскимъ искусствомъ, кот. зародилось, какъ слуга религіи, подъ вліяніемъ Византіи. Намъ очень важно отмѣтить одну сторону культурнаго вліянія новой религіи на народный бытъ. Новая церковная организація, давшая одну іерархію всей землѣ, была могучимъ средствомъ для <u>внутренняго народнаго объединенія</u>; рядомъ съ политическимъ единствомъ, существовавшимъ раньше.

Церковь и созданное ею просвѣщеніе, пожалуй еще болѣе, чѣмъ князья и созданная ими администрація, подѣйствовала на народное самосознаніе. Въ XI в. мы можемъ уже назвать Кіевское княжество политической формой единой народности.

Кіевская Русь въ XI–XII вв.

Принятіе христіанства съ его многообразными послѣдствіями представляетъ собою въ исторіи Кіевской Руси тотъ рубежъ, кот. отдѣляетъ древнѣйшую эпоху отъ такъ-наз. эпохи удѣльно-вѣчевой. Изучая періодъ до-христіанскій, мы приходимъ къ тому заключенію, что единодержавія въ то время не было; Русь нѣсколько разъ дробилась на княжества (послѣ Святослава, Владиміра Св.). При жизни князя отца сыновья сидѣли намѣстниками въ главныхъ городахъ и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила къ тому, что въ концѣ концовъ возстановлялось единодержавіе. (Братья, враждуя изъ-за наслѣдства, обыкновенно истребляли другъ друга). Познакомимся

теперь съ группою тѣхъ политическихъ фактовъ, совершившихся по смерти Ярослава Мудраго, которые могутъ намъ дать первыя понятія о порядкѣ государственнаго владѣнія въ XI в. (во второй его половинѣ) и въ XII в. Ярославъ, умирая, раздѣлилъ землю такимъ образомъ: Старшему сыну — Изяславу, далъ Кіевъ и Новгородъ, т. е. два конца торговаго пути, очевидно, что Изяславъ былъ самый богатый, самый могущественный князь. Второму сыну Святославу, Ярославъ далъ Черниговъ, третьему — Всеволоду — Переяславль, (недалеко отъ Кіева), четвертому — Вячеславу — Смоленскъ; пятый Игорь — владѣлъ Владиміромъ-Волынскимъ; но у Ярослава былъ еще внукъ отъ старшаго сына, Владиміра Ярославича, доблестный Ростиславъ, о которомъ сложилось много легендъ, — ему Ярославъ ничего не далъ. Тогда Ростиславъ бросился самъ на Тмутаракань, захватилъ ее и оставилъ за собою. Старшинство Ярославъ далъ старшему сыну. Но Изяславъ не сумѣлъ поддержать свой авторитетъ: онъ возстановилъ противъ себя Кіевлянъ, которые его изгнали. Возвратясь затѣмъ въ Кіевъ, Изяславъ былъ вторично изгнанъ оттуда братьями; онъ бѣжалъ

на Западъ; Кіевскій-же столъ занялъ Святославъ; въ Кіевѣ онъ и умираетъ; тогда Кіевъ опять переходитъ къ Изяславу, а Черниговъ въ это время достается Всеволоду. Послѣ смерти Изяслава Кіевскій престолъ занялъ Всеволодъ, а второй городъ Черниговъ Всеволодъ отдалъ своему старшему сыну Владиміру. Дѣтей Святослава онъ совсѣмъ вычеркнулъ изъ общаго наслѣдія, какъ изгоевъ, хот. не имѣли права на великокняжескій престолъ, ибо отецъ ихъ не могъ-бы стать великимъ княземъ, еслибы соблюдалъ старшинство и не прогналъ съ престола старшаго брата своего, который его пережилъ. Въ 1093 г. умеръ Всеволодъ, оставивъ послѣ себя сына, Владиміра, прозваннаго Мономахомъ по имени своего дѣда со стороны матери. Молодой князь не встрѣтилъ-бы препятствій со стороны Кіевлянъ, если-бы захотѣлъ занять отцовскій великокняжескій престолъ; но не желая новыхъ усобицъ и соблюдая родовое старшинство, Мономахъ предоставляетъ кіевскій престолъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Святополку Изяславичу, который, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ на великокняженіе всѣ права. Этотъ князь, однако, не умѣлъ соблюдать спокойствіе въ русской

землѣ и потому не пользовался народнымъ расположеніемъ. Въ его княженіе князья Святославичи, признанные изгоями со стороны своихъ дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться политической полноправности и заявили притязаніе на Черниговскій столъ, занятый Мономахомъ. Послѣ долгихъ смутъ Любечскимъ съѣздомъ 1097г. права Святославичей на Черниговъ были возстановлены и вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ подѣлилъ всѣ русскія волости между князьями на началахъ справедливости. Но справедливость была вскорѣ попрана главнымъ ея блюстителемъ Святополкомъ, кот. совершилъ извѣстное насиліе надъ Василькомъ. Это насиліе повлекло за собой новыя усобицы, для прекращенія которыхъ былъ назначенъ новый съѣздъ. Въ 1100г. въ городѣ Увѣтичахъ или Витичевѣ, Святополкъ, Мономахъ и Святославичи заключили между собой союзъ для возстановленія мира на Руси. Когда Витичевскимъ съѣздомъ былъ водворенъ порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, тогда стало возможно подумать и о дѣлахъ внѣшнихъ — о борьбѣ съ половцами: Владиміръ и Святополкъ съѣхались на берегу Долобскаго озера (1103г.) и рѣшили двинуться общими силами на половцевъ. Эти съѣзды Любечскій,

Выгшевскій и Долобскій показываютъ намъ, что въ важныхъ спорныхъ вопросахъ князья-внуки Ярослава прибѣгаютъ къ съѣздамъ, какъ къ высшему учрежденію, имѣющимъ право безапелляціоннаго рѣшенія. События-же, ихъ вызвавшія свидѣтельствуютъ, что Русь во время княженія Святополка не пользовалась спокойствіемъ и что нарушителемъ этого спокойствія часто былъ самъ великій князь. Понятно почему по смерти Святополка (1113 г.) даже лѣтописецъ, всегда готовый хвалить покойнаго князя, хранитъ о немъ полное молчаніе. Послѣ смерти нелюбимаго князя, Кіевляне посылаютъ звать на великокняжескій престолъ Владиміра Мономаха; но Мономахъ, не желая нарушать разъ признанныхъ правъ Святославичей, отказывается отъ великокняжества. Однако Кіевляне, не любившіе Святославичей, не принимаютъ отказа Мономаха и отправляютъ къ нему новое посольство съ тѣмъ-же предложеніемъ, угрожая бунтомъ въ случаѣ отказа. И тогда Владиміръ вынужденъ былъ согласиться и принять Кіевъ. Такъ воля гражданъ нарушила права старшинства, передавъ ихъ въ руки достойнѣйшему помимо старѣйшаго. Однако это нарушеніе

старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новыя усобицы; и если при жизни сильнаго и весьма любимаго Мономаха, Святославичи должны были затаить свою ненависть къ невольному похитителю ихъ правъ, то они передали эту ненависть своимъ дѣтямъ; она то и послужила причиной кровавыхъ усобицъ между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода. Но эти усобицы произошли значительно позднѣе. Потомки Святослава Черниговскаго не препятствовали тому, чтобы послѣ смерти Мономаха (1125) старшинство принялъ сынъ его Мстиславъ. Да и не легко было оспаривать у него великокняжескій столъ: Святославичи, по тогдашнимъ понятіямъ потеряли свои права на Кіевъ оттого, что не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ; тѣмъ они понизили свой родъ передъ родомъ Мономаха и утратили, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ всякое право на великокняжескій столъ. Со стороны черниговскихъ князей также не послѣдовало возобновленія притязаній на Кіевъ и тогда, когда (въ 1132 году) Мстиславъ умеръ и старшинство перешло въ руки брата его Ярополка Владиміровича, что вполнѣ согласовалось

съ желаніемъ Кіевлянъ, кот. не хотѣли никого кромѣ Мономаховичей. Черниговскіе князья не могли протестовать, ибо они были безсильны пока миръ господствовалъ въ родѣ Мономаха. Въ княженіи Ярополка однако этотъ миръ былъ нарушенъ. Передъ смертью Мстиславъ обязалъ своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну Всеволоду Мстиславичу. Вступивъ на великокняжескій престолъ, Ярополкъ поспѣшилъ исполнить предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствіе со стороны младшихъ сыновей Мономаха: — Юрія Ростовскаго и Андрея Владиміро-Волынскаго. Узнавъ о перемѣщеніи племянника въ Переяславль, они сочли это шагомъ къ старшинству помимо ихъ и поспѣшили выгнать Всеволода изъ Переяславля. Тогда Ярополкъ водворилъ туда второго Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ. Но и это распоряженіе не успокоило младшихъ дядей: въ каждомъ племянникѣ, который сидѣлъ въ Переяславлѣ, они видѣли наслѣдника старшинства, будущаго князя Кіевскаго. Чтобы успокоить братьевъ Ярополкъ и Изяслава вывелъ изъ Переяслав-

ля и послалъ туда брата своего Вячеслава, но тотъ скоро самъ оставилъ эту область и она была уступлена Юрію Ростовскому.

Враждою между дядями и племянниками въ потомствѣ Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и рѣшили предъявить свои права на великое княженіе. Обстоятельства сложились благопріятно для Святославичей: Ярополкъ Владиміровичъ скончался въ 1139 году и мѣсто его заступилъ братъ его Вячеславъ человѣкъ безхарактерный и неспособный. Такимъ ничтожествомъ великаго князя воспользовались Святославичи въ лицѣ Всеволода Ольговича; онъ подступилъ къ Кіеву, Вячеславъ не могъ сопротивляться и уѣхалъ въ Туровъ, а Всеволодъ занялъ его мѣсто. ~~Довольно~~ понятно, почему Мономаховичи допустили внука Святослава занять старшій столъ: линія Мономаха въ это время не имѣла главы; всѣ старшіе Мономаховичи (Вячеславъ, Юрій, Андрей) были слабые, неэнергичные люди и единственный предпріимчивый человѣкъ, могущій защищать интересы своего рода былъ старшій сынъ

старшаго Мономаховича, Изяславъ Мстиславичъ Владиміро-Волынскій, но онъ находился во враждѣ со старшими членами рода и потому не вступился за права своего дяди Вячеслава. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что старшая сестра Изяслава была замужемъ за княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а по понятіямъ того времени старшій зять почитался за отца. Въ 1144 году Всеволодъ Ольговичъ въ присутствіи Ольговичей, Давидовичей и одного Мономаховича — Изяслава Мстиславича объявилъ, что поступокъ Мономаха и сына его Мстислава, кот., не обращая вниманія на родъ Святослава, отдали Кіевъ — одинъ сыну своему, другой брату, что этотъ поступокъ даетъ ему право передать старшинство его брату Игорю, помимо Мономаховичей. Со всѣхъ присутствовавшихъ была потребована клятва въ признаніи Игоря Ольговича на столъ Кіевскомъ. Такая-же клятва была взята и съ Кіевскихъ гражданъ въ 1146 г. Но клятва эта была скоро нарушена: едва Игорь сѣлъ на столъ, какъ Кіевляне отправили посольство звать на Кіевскій столъ

Изяслава Мстиславича. Последній немедлен-
но двинулся къ Кіеву, объявивъ, что тер-
пѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода, какъ
мужа старшей сестры своей, но что другихъ
Ольговичей на Кіевскомъ столѣ не потерпитъ.
Кіевляне перешли на его сторону, Игорь
былъ взятъ въ плѣнъ и постриженъ, а Изяславъ
занялъ великокняжескій столъ.
Въ лицѣ Изяслава родъ Мономаха снова
восторжествовалъ надъ родомъ Святослава.
Но самовольный захватъ Изяславомъ Кіевска-
го стола, вооружилъ противъ него двухъ
старшихъ Мономаховичей, двухъ его дядей:
Вячеслава, кот. нѣкогда сидѣлъ въ Кіевѣ,
но былъ изгнанъ Всеволодомъ Ольговичемъ
и брата Вячеслава Юрія, князя Ростовскаго.
Юрій, недовольный тѣмъ, что старшинство
досталось его племяннику, а не брату,
началъ съ Изяславомъ борьбу и одержалъ
верхъ. Изяславъ удалился во Владиміръ-
-Волынскій, а въ Кіевѣ сталъ княжить
Юрій. Но и онъ не долго удержалъ за собой
Кіевскій столъ, Изяславу удалось изгнать
его и снова вернуть себѣ Кіевъ, а чтобы
обезпечить себя отъ обвиненій въ беззаконномъ
захватѣ престола, онъ пригласилъ въ Кіевъ
старшаго дядю своего Вячеслава, который

довольствуясь почетомъ, предоставивъ всю власть племяннику. Но Юрій не оставилъ своихъ притязаній на Кіевъ и несмотря на то, что Изяславъ обставилъ дѣло вполнѣ законно, воспользовался первой удобною минутой и подступилъ къ Кіеву. Изяславъ и Вячеславъ оставили городъ и Юрій вторично завладѣлъ имъ, но опять таки не надолго. Кіевскіе граждане любили Изяслава и при первомъ его появленіи перешли на его сторону. Юрій снова уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ, вѣрный прежнему намѣренію, сталъ княжить именемъ Вячеслава. Въ 1153 г. Изяславъ умеръ; престарѣлый Вячеславъ вызвалъ другого своего племянника Ростислава Смоленскаго и Кіевляне присягнули ему, заключивъ однако уговоръ, что онъ будетъ чтить своего дядю Вячеслава, какъ дѣлалъ это его покойный братъ. Послѣ же смерти Вячеслава Кіевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей, но тутъ снова выступилъ Юрій и престолъ въ третій разъ перешелъ къ нему.

Въ 1157 г. Юрій умираетъ и Кіевляне, не любившіе этого князя, хотя онъ и

былъ Мономаховичъ; снова возвелъ на кіевскій столъ Изяслава Давыдовича. Но одинъ изъ младшихъ Мономаховичей - Мстиславъ Изяславичъ Владиміро-Волынскій, опасаясь, что кіевскій столъ уйдетъ изъ рукъ Мономаховичей, изгналъ Изяслава изъ Кіева и водворилъ тамъ своего дядю - Ростислава, а послѣ смерти его въ 1168 году и самъ занялъ великокняжескій престолъ. Но въ то-же время претендентомъ на старшинство является сынъ Юрія - Андрей, кот. Мстиславъ обошелъ, какъ раньше отецъ его Изяславъ обошелъ дядю своего, Юрія. Одинаковыя отношенія вызвали одинаковыя послѣдствія: упорную вражду. Побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ Андрея; въ 1169 г. Кіевъ былъ взятъ, Мстиславъ удалился въ свою волынскую область, Кіевъ былъ ограбленъ и сожженъ и самъ побѣдитель не остался въ немъ, а ушелъ на сѣверъ.

Таковы факты политической жизни, такъ называемаго Кіевскаго періода. Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать выводъ, что существовалъ въ данное время порядокъ наслѣдованія и владѣнія родовой (отъ брата къ брату и отъ дяди къ

племяннику) и что этотъ порядокъ въ первое-же время своего существованія терпѣлъ нарушенія. Событія времени внуковъ и правнуковъ Ярослава ясно показываютъ, что эти нарушенія были чрезвычайно часты и что наслѣдованіе столовъ запутывалось до чрезвычайности. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Кіевской Руси поэтому представляетъ много трудностей; онъ вызывалъ массу изслѣдованій и споровъ между историками. Научная полемика здѣсь вращается около двухъ вопросовъ: 1) Что породило и поддерживало раздробленіе на княжества древней Руси?
2) На какомъ принципѣ, при такомъ положеніи дѣлъ удержалось единство русской земли?

Отвѣтъ на первый вопросъ сначала казался очень простымъ. Историки прошлаго вѣка и отчасти Карамзинъ объясняли его тѣмъ, что князья не желали обижать сыновей и всѣмъ имъ дѣлили землю. Но впослѣдствіи поняли, что личный княжескій произволъ не можетъ раздробить государства, которое обладаетъ національнымъ единствомъ и стали искать причину въ другихъ явленіяхъ, въ обы-

и отвлеченныхъ воззрѣніяхъ племенъ: одни думали, что поли+
чаяхъ Славянъ (впервые эта мысль была высказана <u>Надеждинымъ</u>). Другіе (какъ Погодинъ) видѣли причину образованія многихъ княжескихъ столовъ въ томъ, что князья, какъ собственники земли считали себя въ правѣ по обычаю славянскому владѣть землею <u>сообща</u>. Наконецъ третьи (школа родового быта) удачно подмѣтили <u>родовой</u> порядокъ наслѣдованія столовъ и думали, что родовой бытъ князей въ одно время и поддерживалъ земское единство и дѣлилъ землю на части по числу родичей, имѣющихъ право на владѣніе родовымъ имуществомъ. Въ послѣднее время изслѣдователи ищутъ причинъ раздробленія Руси въ реальныхъ условіяхъ общественной жизни. <u>Пассекъ</u> находитъ эти причины въ стремленіи городскихъ общинъ къ автономіи. <u>Костомаровъ</u> полагалъ, что причины эти вытекали изъ стремленія къ обособленію не городскихъ общинъ, а племенъ, входившихъ въ составъ Кіевскаго княжества (онъ насчитывалъ 6 племенъ). <u>Ключевскій</u> въ сущности поддержи=

+тическое дробленіе вообще въ правахъ и обычаяхъ

валъ взглядъ <u>Пассека</u>, говоря такимъ образомъ: „Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій, военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался (благодаря подвижности, бродячести князей) составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, а аристократія оружія съ своими князьями скользила поверхъ этихъ міровъ"... (Боярская дума, 2-е изд., 51-52).

Второй вопросъ - на чемъ держалось единство земли? разрѣшался также различно. Прежніе историки и даже <u>Карамзинъ</u> не останавливались надъ нимъ долго: - они говорили, что единство земли основывалось на чувствѣ княжескаго родства кот. связывало князей въ одно цѣлое. Школа родового быта первая дала научное объясненіе вопросу; она основывалась на понятіи родового владѣнія. Родъ князей, представлявшій одно неразрывное цѣлое, соединенъ въ своемъ владѣніи

землю. Землею сразу владѣютъ всѣ князья, помня единство земли и помня, что сами они „одного дѣда внуки." Русь была, такимъ образ. единымъ государствомъ, потому что она была владѣніемъ одного рода. Иного мнѣнія были представители федеративной теоріи, во главѣ которыхъ стоялъ Костомаровъ; онъ видѣлъ въ древней Руси федерацію, основанную на единствѣ происхожденія и языка, единствѣ вѣры и церкви, наконецъ на единствѣ династіи, правящей страной. Но федерація предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ учрежденій, общихъ для всей федераціи, а между тѣмъ на Руси такихъ учрежденій указать нельзя; княжескіе съѣзды, напримѣръ, не представляютъ ничего юридически опредѣленнаго. Вотъ почему федеративную теорію смѣнила новая, принадлежащая Сергѣевичу – послѣдователю Чичерина. Еще Чичеринъ говорилъ, что древняя Русь не знала государственнаго порядка и жила на правѣ частномъ, на порядкѣ договорномъ. Исходя изъ этой мысли Сергѣевичъ пришелъ къ тому выводу, что древняя Русь не имѣла политическаго

единства, а единственнымъ движущимъ началомъ жизни было начало личнаго интереса. Князья не знають единства личному произволу, они не наслѣдуютъ столовъ по праву, а добываютъ ихъ силою или искусствомъ, формулируя свои отношенія къ другимъ князьямъ и къ земщинѣ условіями „рядовъ", т. е. договоровъ; о единствѣ государства не можетъ быть и рѣчи. Профессоръ Ключевскій предлагаетъ въ Боярской думѣ рядъ соображеній, которыми пытается слить въ одно цѣлое нѣкоторыя прежнія представленія по этому вопросу. Но у него есть и очень оригинальная мысль: онъ говоритъ, что въ основаніи единства русской земли лежатъ двѣ связи: 1ая родственная, связывающая князей, 2ая экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетаніе условій, вытекающихъ изъ экономической жизни волостей, съ условіями родового быта князей породило постоянное движеніе князей по городамъ и постоянное взаимодѣйствіе земскихъ міровъ. Въ этомъ и выражалось единство Русской земли. Попробуемъ резюмировать обзоръ втораго

вопроса. Съ своей точки зрѣнія всѣ ученія были правы, потому что всѣ освѣщали правильно одну какую-нб. сторону вопроса: одни уловили формулу законнаго владѣнія, собственно <u>идею</u> порядка — это школа родового быта; другіе занимались не столько изученіемъ нормъ, хотя-бы и идеальныхъ, сколько изслѣдованіемъ ихъ нарушеній — это Сергѣевичъ; третьи отмѣтили роль общества въ древней Руси, причемъ понимали ее различно, — это Костомаровъ и Пассекъ. Каждый вноситъ свой взглядъ и взглядъ этотъ возбуждалъ возраженія другихъ. При всѣхъ разногласіяхъ, существующихъ въ вопросѣ мы можемъ однако сказать, что вопросъ теперь достаточно освѣщенъ въ основныхъ своихъ чертахъ. Родовой порядокъ наслѣдованія столовъ, какъ идеальная законная норма, несомнѣнно существовалъ. Но рядомъ съ нимъ существовали и условія, подрывавшія правильность этого порядка. Такъ княжескіе съѣзды нерѣдко постановляли рѣшенія, противныя законному теченію наслѣдованія. Любечскій съѣздъ князей (1096) г. постановилъ рѣшеніе о князьяхъ, чтобы каждый изъ нихъ „держалъ отчину свою". Этотъ принципъ отчинности

т. е. семейнаго наследованія отъ отца къ сыну безспорно начинало действовать въ умахъ той эпохи, разлагая родовое начало. Произволъ князей или не признававшихъ законнаго порядка и авторитета старшихъ или же нарушавшихъ благодаря силе и старшинству интересы младшихъ князей, — тоже препятствовалъ правильности политической жизни. Изгойство, исключеніе князей изъ правъ ихъ состоянія, создавало по краямъ Русской земли такія области изгоевъ, которыми они владели уже по семейному, а не по родовому порядку: владетель-изгой не могъ претендовать на иныя волости, но и на его волость не должны были претендовать другіе князья. Наконецъ, если мы вспомнимъ вмешательство въ политическія дела и въ вопросы наследованія городскихъ вечей, которыя иногда не признавали для себя обязательными счеты княжескаго старшинства и звали въ города князей по своему выбору — то мы укажемъ все важнейшія условія, разлагавшія правильный порядокъ политической жизни.

Наличность этихъ условій служитъ ясными доказательствомъ того, что политическое

устройство Кіевскаго княжества было очень неустойчиво. Составленное изъ многихъ племенныхъ и городскихъ міровъ, это княжество не могло объединиться въ единое государство въ нашемъ смыслѣ слова и въ XI вѣкѣ распалось. Поэтому точнѣе всего будетъ опредѣлить Кіевскую Русь, какъ совокупность многихъ княженій, объединенныхъ одною династіей, единствомъ религіи, племени, языка и народнаго самосознанія. Это самосознаніе достовѣрно существовало: съ его высоты народъ осуждалъ свое политическое неустройство, осуждалъ князей за то, что они „несли землю розно" своими „которами" и убѣждалъ князей быть въ единствѣ въ интересахъ единой „земли Русской." Политическая связь Кіевскаго общества была слабѣе всѣхъ другихъ его связей и это было одною изъ самыхъ видныхъ причинъ упадка Кіевской Руси.

Отъ общей формы политическаго быта перейдемъ къ частностямъ этого быта. Мы замѣтимъ, что первою политическою формою, которая зародилась на Руси, былъ бытъ городовой или областной. Когда

областная и городская жизнь уже сложилась, въ городѣ и области явилась княжеская династія, объединившая области въ одно княжество. Рядомъ съ властями городскими стала власть княжеская. Этимъ и обусловливается тотъ фактъ, что въ XI, XII вв. наблюдаются на Руси двѣ политическія власти: 1ая княжеская и 2ая городская или вѣчевая. Вѣче старше князя, но зато князь часто виднѣе вѣча: послѣднее на время уступаетъ ему свое значеніе. Въ X и XI вв. князь кажется единственнымъ представителемъ политической власти.

Обратимся къ изученію княжеской власти. Князья Кіевскіе — старшіе или младшіе, были всѣ политически другъ отъ друга независимы — на нихъ лежали только нравственныя обязанности: князья волостные должны были почитать старшаго, великаго князя „въ отца мѣсто"; вмѣстѣ съ нимъ должны были охранять „отъ поганыхъ" свою волость, сообща съ нимъ думать-гадать о русской землѣ и рѣшать важные вопросы русской жизни. Мы отличаемъ три главныя функціи въ дѣятельности древне-Кіевскихъ князей. Во первыхъ князь законодательствовалъ и Русская Правда нѣсколькими изъ своихъ

статей прямо подтверждаетъ это. Въ Правдѣ читаемъ напримѣръ, что сыновья Ярослава: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ совмѣстно постановили замѣнить месть за убійство денежнымъ штрафомъ. Заглавія нѣкоторыхъ статей Правды свидѣтельствуютъ, что эти статьи были „судомъ" княжескимъ, т. е. были установлены князьями. Такимъ образомъ законодательная функція князей засвидѣтельствована древнимъ памятникомъ. Вторая функція ихъ власти — военная. Князья явились въ первый разъ на русскую землю, какъ защитники ея границъ и въ этомъ отношеніи послѣдующіе князья не отличались отъ первыхъ. Припомнимъ, что Владиміръ Мономахъ едва-ли не главной своей задачей считалъ оборону границъ отъ Половцевъ; къ борьбѣ съ половцами склонялъ онъ другихъ князей на съѣздахъ и предпринималъ вмѣстѣ съ другими князьями общіе походы на кочевниковъ. Третья функція — есть функція судебная и административная. Русская Правда свидѣтельствуетъ, что князья сами судили даже уголовныя дѣла. По Русской Правдѣ за убіеніе княжескаго конюшаго взимался штрафъ въ 80 гривенъ,

„яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его-же убили Дорогобудьци". Здѣсь Правда указываетъ дѣйствительный судебный случай. Относительно административной дѣятельности князей мы можемъ сказать, что они съ давнишнихъ поръ несли на себѣ обязанности управленія, устанавливаютъ „погосты и дани". Еще на самыхъ первыхъ страницахъ лѣтописи мы читаемъ, какъ Ольга „устави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани" (погосты представляли собой административные округа). Вотъ главныя обязанности князя Кіевской эпохи: онъ законодательствуетъ, онъ представитель военной власти, онъ верховный судья и верховный администраторъ. Эти признаки всегда характеризуютъ высшую политическую власть. Сообразно съ характеромъ своей дѣятельности князья имѣютъ и слугъ, такъ наз. дружину, своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, съ помощью кот. они управляютъ страною. Въ лѣтописи можно найти много свидѣтельствъ, даже съ поэтическимъ характеромъ о близкомъ отношеніи дружины къ князю. Еще Владиміръ Св. по лѣтописному преда=

нію, высказалъ мысль, что серебромъ и золотомъ дружины нельзя пріобрѣсти, а съ дружиною можно достать и золото, и серебро. Такой взглядъ на дружину, какъ на нѣчто неподкупное, стоящее къ князю въ отношеніяхъ нравственнаго порядка, проходитъ черезъ всю лѣтопись. И въ позднѣйшее время Дмитрій Донской въ своемъ завѣщаніи называетъ бояръ „князьями земли своей" и завѣщаетъ дѣтямъ слушать ихъ. Дружина въ древней Руси пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла, она требовала, чтобы князь безъ нея ничего не предпринималъ и когда одинъ молодой Кіевскій князь рѣшилъ походъ, не посовѣтовавшись съ нею, она отказала ему въ помощи, а безъ нея не пошли и союзники князя. Солидарность князя съ дружиной вытекала изъ самыхъ реальныхъ жизненныхъ условій, хотя и не опредѣлялась никакимъ закономъ. Дружина скрывалась за княжескимъ авторитетомъ, но она поддерживала его; князь съ большой дружиной былъ силенъ, съ малой — слабъ. Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшая называлась „боярами"; происхожденіе этого слова толкуютъ различно, между прочимъ

существуетъ предположеніе, что оно произошло отъ слова „болій", „большій". Бояре были вліятельными совѣтниками князя; они въ дружинѣ безспорно составляли самый высшій слой и нерѣдко имѣли свою собственную дружину. За ними слѣдовали такъ наз. „мужи" или „княжьи мужи", воины и княжескіе чиновники. Младшая дружина наз. „грида"; иногда ихъ называютъ „отроками", при чемъ это слово нужно понимать лишь какъ терминъ общественнаго быта, который могъ относиться, можетъ быть, и къ очень старому человѣку. Вотъ какимъ образомъ дѣлилась дружина. Вся она, за исключеніемъ княжескихъ рабовъ-холоповъ одинаково относится къ князю, - она приходила къ послѣднему и заключала съ нимъ „ряды", въ которыхъ обозначала свои обязанности и права. Князь долженъ былъ относится къ дружиннику, какъ къ человѣку, вполнѣ независимому, потому что дружинникъ всегда могъ покинуть князя и искать другой службы. Изъ дружины князь беретъ своихъ администраторовъ, съ помощью кот. онъ управляетъ землею и охраняетъ ее. Эти помощники назывались „вирниками" и „тіунами", обязанность кот. состояла - въ

судъ и взысканiи виры, т. е. судебной пошлины въ управленiи землею и въ сборѣ дани. Дань и вира кормила князя и дружину. Князь собиралъ дань иногда съ помощью чиновниковъ, а иногда и лично. Собиралась дань натурой и деньгами и точно также не одной натурой, но и деньгами давалась дружинѣ. Одинъ лѣтописецъ-публицистъ XIII в. пишетъ о времени болѣе раннемъ, что князь „оже будетъ права вира, и ту возма, — даяше дружинѣ на оружiе. А дружина его... не жадаху: „мало ми есть, княже 200 гривенъ,“ не кладоху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху ихъ жены въ серебрѣ“. Окладъ въ 200 гривенъ каждому дружиннику — очень великъ по тогдашнимъ понятiямъ и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о богатствѣ Кiевскихъ князей, (если въ гривнѣ считать 1/2 фунта серебра, то ея вѣсовая стоимость около 10 рублей) Откуда-же появилось это богатство, какими источниками доходовъ пользовались князья? Во первыхъ средства князьямъ давала ихъ судебная дѣятельность. Во вторыхъ князья получали дань, о которой уже говорилось. Въ третьихъ въ пользу князей шла военная добыча. Наконецъ послѣднiй видъ княжескихъ доходовъ — частные доходы. Пользуясь своимъ привилегирован=

нымъ положеніемъ князья пріобрѣтаютъ себѣ частныя земли (села), которыя они строго различаютъ отъ владѣній политическихъ. Князь не можетъ завѣщать политическое владѣніе женщинѣ, а только сыну или брату, и между тѣмъ мы видимъ, что свои частныя земли онъ даетъ женѣ или дочери, или въ монастыри. Перейдемъ къ характеристикѣ власти вѣча.

Вѣче было старѣе князя. У лѣтописца XIII вѣка мы читаемъ: „Новгородцы бо изначала и Смольняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти яко же на думу на вѣче сходятся, на что же старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ." Смыслъ этихъ словъ такой: изначала города и волости („власти") управлялись вѣчами и вѣче старшаго города управляло не только городомъ, но и всею его волостью. Рядомъ съ этими вѣчами, на которыхъ правомъ голоса пользовались всѣ главы семействъ, появилась власть князей. Но князья не упразднили вѣча, а правили землею иногда при содѣйствіи, а иногда и съ противодѣйствіемъ послѣдняго. Отношенія князей къ вѣчу и наоборотъ, вѣча къ князьямъ многіе историки пытались опредѣлить съ точки зрѣнія законченнаго политическаго понятія, но это приводило только къ натяжкамъ. Факты вѣчевой дѣятельности,

собранные въ книгѣ Сергѣевича: „Князь и вѣче" прежде всего не позволяютъ установить самой формы вѣча, кот. очень легко спутать съ простыми народными сходками, а неопредѣленность формы часто заставляла изслѣдователей различать вѣче на законное и незаконное. Законнымъ называлось вѣче, созванное княземъ; вѣче-же, собравшееся противъ князя, мятежническими обществами, - считалось незаконнымъ. Слѣдствіемъ юридической неопредѣленности въ вѣчѣ было то, что послѣднее было въ большой зависимости отъ условій чисто мѣстныхъ или временныхъ: оно понижало свое политическое значеніе при сильномъ князѣ, и, на- исключительно опиравшемся на дружину, оборотъ, усиливалось при слабомъ князѣ; кромѣ того въ большихъ городахъ оно имѣло большее политическое значеніе, чѣмъ въ малыхъ. Изученіе этого вопроса заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что отношенія между княземъ и вѣчемъ постоянно колебались. Такъ при Ярославѣ и его сыновьяхъ вѣче далеко не имѣло той силы, какъ при его внукахъ и правнукахъ. Когда власть князей усилилась и опредѣлилась, вѣче отъ политической дѣятельности перешло къ хозяйственной - занималось дѣлами внутренняго

быта общины; но когда родъ Рюриковичей размножился и наслѣдственные счеты запутались, — городскія вѣча стремились возвратить себѣ политическое значеніе. Пользуясь случаемъ, они сами призывали себѣ того князя, котораго хотѣли и заключали съ нимъ „ряды". Мало по малу вѣче почувствовало себя на столько сильнымъ, что рѣшалось спорить съ княземъ; случалось, что князь стоялъ за одно, а вѣче за другое; и тогда вѣче зачастую „указываетъ князю путь", т.е. изгоняетъ его.

Перейдемъ къ общественному дѣленію древне-Кіевской Руси. Нужно замѣтить, что общество, стоящее на первой ступени развитія, всегда имѣетъ одно и то-же общественное дѣленіе и у всѣхъ народовъ Арійскаго племени мы встрѣчаемъ слѣдующія три группы: 1) основная масса (въ Кіевской Руси люди), 2) привилегированный слой (старцы, бояре) и 3) лишенные правъ рабы (или на древне-Кіевскомъ языкѣ холопы). Такимъ образомъ, первоначальное общественное дѣленіе вызывалось не какимъ-нибудь исключительнымъ мѣстнымъ условіемъ историческимъ, а природою племени, если можно такъ выразиться. Но

на глазахъ исторіи сложились и росли и мѣстныя условія. Доказательствомъ этого роста служитъ „Русская Правда", почти единственный источникъ нашихъ сужденій о соціальномъ строѣ Кіевской Руси. Она дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: Первая или краткая состоитъ изъ 43 статей, изъ которыхъ первые 17^{ть} слѣдуютъ другъ за другомъ въ логической системѣ. Новгородская лѣтопись, содержащая въ себѣ этотъ текстъ Правды выдаетъ ее за законы, изданные Ярославомъ. Краткая редакція „Правды" многимъ отличается отъ нѣсколькихъ пространныхъ редакцій этого памятника. Она, несомнѣнно древнѣе ихъ и отражаетъ въ себѣ Кіевское общество въ древнѣйшую пору его развитія. Пространныя редакціи Правды, состоящія уже болѣе, чѣмъ изъ 100 статей, заключаютъ въ своемъ текстѣ указанія на то, что возникли онѣ въ цѣломъ составѣ въ XII вѣкѣ, не ранѣе. Онѣ заключаютъ въ себѣ законоположенія князей, именно XII вѣка (Владиміра Мономаха) и рисуютъ намъ общество Кіевской Руси уже въ полномъ его развитіи. Разнообразіе текста разныхъ редакцій Правды затрудняетъ рѣшеніе вопроса о происхо-

жденій этого памятника. Старые историки (Карамзинъ, Погодинъ) признавали Русскую Правду за оффиціальный сборникъ законовъ, составленный Ярославомъ Мудрымъ и дополнявшійся его преемниками. Въ позднѣйшее время такого-же мнѣнія держится изслѣдователь Правды — Ланге. Но большинство ученыхъ (Калачевъ, Дювернуа, Сергѣевичъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.) думаютъ, что Правда есть сборникъ, составленный частными лицами, желавшими для личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ. Это мнѣніе вѣроятнѣе потому, что, во первыхъ, въ текстѣ Русской Правды можно указать статьи не юридическаго, а хозяйственнаго содержанія, имѣвшія значеніе только для частнаго быта, а во вторыхъ, внѣшняя форма отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ редакцій Правды имѣетъ характеръ частныхъ записей, составленныхъ какъ-бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной дѣятельности. Изучая по Русской Правдѣ и по Лѣтописи составъ древняго Кіевскаго общества, мы можемъ отмѣтить три древнѣйшихъ его слоя: 1) высшій, называемый „старцами градскими", „старцами людскими"; это земская аристо-

крайнія, къ которой нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ и огнищанъ. О старцахъ мы уже говорили, что же касается до огнищанъ, то о нихъ много мнѣній. Старые ученые считали ихъ домовладѣльцами или землевладѣльцами, производя терминъ отъ слова огнище (въ областныхъ говорахъ оно значаетъ очагъ или пашню на згари, т.е. на мѣстѣ сожженаго лѣса). Владимірскій-Будановъ говоритъ въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права", что „старшіе дружинники именовались сначала огнищанами", но тутъ-же прибавляетъ, что чешскій памятникъ Mater verborum толкуетъ слово огнищанинъ, какъ „вольноотпущенный" („libertus, cui post servitium accedit libertas"); видимое противорѣчіе авторъ думаетъ закрыть тѣмъ соображеніемъ, что старшіе дружинники могли происходить изъ младшихъ невольныхъ слугъ князя. Слово огнище въ древности значило дѣйствительно рабъ, челядь; въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ древнемъ (XI вѣка) переводѣ Словъ Григорія Богослова, почему нѣкоторые изслѣдователи (Ключевскій) въ огнищанахъ видятъ рабовладѣльцевъ, иначе говоря, богатыхъ людей въ ту древнѣйшую пору жизни общества,

когда не земля, а рабы были главнымъ видомъ собственности. Если-же обратить вниманіе на статьи Правды Русской (пространной), которыя вмѣсто „огнищанина" краткой Русской Правды говорятъ о „княжемъ мужѣ" или „тіунѣ огнищномъ", то можно огнищанина счесть и за княжа мужа, завѣдывающаго княжескими холопами, т. е. за лицо, предшествующее позднѣйшимъ *дворскимъ* или *дворецкимъ*. Положеніе послѣднихъ было очень высоко при княжескихъ дворахъ и въ то-же время они могли сами быть холопами. Въ Новгородѣ-же, какъ кажется, огнищанами звали не однихъ дворецкихъ, а весь княжескій дворъ (позднѣе *дворяне*). Такъ стало быть возможно принимать огнищанъ за знатныхъ княжескихъ мужей, но сомнительно, чтобы огнищане были высшимъ классомъ земскаго общества.

2) Средній классъ составляли *люди* (ед. ч. *людинъ*), „*мужи*", соединенные въ общины, *верви*. 3) *Холопы* или *челядь* — рабы и притомъ безусловные; *полные*, *обельные* (обль = круглый) — были третьимъ слоемъ. Съ теченіемъ времени это общественное дѣленіе усложняется. На верху общества нарождается уже княжеская *дружина*, съ

которой сливается прежній высшій земскій классъ. Дружина состоитъ изъ старшей („бояръ, думающихъ и мужей, храборствующихъ") и младшей — <u>отроковъ</u>, <u>гридей</u>; въ нее входятъ и рабы князя. Изъ рядовъ дружины назначается княжеская администрація и судьи (<u>посадникъ</u>, <u>тіунъ</u>, <u>вирники</u> и др.) Классъ <u>людей</u> дѣлится опредѣленно на <u>горожанъ</u> (купцы, ремесленники) и <u>селянъ</u>, изъ которыхъ свободные люди называются <u>смердами</u>, а зависимые — <u>закупами</u> (закупомъ <u>ролейнымъ</u>, напр. назыв. сельскій земледѣльческій батракъ). Закупы не рабы, но ими начинается на Руси классъ условно зависимыхъ людей, классъ съ теченіемъ времени смѣнившій собою полныхъ рабовъ. Дружина и люди не суть замкнутые общественные классы: изъ одного можно было перейти въ другой; основное различіе въ положеніи ихъ заключалось съ одной стороны въ отношеніи къ князю (одни князю <u>служили</u>, другіе ему <u>платили</u>); что-же касается до <u>холоповъ</u>, то они имѣли своимъ „господиномъ" хозяина, а не князя, который ихъ вовсе не касался), а съ другой стороны — въ хозяйственномъ и имущественномъ отношеніи

общественныхъ классовъ между собой.
Мы допустили-бы большой пробѣлъ, если-бы не упомянули о совершенно обособленномъ классѣ Кіевскаго общества, классѣ, который повиновался не князю, а церкви. Это церковное общество, состоявшее изъ: 1) іерархіи, священства и монашества;
2) лицъ служившихъ церкви, церковнослужителей; 3) лицъ призрѣваемыхъ церковью, старыхъ, увѣчныхъ, больныхъ; 4) лицъ, поступившихъ подъ опеку церкви, изгоевъ и 5) лицъ, зависимыхъ отъ церкви, „челяди" (холоповъ), перешедшихъ въ даръ церкви отъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Церковные уставы князей такъ описываютъ составъ церковнаго общества: „А се церковные люди: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ (т.е. получившій чудесное исцѣленіе), задушный человѣкъ (т.е. вольноотпущенный по духовному завѣщанію), изгои (т.е. лица, потерявшія права гражданскаго состоянія)... монастыреве, больницы, гостинницы, страннопріимницы, то люди церковныя, богадѣльныя." Всѣхъ этихъ

людей церковная іерархія вѣдаетъ администраціей и судомъ: „или митрополитъ, или епископъ, — тыи вѣдаютъ между ними судъ или обиду"; изгоямъ и холопамъ и всѣмъ своимъ людямъ церковь создаетъ твердое общественное положеніе, сообщаетъ права гражданства, но вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ ихъ вовсе изъ свѣтскаго общества. Настолько развито и сложно стало общественное дѣленіе Кіевскаго общества къ XII вѣку. Раньше, какъ мы видѣли, общество было проще по составу и развивалось оно уже на глазахъ исторіи.

Закончимъ нашъ обзоръ Кіевской Руси общей характеристикой ея культурнаго состоянія. Первое-же знакомство съ кіевскимъ бытомъ покажетъ вамъ существованіе древнихъ и сильныхъ городскихъ общинъ на Руси и обиліе вообще городскихъ поселеній; это обстоятельство — лучшій признакъ того, что эта страна обладала крупными торговыми оборотами. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ Скандинавскихъ сагахъ Кіевъ называли „Гардарикъ" — страной городовъ; слѣдовательно городская жизнь была въ глазахъ иноземцевъ выдающеюся чертою

Кіевской Руси. Всѣхъ городовъ насчитываютъ около 300 - цифра очень крупная для земледѣльческой страны, которая не должна бы, кажется, отлич~~ч~~аться большимъ развитіемъ городской жизни. Ясно, что такая многочисленность городовъ вызывалась не одними административными и военными потребностями, но и развитіемъ торговли, которая придавала городу значеніе рынка. Несомнѣнно, что главнымъ занятіемъ городскихъ жителей была торговля и что масса городского населенія состояла изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. О развитіи торговли въ Кіевской Руси говорятъ намъ многіе древніе авторы: русскіе купцы ѣздили въ Грецію, Болгарію, Германію, Чехію и на далекій Востокъ. Въ Кіевѣ и Новгородѣ было постоянное стеченіе купцовъ. Въ Новгородѣ жили нѣмецкіе купцы и имѣли свою церковь, - „Варяжскую божницу", нѣмецкіе - же купцы черезъ Польшу ѣздили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ былъ еврейскій и, кажется, польскій кварталъ; жили постоянно купцы католическаго вѣроисповѣданія, кот. называли „Латиною"; есть

цвѣтie подъ армянахъ. Кiевъ былъ торговой станцiей, не только между сѣверомъ и югомъ, т. е. между Варягами и Грецiей, но и между западомъ и востокомъ, т. е. между Европою и Азiей; отсюда понятно торговое значенiе Кiева и всей южной Руси. Тихiй земледѣльческiй трудъ смѣшался здѣсь съ бойкимъ и шумнымъ торговымъ движенiемъ; жизнь отличалась многообразiемъ функцiй; торговля, вызывая знакомство съ многими народами способствовала накопленiю богатствъ и знанiй. Много условiй создавалось здѣсь для культурнаго развитiя и это развитiе начиналось и разцвѣтало яркимъ цвѣтомъ. Просвѣщенiе, принесенное христiанствомъ, нашло прiютъ въ русскихъ монастыряхъ и прiобрѣло себѣ многихъ поборниковъ. Мы знаемъ, что христiанская мораль успѣшно боролась съ грубыми воззрѣнiями языческой старины; мы видимъ князей, читающихъ и собирающихъ книги, князей, заказывающихъ переводы благочестивыхъ произведенiй церковной литературы на русскiй языкъ; мы видимъ распространенiе грамотности, видимъ школы при

церквахъ и епископскихъ дворахъ; мы любуемся фресками, которыя писаны по греческимъ образцамъ русскими художниками; мы читаемъ произведенія богословски-образованныхъ людей русскихъ. Словомъ въ отношеніи просвѣщенія Кіевская Русь стояла не ниже прочихъ молодыхъ государствъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей Славянъ; изслѣдователи первоначальныхъ сношеній Руси и Польши прямо признаютъ культурное превосходство первой. И матеріальная культура Кіевскаго общества стояла сравнительно съ прочей Европой не низко. Внѣшность Кіева вызывала панегирики писателей XI вѣка. Западнымъ иностранцамъ Кіевъ казался соперникомъ Константинополя. Впечатлѣніе, кот. онъ производилъ на иноземцевъ вело къ невольнымъ гиперболамъ съ ихъ стороны: они, напр., считали въ Кіевѣ 400 церквей, чего на самомъ дѣлѣ не было. Но во всякомъ случаѣ Кіевъ былъ крупнымъ торговымъ городомъ Восточной Европы, городомъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, высшіе классы

котораго знакомы были съ лучшими про-
изведеніями окрестныхъ странъ и вызыва-
ли со стороны нашего лѣтописца даже
упреки въ роскоши. И если за исключе-
ніемъ Кіева и другихъ городовъ вся про-
чая страна была еще въ младенческихъ
формахъ общественнаго и государствен-
наго быта, то все таки, мы не имѣ-
емъ права назвать Кіевскую Русь некуль-
турною страною, принимая во внима-
ніе бытъ древнихъ городовъ, жизнь
кот. отмѣчена явно культурными черта-
ми.

Мы видѣли, что въ глубокой еще древнос-
ти Русь стала терять черты патрі-
архальнаго племенного быта, хотя и
не отлилась еще въ окончательныя
формы быта государственнаго. Дол-
гое совмѣстное жительство, единство
племени, языка и религіи дѣлали
изъ Руси одну страну, изъ русскихъ
славянъ одинъ народъ. И это единство
чувствовалось и сознавалось крѣпко
въ XI вѣкѣ нашими далекими пред-
ками: Пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ,"
который помнилъ много такой стари-
ны, какая и для его времени была уже

едину старину, мыслилъ русскую зем-
лю единою отъ Южнаго Галича и Карпатъ
до верхней Волги. Всѣхъ князей и сѣверныхъ
и южныхъ одинаково зоветъ онъ ~~одинако-~~
~~во~~ помочь бѣдѣ Игоря и стать за землю
русскую! Въ его глазахъ бѣда Игоря —
— бѣда всей земли русской, а не только Иго-
рева княжества: „Тоска разлилась по
Русской землѣ, обильна печаль потекла сре-
ди земли русскія!" говоритъ онъ од[illegible]
[illegible]мъ. Въ XI еще вѣкѣ лѣтописецъ пишетъ
свою повѣсть не о томъ или другомъ
княжествѣ, а о всей Русской землѣ. Такъ
выростало постепенно твердое націо-
нальное самосознаніе, выростало и
въ сказаніяхъ и въ лѣтописяхъ, и въ
самой жизни. Въ XII вѣкѣ окончательно
опредѣлилась русская національность.

Тѣмъ болѣе непонятнымъ долженъ
казаться упадокъ Кіевской Руси въ
XIII вѣкѣ; какая-же была тому причи-
на? Первая и главная причина заклю-
чалась въ томъ, что въ единой землѣ, въ
единомъ обществѣ не было единой поли-
тической власти.

1) Владѣя Русью многочисленный княжескій родъ, при спутанности родовыхъ счетовъ изъ-за старшинства или изъ-за другихъ обидъ, князья часто заводили усобицы и втягивали населеніе въ междоусобную войну; отъ этихъ усобицъ страдали люди, страдало развитіе народнаго быта. Изъ 150 лѣтъ (1055–1228) Погодинъ насчитывалъ 80 лѣтъ, прошедшихъ въ усобицахъ и 90 лѣтъ мирныхъ и хотя тотъ-же Погодинъ говоритъ, что они для массы не имѣли важнаго значенія, мы видимъ въ нихъ несчастье для страны, какъ-бы легко не переносилось населеніемъ каждое отдѣльное разореніе.
Вторымъ несчастіемъ Кіевской Руси было усиленіе съ половины XII вѣка ея степныхъ враговъ. Въ южныхъ степяхъ появились Половцы и въ теченіе двухъ столѣтій 40 разъ опустошали русскую землю значительными набѣгами, а мелкихъ набѣговъ и не перечесть. Торговля съ югомъ стала замирать благодаря тѣмъ-же Половцамъ: они грабили купцовъ на нижнемъ Днѣпрѣ и Днѣстрѣ

и торговые караваны бывали безопасны только подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Въ 1170 году у южныхъ русскихъ князей по почину Мстислава Изяславича былъ съѣздъ, на кот. обсуждались средства борьбы съ половцами и говорилось, что половцы „уже у насъ и Греческій путь (въ Царьградъ) отнимаютъ и Соляный (Крымскій) и Залозный (на Дунай)". Это было большимъ бѣдствіемъ для страны. А рядомъ съ этимъ въ XII вѣкѣ явился врагъ Руси и съ Запада — стала часто нападать Литва. Такимъ образ. жизнь Кіевской Руси не имѣла безопасности и чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становилось жить на югѣ; вотъ почему понемногу цѣлые города и волости начинаютъ пустѣть, тѣмъ болѣе, что князья „какъ прежде ссорились изъ-за старшинства, такъ теперь ссорятся изъ-за людей, за „полонъ". Князья дѣлали набѣги на сосѣднія княжества и уводили народъ толпами; населеніе не могло жить спокойно, потому что свои-же князья отрывали ихъ съ ихъ земель, съ ихъ хозяйства.

Эти три обстоятельства: усобицы князей, отсутствие внешней безопасности и бегство населения были главными причинами упадка южно-русской общественной жизни. Появление татар нанесло ей окончательный удар. После нашествия татар Киев превратился в маленький городок с 200 домов; торговля заглохла и мало по малу Киевскую Русь по частям захватили ее враги. А в то время на окраинах Русской земли завязывалась новая жизнь; возникали новые общественные центры, слагались новые общественные отношения. Возникновение и развитие Суздальской Руси, Новгорода и Галича начинают уже собою новый период Русской Истории.

Колонизация Суздальской Руси.

В XII веке, когда вследствие княжеских усобиц и половецких опустошений начинается упадок Киевской Руси, неурядицы Киевской жизни вызывают передвижение населения от среднего Днепра на юг и северо-восток, от центра тогдашней Руси-Киева к ее

окраинамъ. На сѣверо-востокѣ русскіе переселенцы попадаютъ на новыя мѣста, въ страну съ инымъ географическимъ характеромъ, чѣмъ Поднѣпровье. Особенности этой страны обусловливаютъ и новыя черты въ физическомъ типѣ колонистовъ и новые соціальные и экономическіе порядки въ ихъ быту. Занятая на сѣверо-востокѣ мѣстность — это страна между верхнимъ теченіемъ Волги и Окой; природа ея совершенно разнится отъ Днѣпровской: ровная, плодородная почва здѣсь смѣняется суглинкомъ, болотами и первобытнымъ лѣсомъ. Хотя обиліе рѣчныхъ водъ замѣчается и здѣсь, но свойства рѣкъ различны: южная Русь имѣетъ большія рѣки, текущія въ громадномъ большинствѣ къ одному центру — къ Днѣпру; въ сѣверной Руси масса мелкихъ рѣчекъ, не имѣющихъ общаго центра, текущихъ по самымъ различнымъ направленіямъ. Климатъ сѣверо-восточной Руси вслѣдствіе обилія воды и лѣса суровѣе; почва требуетъ большихъ трудовъ для обработки. Первоначальными жителями сѣверо-восточной Руси были финскія племена: Меря и Мурома, о бытѣ которыхъ исторія не знаетъ ничего

достовѣрнаго. Изслѣдователь древнѣйшей
исторіи Суздальской Руси, проф. Корсаковъ
("Меря и Ростовское княжество", 1872г.) пробуетъ
возстановить бытъ Мери: 1) по указаніямъ
источниковъ, такъ какъ лѣтописи говорятъ о
первоначальныхъ жителяхъ этой страны,
рѣдко и очень мало, 2) по сравненію быта
теперешняго населенія губерній Московской,
Владимірской, Костромской и Ярославской
съ бытомъ жителей другихъ великорус=
особенности этого быта могутъ быть объясняемы бытомъ перво+
скихъ губерній; 3) по сравненію данныхъ
лѣтописи о бытѣ Мери и Муромы съ бытомъ
сосѣднихъ имъ и нынѣ существующихъ
финскихъ племенъ: Мордвы и Черемисъ.
Этнографія ихъ нѣсколько разработана и
жизнь этихъ племенъ можетъ съ нѣкото=
рой приближенностью дать основанія для
заключеній о жизни исчезнувшей ихъ родни;
4) по указаніямъ, добытымъ изъ раскопокъ,
на мѣстахъ поселенія Мери и Муромы; эти
раскопки, произведенныя здѣсь археолога=
ми: Савельевымъ и графомъ Уваровымъ даютъ
рядъ отрывочныхъ, правда, указаній на
особенности Мери и Мурома. Тщатель=
ныя изысканія Корсакова не привели къ
большимъ результатамъ: онъ указываетъ,
что Меря и Мурома – племена финскаго

+начальныхъ обитателей названныхъ губерній;

происхожденія, близкія по быту къ Мордвѣ; религія ихъ была не развита; политической организаціи не существовало; не было и городовъ; культура была на очень низкой ступени развитія, первенствующее значеніе принадлежало жрецамъ.
Колонизаціонное движеніе Руси по Волгѣ явленіе очень древнее: на первыхъ уже страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемся съ городами Суздалемъ и Ростовомъ, появившемися неизвѣстно когда. Откуда, т. е. изъ какихъ мѣстъ Руси первоначально шла колонизація въ Суздальскомъ краѣ можно догадаться потому, что Ростовъ всегда политически тянулъ къ Новгороду, составляя какъ-бы часть Новгородскаго княжества. Это даетъ поводъ предположить, что первыми колонистами на Волгѣ были Новгородцы, шедшіе на Востокъ, какъ и всѣ русскіе колонизаторы по рѣкамъ. Противъ такого предположенія возражаютъ, что Новгородъ отъ Волги и рѣкъ ея бассейна отдѣляется водораздѣлами (они - препятствіе для свободнаго передвиженія) и во 2) указываютъ на различіе нарѣчій Суздальскаго и Новгородскаго. Но противъ перваго положенія можно сказать, что водораздѣлы никогда не могутъ

задерживать переселенія, и второе объясняются историческими причинами; подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ условій, встрѣчи съ чуждымъ народомъ и языкомъ, въ языкѣ колонистовъ могли вырабатываться извѣстныя особенности. Во всякомъ случаѣ нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать, что первыми русскими колонистами въ Суздальской Руси могли быть Новгородцы. За то позднѣе главныя массы колонистовъ въ эту область двигались съ юга отъ Кіева. Сообщеніе Кіева съ Суздальской землей въ первые вѣка русской жизни совершалось кругомъ — по Днѣпру и верхней Волгѣ, потому что непроходимые лѣса Вятичей мѣшали отъ Днѣпра прямо проходить на Оку и только въ XII вѣкѣ являются попытки установить безопасный путь изъ Кіева къ Окѣ; эти попытки и трудности самого пути остались въ памяти народа въ разсказѣ былины о путешествіи Ильи Муромца изъ родного его села Карачарова въ Кіевъ. Со второй половины XII вѣка этотъ путь сквозь Вятичей устанавливается и начинается замѣтное оживленіе Суздальскаго княжества, туда прибываетъ населеніе, строятся города, — и

въ этой позднѣйшей поръ колонизаціи замѣчается любопытное явленіе; появляются на сѣверѣ географическія имена юга (Переяславль, Стародубъ, Галичъ, Трубежъ, Почайна), вѣрный признакъ, что население пришло съ юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпосъ. Фактъ, что былины южно русскаго цикла сохранились до нашихъ дней на сѣверѣ ясно показываетъ, что на сѣверъ перешли и сложившіе его.
Страна, въ кот. шли поселенцы своими особенностями вліяла на разселеніе колонистовъ. Рѣки, по которымъ селились колонисты не стягивали поселенія въ цѣлыя массы, а располагали ихъ отдѣльными группами. Городовъ было мало; господствующимъ типомъ селеній были деревни, такимъ образ. городской бытъ юга здѣсь замѣнился сельскимъ. Новые поселенцы, сидя на почвѣ не вполнѣ плодородной должны были заниматься, кромѣ земледѣлія еще лѣсными промыслами: угольничествомъ, лыкодерствомъ, бортничествомъ и пр., на это указываютъ и названія мѣстностей: Угольники, Смо-

лоречье, Деготино и т. д. Въ общемъ характеръ Суздальской Руси лежали крупныя различія сравнительно съ жизнью Кіевской Руси; изъ городской, торговой, она превратилась въ сельскую, земледѣльческую. Переселяясь въ Суздальскій край, Русскіе, какъ мы сказали, встрѣтились съ туземцами финскаго происхожденія. Слѣдствіемъ этой встрѣчи для финовъ было ихъ полное обрусѣніе. Мы не находимъ ихъ теперь на старыхъ мѣстахъ, но не знаемъ и объ ихъ выселеніи изъ Суздальской Руси, знаемъ, что Славяне не истребляли ихъ; значитъ, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, они потеряли національность, ассимилировались совершенно съ русскими поселенцами, какъ съ расой, болѣе цивилизованной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и для Славянскихъ переселенцевъ поселеніе въ новой обстановкѣ и смѣшеніе съ финнами не осталось и не могло-бы остаться безъ послѣдствій; во 1-хъ измѣнился ихъ говоръ, во 2-хъ совершилось нѣкоторое измѣненіе физіологическаго типа; въ 3-хъ измѣнился умственный и нравственный складъ поселенцевъ. Словомъ въ результатѣ явилось въ сѣверно-русскомъ населеніи нѣкоторая

особенности, создавшія изъ него особенную великорусскую народность.
Со времени Любецкаго съѣзда, съ начала XII в. судьба Суздальскаго края связывается съ родомъ Мономаха. Изъ Ростова и Суздаля образуется особое княжество и первымъ самостоятельнымъ княземъ Суздальскимъ является сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Очень скоро это вновь населяемое княжество становится сильнѣйшимъ среди другихъ странъ. Въ концѣ того-же XII вѣка Владиміро-Суздальскій князь, сынъ Юрія Долгорукаго — Всеволодъ III уже считается могущественнымъ князей, кот. по словамъ пѣвца: „Слово о Полку Игоревѣ", можетъ „Волгу веслы раскопити и Донъ шеломами вылъяти". Одновременно съ внѣшнимъ усиленіемъ Суздальскаго княжества, мы наблюдаемъ внутри самаго княжества слѣды созидающаго процесса: здѣсь слагается иной, чѣмъ на югѣ общественный строй. Въ XI и даже въ XII в. въ Суздальской Руси, какъ и на югѣ мы видимъ развитіе городскихъ общинъ (Ростовъ, Суздаль) съ ихъ вѣчевымъ бытомъ. Новые-же города въ этой странѣ возникаютъ съ иныхъ типомъ; разница между старыми и новыми городами та,

говоритъ Соловьевъ, что старые города, считая себя старше князя, смотрѣли на нихъ, какъ на пришельцевъ, а новые, обязанные имъ своимъ существованіемъ, естественно, видятъ въ нихъ своихъ строителей и ставятъ себя относительно нихъ — въ подчиненное положеніе". Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь на сѣверѣ князь часто первый занималъ мѣстность и искусственно привлекалъ въ нее новыхъ поселенниковъ, ставя имъ города или указывая пашню. Въ старину на югѣ бывало такъ, что пришельцемъ въ извѣстномъ городѣ былъ князь, а вѣче было исконнымъ владѣтелемъ городской земли; теперь на сѣверѣ пришельцемъ оказывалось населеніе, а первымъ владѣльцемъ земли — князь. Роли перемѣнились, должны были перемѣниться и отношенія. Какъ политическій властелинъ князь на сѣверѣ по старому управлялъ и законодательствовалъ; какъ первый заимщикъ земель онъ считалъ себя и свою семью сверхъ того — вотчинниками-хозяевами даннаго мѣста. Въ лицѣ князя произошло соединеніе двухъ категорій правъ на его землю: правъ политическаго владѣльца и правъ частнаго собственника. Власть князя стала шире и полнѣе. Съ этимъ

новымъ явленіемъ не могли примириться старые вѣчевые города. Между ними и княземъ происходила борьба; зачинщиками и руководителями городовъ въ этой борьбѣ были по мнѣнію Бѣляева и Корсакова „земскіе бояре". И въ южной Руси по Русской Правдѣ и лѣтописи мелькаютъ слѣды земской аристократіи, кот. состояла изъ земскихъ, а не княжескихъ бояръ, — градскихъ старцевъ. На сѣверѣ въ городахъ должна была быть такая-же аристократія съ землевладѣльческимъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, что „бояре" Новгородскіе, колонизуя востокъ, скупали себѣ въ Ростовской и Суздальской землѣ владѣнія, вызывали туда на свои земли работниковъ и составляли собою классъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ ихъ рукахъ, независимо отъ князя, сосредоточивалось вліяніе на вѣчѣ и вотъ съ этой-то землевладѣльческой аристократіей, съ этой силой, сидѣвшей въ старыхъ городахъ, приходилось бороться князьямъ. Въ новыхъ, построенныхъ князьями, городахъ, понятно, такой аристократіи не было. Борьба князей со старыми городами влечетъ за собою неминуемо и борьбу новыхъ городовъ со старыми. Эта борьба оканчивается

побѣдой князей, которые подчиняютъ себѣ старые города и возвышаютъ надъ ними новые. Полнота власти князя становится признаннымъ фактомъ. Князь не только носитель верховной власти въ странѣ, онъ ея наслѣдственный владѣлецъ, „вотчинникъ". На этомъ принципѣ вотчинности (патримоніальности) власти строятся всѣ общественныя отношенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „удѣльнаго порядка," и весьма несходныя съ порядкомъ Кіевской Руси.

Вліяніе татарской власти на Удѣльную Русь

Новый порядокъ едва обозначился въ Суздальской Руси, когда надъ этою Русью стала тяготѣть татарская власть. Эта случайность въ нашей исторіи не достаточно изучена для того, чтобы съ увѣренностью ясно и опредѣленно указать степень историческаго вліянія татарскаго ига. Одни ученые придаютъ этому вліянію большое значеніе, другіе—его вовсе отрицаютъ. Въ татарскомъ вліяніи прежде всего надо различать двѣ стороны: 1) вліяніе на государственное и общественное устройство древней Руси и 2) вліяніе на

ея культуру. Въ настоящую минуту насъ главнымъ образомъ должен занимать вопросъ о степени вліянія татаръ на политическій и соціальный строй. Эта степень можетъ быть нами угадана по измѣненіямъ: во 1-хъ въ порядкѣ княжескаго престолонаслѣдія; во 2-хъ, въ отношеніяхъ князей между собой, въ 3-хъ въ отношеніяхъ князей къ населенію. 1) Въ первомъ отношеніи замѣчаемъ, что порядокъ наслѣдованія великокняжескаго стола при татарахъ, въ первое столѣтіе ихъ власти (1240-1340), оставался тѣмъ-же, какимъ былъ до татаръ: это — родовой порядокъ съ нерѣдкими ограниченіями и нарушеніями. Великое княженіе оставалось неизмѣнно въ потомствѣ Всеволода Большого Гнѣзда въ линіи его сына Ярослава. Въ теченіе немногимъ болѣе 100 лѣтъ (1212-1328) тринадцать князей изъ четырехъ поколѣній было на великокняжескомъ столѣ и изъ нихъ только три князя захватили престолъ съ явнымъ беззаконіемъ мимо дядей или старшихъ братьевъ (сыновья Всеволода: 1) Юрій; 2) Константинъ; 3) опять Юрій, раньше сѣвшій не по старшинству; 4) Ярославъ; 5) Святославъ;

сыновья Ярослава Всеволодовича: 6) Михаилъ Хоробритъ, захватившій силою престолъ у дяди Святослава мимо своихъ старшихъ братьевъ; 7) Андрей; 8) Александръ Невскій, который былъ старше Андрея и со временемъ свергъ его; 9) Ярославъ Тверской; 10) Василій Костромской; сыновья Александра Невскаго: 11) Димитрій; 12) Андрей; 13) сынъ Ярослава Тверского Михаилъ; 14) внукъ Александра Невскаго - Юрій Даниловичъ; 15) внукъ Ярослава Тверского Александръ Михайловичъ; 16) внукъ Александра Невскаго Иванъ Даниловичъ Калита). Если обратимся къ до-татарскому періоду, въ такъ называемую Кіевскую Русь, то увидимъ тамъ однородный порядокъ и однородныя правонарушенія. Очевидно татарская власть ничего не измѣнила въ старомъ обычаѣ передачи столовъ и присвоила себѣ лишь право санкціонировать проявленія этого обычая. Мало того, и этимъ правомъ своимъ она какъ будто не дорожила и не всегда спѣшила его осуществлять: самоуправство князей оставалось подолгу ненаказаннымъ. Михаилъ Хоробритъ умеръ, владѣя великокняжескимъ столомъ, и не бывъ наказанъ за узурпацію влас-

ян. Попранныя имъ права дяди Святосла-
ва, санкціонированныя ранѣе татарами,
не были имъ возстановлены даже и тогда,
когда послѣ смерти [illegible] власть и
стольные города — Владиміръ и Кіевъ, выпро-
сили себѣ племянники Святослава, Андрей
и Александръ. Въ поколѣніи внуковъ и пра-
внуковъ Всеволода Большое Гнѣздо образовалась
даже такая повадка, которая явно изобли-
чаетъ слабость татарскаго авторитета и
вліянія: удѣльные князья неизмѣнно враждо-
вали съ утвержденнымъ татарами вели-
кимъ княземъ и старались, въ одиночку
или коллективно, ослабить его. Александръ
Невскій враждовалъ съ великимъ княземъ
Андреемъ Ярославичемъ, Василій Костром-
ской — съ великимъ княземъ Ярославомъ
Тверскимъ, Дмитрій Александровичъ — съ
великимъ княземъ Василіемъ Костромскимъ,
Андрей Александровичъ — съ великимъ кня-
埋земъ Дмитріемъ Александровичемъ и т. д.
Татары видѣли всѣ эти свары и усоби-
цы и не думали, что ихъ существованіе
подрываетъ на Руси значеніе татарской
власти; напротивъ, не слѣдуя никако-
му опредѣленному принципу въ этомъ
дѣлѣ, они смотрѣли на ссоры князей, какъ

на лишній источникъ дохода и цинично говорила князю: будешь великимъ, „если ты дашь выходъ (т. е. дань) больше", — если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались въ ордѣ, даже другъ съ другомъ: искали великаго княженія Михаилъ Тверской и Юрій Московскій, и Михаилъ посулилъ больше „выхода", чѣмъ Юрій; тогда Юрій „шедъ къ нему, рече: отче и брате, азъ слышу, яко хощеши больши дань наступити и землю Русскую погубити; сего ради азъ ти уступаю отчины моея, да не гибнетъ земля Русская насъ ради, — и шедше къ хану, объявиша ему о семъ; тогда ханъ даде ярлыкъ Михаилу на великое княженіе и отпусти и." Такимъ образ., татарская власть не могла что-либо установить или отмѣнить, такъ какъ не руководилась никакимъ сознательнымъ мотивомъ. Татары застали на Руси отживаніе родового наслѣдованія и зародыши семейно-вотчиннаго владѣнія; при нихъ одно продолжало отживать, другое продолжало развиваться и крѣпнуть, и нарушенія этого процесса, давно и глубоко измѣнявшаго основы общественной организаціи,

мы не замѣчаемъ. 2) Измѣненія въ отношеніяхъ сѣверорусскихъ князей другъ къ другу въ XIII и XIV вв. несомнѣнно происходятъ и по сравненію съ болѣе древнимъ порядкомъ мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторыя рѣзкія особенности, кот. многіе ученые приписываютъ татарскому игу; но всматриваясь внимательнѣе, мы замѣчаемъ, что причины, вызывавшія эти особенности, дѣйствовали въ русской землѣ и раньше татаръ. Къ этимъ особенностямъ принадлежатъ: 1) полное пренебреженіе родовымъ единствомъ; 2) передача владѣній отъ отца къ сыну, иначе — начало вотчиннаго наслѣдованія; 3) осѣданіе княжескихъ линій по волостямъ. Князья сѣверо-восточной Руси (первые — Ярославъ Тверской и Василій Костромской Ярославичи), добившись великокняжескаго престола, не идутъ изъ удѣла княжить во Владиміръ, а присоединяютъ его къ своему княжеству и управляютъ имъ изъ своихъ удѣловъ; 4) опредѣленіе междукняжескихъ отношеній договорами, въ которыхъ подробно изъясняются всѣ частности совмѣстной дѣятельности и степень зависимости одного князя отъ

другого. Всѣ исчисленныя особенности есть прямое слѣдствіе того вотчиннаго характера, какой усвоила себѣ княжеская власть съ самаго начала своей дѣятельности въ Суздальской землѣ. Довѣряя надзоръ за порядкомъ въ Русской землѣ старшему, великому князю, татары безъ призыва самихъ князей не имѣли ни поводовъ, ни желанія вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Наконецъ 3) и отношеніе князей къ населенію не подвергалось постоянному надзору и регламентаціи татарской власти, опредѣляясь тѣмъ-же принципомъ вотчинности. Полнота княжескаго авторитета могла, конечно, возрасти отъ того, что онъ опирался на татаръ, но существо княжеской власти оставалось то-же. Да и какъ татарское вліяніе на русскую жизнь могло быть значительно, если татары жили вдали, не смѣшивались съ русскими, являясь въ Россію только для сбора дани или въ видѣ войска, приводимаго большею частью русскими князьями для ихъ личной цѣли: этотъ обычай брать дружину у сосѣднихъ народовъ - обычай стародавній; еще въ X и XI вв. князья нанимали себѣ въ помощь Варяговъ, Половцевъ и т. д. Если и находятся слѣды вліянія татаръ въ админи-

страцiи, но внѣшнихъ прiемахъ управленiя, что они не велики и носятъ характеръ частныхъ отрывочныхъ заимствованiй; такiя заимствованiя были и отъ варяговъ, и изъ Византiи. Поэтому мы можемъ разсматривать внутреннюю жизнь русскаго общества въ XIII в. и далѣе, не обращая вниманiя на фактъ татарскаго ига и слѣдуя такимъ образомъ мыслямъ С. М. Соловьева, кот. съ особеннымъ удареніемъ говоритъ: „Историкъ не имѣетъ права съ половины XIII в. прерывать естественную нить событiй, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношенiй въ государственныя, и вставлять татарскiй перiодъ, выдвигать на первый планъ татаръ, татарскiя отношенiя, вслѣдствiе чего необходимо закрываются главныя явленiя, главныя причины этихъ явленiй (Ист. Россiи, т. I)

Ощутительно сказалось — не влiянiе татаръ, а самый фактъ ихъ господства надъ русской землей только въ томъ отношенiи, что содѣйствовалъ окончательному раздѣленiю Руси на двѣ половины: на сѣверо-восточную и юго-западную Русь, центромъ которой является Галичъ. Опаснымъ сосѣдомъ южной и западной Руси съ XIII вѣка ста-

новиться вмѣстѣ съ Поляками и Литва. Возвышеніе Литвы начинается съ княженія Миндовга, который, соединивъ подъ своею властью мелкія Литовскія племена, увеличилъ свое княжество присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сосѣднихъ слабыхъ княжествъ Западной Руси. Одновременно съ этимъ врагами сѣверо-западной Руси являются нѣмецкіе рыцари, основавшіе на берегахъ Балтійскаго моря два ордена: Меченосцевъ и Тевтоновъ, соединившихся потомъ въ одинъ. Придя сюда для обращенія Литвы въ христіанство помощью меча и путемъ ея порабощенія рыцарямъ, нѣмцы очень скоро столкнулись съ Русью. Они стали тревожить землю Псковскую и Новгородскую, однако получили сильный отпоръ. Героемъ борьбы съ нѣмцами въ Псковѣ является князь Довмонтъ, прибѣжавшій во Псковъ изъ Литвы, въ Новгородѣ — Александръ Невскій. Наблюдая одновременно съ появленіемъ татаръ на Руси наступательныя дѣйствія противъ Руси новыхъ пришельцевъ — рыцарей и старыхъ враговъ — Литвы, мы можемъ сказать, что XIII вѣкъ въ русской исторіи время созданія той внѣшней обстановки, въ которой многіе вѣка дѣйствовало русское

племя; въ XIII вѣкѣ являются тѣ враги, съ которыми Русь сравнительно недавно кончила борьбу. При такомъ значеніи вѣка и героями вѣка становятся именно тѣ люди, которые выдвинулись въ этой борьбѣ съ врагами: Александръ Невскій, Довмонтъ Псковскій и Даніилъ Галицкій.

Удѣльный бытъ Владимірской Руси.

Опредѣливъ наше отношеніе къ вопросу о татарскомъ вліяніи, мы можемъ обратиться къ изученію основныхъ отличій общественнаго быта въ періодъ удѣльный. Это періодъ, въ который сѣверо-восточная Русь раздробилась въ политическомъ отношеніи на независимые одинъ отъ другого удѣлы. За начало періода мы можемъ принять тотъ моментъ, когда князья начинаютъ усвоивать привычку, даже и владѣя Владиміромъ, жить въ своихъ удѣлахъ, а окончаніемъ періода можемъ считать княженіе Іоанна III, когда всѣ крупные удѣлы уже объединились подъ властью Москвы. Такимъ образ. удѣльный періодъ обнимаетъ время отъ XIII до конца XV вѣка, когда уже устанавливается единодержавіе. Что-же такое удѣлъ? По литературнымъ трудамъ вы составите себѣ понятіе объ удѣлѣ,

какъ о территоріи, находящейся въ потом=ственномъ владѣніи какой-либо княжеской семьи". Такое опредѣленіе наши изслѣдовате=ли даютъ удѣламъ только съ XIII вѣка, съ того времени, когда князья уже не переходятъ съ удѣла на удѣлъ, а осѣдаютъ въ одной ка=кой-нб. мѣстности и передаютъ свои тер=риторіи не въ родъ, а по завѣщанію своему личному усмотрѣнію. До XIII вѣка на югѣ мы видимъ волости, а не удѣлы. Однако необходимо оговориться, что термины „удѣ=льный", „удѣльно-вѣчевой" прилагаются иногда и къ разнымъ явленіямъ южно-русской жизни XI и XII вв., хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ правильно. Подъ удѣлами и удѣльнымъ періодомъ въ своемъ изло=женіи мы будемъ разумѣть княжескія владѣнія и всѣ особенности древней жизни только въ XIII и болѣе позднихъ вѣкахъ. Отличіями этого удѣльнаго періода являются: ослабленіе (а по взгляду нѣко=торыхъ и полное отсутствіе) государ=ственнаго единства и господство частно-правныхъ началъ во всѣхъ сферахъ тогда=шней жизни. Такая характеристика періо=да создалась на основаніи изслѣдованій трехъ преимущественно сторонъ удѣльнаго

быта, отличныхъ отъ быта Кіевской Руси: 1) отношеній князей къ подвластной территоріи и населенію, 2) отношеній князей между собою и 3) положенія общественныхъ классовъ. съ особенностью сравнительно съ болѣе раннимъ и болѣе позднимъ временемъ, Изслѣдованія этого періода, именно начались сравнительно недавно. Прежде не выдѣляли въ самостоятельный періодъ русской исторической жизни съ XIII по XV вѣкъ. Такъ Шлецеръ бралъ для характеристики этого времени чисто внѣшній фактъ порабощенія Татарами и называлъ Русь въ это время „Russia opressa". По представленію Карамзина, до Ивана III была одна эпоха „древнѣйшая" и „система удѣловъ была ея характеромъ". Первый указалъ особенности удѣльной эпохи С. М. Соловьевъ въ своей диссертаціи на магистра („Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ" М. 1845.) и еще больше развилъ свой взглядъ въ своей докторской диссертаціи 1847 года („Объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома"). Схема русской Исторіи, данная Соловьевымъ, намъ извѣстна; по его взгляду Кіевская Русь — родовая собственность князей, находящаяся въ общемъ ихъ владѣніи. Порядокъ владѣнія волостями тамъ обусловленъ родовыми счетами.

Политическое положеніе каждаго князя опредѣляется его положеніемъ въ родѣ, и нарушеніе этого положенія другими князьями ведетъ къ усобицамъ. Усобицы идутъ не за волости, потому что волости не принадлежатъ одному какому-либо князю, а за порядокъ владѣнія волостями. Но въ XII вѣкѣ начинается разложеніе родового порядка, благодаря младшимъ городамъ сѣверной Руси, которые, получая особаго князя, болѣе ему подчиняются, чѣмъ старые, старшіе города и позволяютъ князьямъ усилить свою власть. Князья, возвышая эти города въ ущербъ старымъ, смотрятъ на нихъ, какъ на собственность, устроенную ихъ личнымъ трудомъ и стараются ихъ, какъ личное владѣніе, передать въ семью, а не въ родъ. Благодаря этому родовое владѣніе падаетъ, родовое старшинство теряетъ значеніе и сила князя зависитъ не отъ родового значенія а отъ матеріальныхъ силъ и средствъ.[1] Каждый стремится усилить свои силы и средства увеличеніемъ своей земли, своего удѣла. Усобицы идутъ уже за землю и князья основываютъ свои притязанія

не на чувствѣ родового старшинства, а на своей фактической силѣ. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшаго въ родѣ князя. Теперь единства нѣтъ, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создалось. Везде только удѣлы, враждующіе за матеріальное преобладаніе. Происходитъ „борьба матеріальныхъ силъ". Изъ этой борьбы путемъ преобладанія Москвы рождается государственная связь. Итакъ, родъ, распаденіе рода и борьба матеріальныхъ силъ, государство — вотъ схема нашей исторіи. Въ ней три части. Средній періодъ — есть періодъ „удѣльный." По Соловьеву это переходной періодъ. Въ немъ нѣтъ государственнаго единства; каждый князь хозяинъ своего хозяйства; его политика руководится видами „личныхъ цѣлей съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей". Въ этомъ періодѣ конецъ кровныхъ связей, зарожденіе связи государственной.

Иначе смотритъ на дѣло К. Д. Кавелинъ. Въ своихъ трудахъ (Сочиненія, т. I и II) Кавелинъ вноситъ поправки къ историческимъ воззрѣніямъ Соловьева, и именно

о періодѣ удѣльномъ. По его мнѣнію, возвышеніе младшихъ городовъ фактъ случайный и не могъ имѣть вліянія на измѣненія въ гражданскомъ бытѣ. Князь-членъ рода естественно долженъ былъ обратиться [illegible] князем-хозяином вотчины. Крайнее развитіе княжескаго рода на Руси необходимо повело къ его разложенію и утратѣ родственныхъ связей. Родовой бытъ смѣнился естественно семейнымъ, родовое владѣніе перешло естественно въ личное. При дробности удѣловъ князья стали простыми вотчинниками-землевладѣльцами, „наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній; а удѣлы стали простыми вотчинами. Князья начали завѣщать эти вотчины, какъ простое имущество, а не какъ государственную территорію. Стало быть, родъ и родовое владѣніе естественно замѣнилось семьей и частной собственностью и результатомъ этой смѣны было паденіе политическаго единства, частный характеръ всей жизни и управленія. Потомъ, при этомъ господствѣ частнаго быта естественно

развивается личное начало и, воплощаясь въ личности Московскаго князя, создаетъ государственный порядокъ. Таковы черты удѣльнаго періода, изъ котораго вышло государство Московское: въ этомъ періодѣ - полное господство частныхъ началъ".
Чичеринъ въ статьѣ „Духовныя и договорныя грамоты князей" (въ его „Опытахъ по исторіи русскаго права") исходитъ изъ юридическихъ понятій права, желая опредѣлить физіономію удѣльнаго періода; онъ задаетъ вопросъ, на какомъ правѣ созидалась удѣльная жизнь. „Исходная точка гражданскаго права", говоритъ онъ, „есть лицо съ его частными отношеніями; исходная точка государственнаго права — общество, какъ единое цѣлое". Изученіе фактовъ удѣльной поры убѣждаетъ его, что въ удѣльной жизни господствовало право частное. Князья въ своихъ удѣлахъ не различали основаній, на которыхъ владѣли городами и всей территоріей удѣла, съ одной стороны, и какимъ-нб. мелкимъ предметомъ своего обихода, въ родѣ одежды и утвари, съ другой стороны. Въ своихъ частныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ они безразлично распоряжались

самыми различными предметами своего владѣнія. Междукняжескія отношенія регулировались договорами (а договоръ — фактъ частнаго права). Стало быть, ни въ отдѣльныхъ удѣлахъ, ни во всей русской землѣ не существовало ни государственной власти, ни государственныхъ понятій и отношеній въ средѣ князей; не было ихъ и въ отношеніяхъ князей къ населенію. Сословій тогда не было и каждый членъ общества связанъ былъ съ княземъ не государственными узами, а договорными отношеніями. Однимъ словомъ, удѣльное общество есть „общество, основанное на частномъ правѣ." Впослѣдствіи путемъ фактическаго преобладанія одного князя образуется единовластіе и государственный порядокъ.

Такимъ образомъ всѣ помянутые изслѣдователи историко-юридической школы въ сущности одинаково характеризовали удѣльный бытъ, какъ бытъ гражданскій, частный, лишенный государственныхъ установленій и понятій. Факты были собраны ими добросовѣстно, анализъ фактовъ былъ талантливъ. Но точка зрѣнія вызвала возраженія со мно=

гихъ сторонъ отъ людей разныхъ направленій.

Относительно удѣльнаго быта первый представилъ вѣскія возраженія профессоръ государственнаго права А. Д. Градовскій („Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи", т. I) По его мнѣнію удѣльные князья, завѣщая по духовнымъ (завѣщаніямъ) грамотамъ волости и села рядомъ, въ сущности передаютъ своимъ наслѣдникамъ разные предметы владѣнія въ волостяхъ (т. е. административныхъ округахъ) и селахъ. Села они передаютъ цѣликомъ, какъ полную собственность, а въ волостяхъ только доходы и право управленія завѣщаются ими потомству. Князья сознавали различіе своего владѣнія селомъ и волостью, и это служитъ для Градовскаго доказательствомъ, что въ удѣльномъ періодѣ существовали понятія, выходившія изъ сферы гражданскаго права и имѣвшія характеръ понятій государственныхъ. Эти замѣчанія Градовскаго вполнѣ раздѣляетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія, т. I) Онъ признаетъ существованіе двухъ категорій владѣнія, но думаетъ, что логика людей XIV–XV вв. не могла ихъ ясно

различать и формулировать.

Въ последнее десятилѣтіе въ нашей литературѣ мы встрѣчаемся съ новыми попытками дать цѣльную характеристику удѣльной эпохи въ замѣнъ отчасти подорванной характеристики историковъ-юристовъ. В. О. Ключевскій (въ трудѣ „Боярская дума") проводитъ рѣзкую грань между Русью Кіевской и Суздальской, сѣверо-восточной. На сѣверо-востокѣ иная почва и природа чѣмъ на югѣ, иной физіологическій и духовный складъ народности (великоруссы), иныя экономическія условія жизни, по этому иными становятся и формы общественнаго быта. Общество сѣверо-восточной Руси имѣетъ характеръ преимущественно сельскій, а князья приближаются къ типу простыхъ сельскихъ хозяевъ. „Приближеніе княжескаго владѣнія къ вотчинному владѣнію частнаго собственника", видно изъ двухъ признаковъ: удѣлы 1) завѣщаются женщинамъ и 2) управляются княжескими холопами. Это признаки боярскаго землевладѣнія въ древней Кіевской Руси. Но сдѣлавшись вотчинникомъ, князь остался и политической властью въ удѣлѣ: онъ сохранялъ такія права, какихъ

не имѣли другіе, простые вотчинники. Но эти верховныя права онъ понималъ не въ государственномъ смыслѣ, а какъ важныя статьи дохода, которыя иногда уступалъ и другимъ лицамъ въ видѣ льготы. Поэтому сѣверо-восточный удѣльный князь можетъ быть опредѣленъ, какъ „вотчинникъ съ правами государя, государь съ привычками вотчинника". Князь вполнѣ различалъ села отъ волостей по праву владѣнія, но вполнѣ ихъ смѣшивалъ по способу эксплоатаціи. Другая попытка характеристики удѣльнаго періода, сдѣланная И. Е. Забѣлинымъ (См. Истор. Вѣстникъ 1881 г. „Взглядъ на развитіе Московскаго самодержавія"), совершенно лишена черты юридическаго опредѣленія. Единственной связью русской земли въ удѣльномъ періодѣ, по мнѣнію Забѣлина, было чувство національнаго единства, жившее въ народѣ. Князья совершенно забыли это единство и заботились о своемъ только удѣлѣ. Лучшимъ княземъ считался тотъ, кто лучше хозяйничалъ, лучше устраивалъ свой удѣлъ, „собиралъ его". Князьями-собирателями назывались не тѣ князья, которые стремились къ единодержавію, а тѣ, которые лучше устраивали свое хозяйство. Такія

-хозяйственныя, экономическія наклонности князей явились отъ наклонности всего народа населенія, по преимуществу „посадскаго", „рабочаго и промышленнаго." Тѣхъ князей, кто лучше хозяйничалъ (т. е. князей Московскихъ) народныя стремленія постепенно поднимали на высоту національнаго государя. Таковы главнѣйшія оцѣнки удѣльнаго быта, существующія въ нашей литературѣ. Въ чему-же всѣ онѣ сходятся? Историко-юридическая школа дала намъ картину частнаго быта въ удѣльномъ періодѣ, понимала этотъ бытъ, какъ подготовительный или переходный къ государственному бытію. На основаніи воззрѣній этой школы, объ удѣлѣ мы можемъ сказать, что удѣлъ есть территорія, подчиненная князю на правѣ гражданскомъ, какъ частная земельная собственность, т. е. вотчина. Однако нѣкоторые изслѣдователи находили въ удѣльное время явленія и понятія государственнаго порядка и поэтому отрицали исключительное господство въ удѣлѣ частноправныхъ началъ. На основаніи ихъ воззрѣній мы можемъ сказать, что удѣлъ есть территорія, подчиненная князю

-наслѣдственно и управляемая имъ на основанiи началъ и государствен-наго и частнаго права, причемъ различiе этихъ началъ князьями чувствуется но въ практикѣ не проводится. Въ мнѣнiи Ключевскаго перевѣсъ на сторонѣ явленiй частнаго права. Хотя онъ признаетъ политическое значенiе за княжеской властью, но проявленiя этой власти считаетъ хозяйственно-административными прiемами, а не государственною дѣятельностью. На основанiи его воззрѣнiй мы можемъ сказать, что удѣлъ есть вотчина съ чертами государственнаго владѣнiя или государственное владѣнiе съ вотчиннымъ управленiемъ и бытомъ. Наконецъ, Забѣлинъ съ нацiонально-экономической (если можно такъ выразиться) точки зрѣнiя на удѣльную жизнь беретъ старое опредѣленiе удѣла, но этому опредѣленiю даетъ новую, не юридическую формулу. По его представленiю удѣлъ есть личное земельное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусскимъ племенемъ. Знакомясь со всѣми суще=

ствующими взглядами на удѣлъ, не трудно замѣтить, что у всѣхъ изслѣдователей принятъ одинъ терминъ для обозначенія существа удѣла. Этотъ терминъ — вотчина. Всѣ признаютъ, что этотъ терминъ возможенъ, но всѣ разно опредѣляютъ точность термина. Одни видятъ тождество удѣла и вотчины, другіе — только сходство (и то въ разной степени). Нетрудно понять и то, почему терминъ „вотчина" привился и имѣетъ право на существованіе: съ развитіемъ удѣльнаго порядка, при постоянномъ дробленіи удѣловъ между наслѣдниками, многіе удѣлы измельчали и фактически перешли въ простыя вотчины (какъ напр., многіе удѣлы Ярославской линіи князей, въ которыхъ не было ни одного городка и очень мало земли). Это обстоятельство измельчанія удѣловъ имѣетъ значеніе между тѣмъ и потому, что указываетъ на слабую сторону всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами теорій объ удѣльной эпохѣ. Онѣ какъ-бы забываютъ, что княжескія удѣльныя владѣнія были крайне разнообразны по размѣрамъ.

Одни изъ нихъ были незначительны настоль ко, что ничѣмъ не могли отличаться отъ частнаго владѣнія, а другія выростали въ громадныя области (Московскій удѣлъ въ XV в.) Эти послѣдніе удѣлы по своимъ размѣрамъ уже заставляютъ предполагать, что власть ихъ владѣтелей должна отличаться нѣкоторыми государственными чертами. Принимая это во вниманіе, мы такъ должны поставить опредѣленіе удѣла, чтобы избѣгнуть нѣкоторой неточности и неполноты и въ то-же время не впасть въ противорѣчіе съ установленными наукою взглядами. Кажется, мы достигнемъ этого, если скажемъ, что <u>удѣлъ сѣверо-восточнаго князя есть наслѣдственная земельная собственность князя, какъ политическаго владѣтеля</u> (какъ частный землевладѣлецъ, онъ владѣлъ селами), <u>собственность по типу управленія и быта подходящая къ простой вотчинѣ, а иногда и совсѣмъ въ нее переходящая.</u>

Разъ старинная княжеская „волость" замѣнилась „удѣломъ", которымъ князь владѣетъ, какъ собственностью, - всякой

основаніе политическаго единства исчезаетъ: князья уже не имѣютъ привычки вспоминать, что они „одного дѣда внуки" и что у нихъ долженъ быть старшій, который-бы „думалъ-гадалъ" о Русской землѣ. Только единство зависимости отъ татаръ оставалось у различныхъ княжескихъ семей, а въ остальномъ эти семьи жили особно. Каждая изъ нихъ, разростаясь, превращалась въ родъ и, пока родичи помнили о своемъ родствѣ, имѣла одного „великаго князя". Рядомъ съ великимъ княземъ Владимірскимъ были такіе-же въ Твери, Рязани и т. д. И отношенія между этими княжескими родами и семьями уже не имѣли ничего родственнаго и опредѣлялись договорами. Когда-же дробленіе княжескихъ родовъ и земель достигло полнаго развитія, договорами стали опредѣляться даже отношенія родныхъ братьевъ. И не трудно указать причины, по которымъ князья нуждались въ договорахъ. Какъ личные землевладѣльцы — собственники, интерес

которыхъ заключался въ увеличеніи лич=ной служебной собственности, князья заботились о примыслахъ, то есть, объ увеличеніи своего имущества, движи=маго и недвижимаго, на счетъ другихъ князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали для себя ту дань, которая собиралась на татаръ и иногда или вовсе, или частью не была имъ передаваема. Эти заботы о при=мыслахъ превращали князей въ хищни=ковъ, отъ которыхъ страдали инте=ресы ихъ соседей. Для этихъ соседей дого=воръ являлся средствомъ оградить свои интересы отъ насилія сильна=го и смелаго князя или привлече=ніемъ его въ союзъ или уступкою ему некоторыхъ правъ и выдачею обяза=тельствъ. Договорами определялись и взаимныя отношенія договаривав=шихся князей, и единство ихъ полити=ки по отношенію къ прочимъ княз=ьямъ и внешнимъ врагамъ Руси. Если князья договаривались, какъ равнопра=вные владетели, они называли себя „братьями“; если одинъ князь призна=

валъ другого сильнѣйшимъ или становился подъ его покровительство, онъ называлъ сильнѣйшаго „отцомъ" или „братомъ старѣйшимъ," а самъ назывался „братомъ молодшимъ". Владимірскій-Будановъ склоненъ думать, что междукняжескіе договоры, опредѣляя точно взаимныя отношенія сѣверно-русскихъ княжествъ, превращали эти княжества въ „сѣверно-русскій союзъ." Въ XIV и XV вв. являются въ договорахъ понятіе княжеской службы: служебный князь XV вѣка, не теряя фактически распоряженія вотчиной, становится мало по малу простымъ вотчинникомъ; по договорамъ можно прослѣдить, какъ мелкіе князья становятся все въ большую и большую зависимость отъ сильныхъ и наконецъ всѣ они переходятъ въ полную зависимость отъ одного Московскаго князя, причемъ мелкіе князья, передавая свои вотчины великому князю, сознательно передаютъ ему державныя права на ихъ вотчины, сохраняя въ то-же время въ этихъ вотчинахъ права частнаго

собственника.

Смѣшеніе началъ государственнаго и частнаго (съ преобладаніемъ послѣдняго), мы встрѣчаемъ и въ устройствѣ самаго удѣльнаго общества и въ отношеніи его къ князьямъ. Въ отношеніи къ князьямъ населеніе дѣлилось на людей служилыхъ, которые князю служатъ, и тяглыхъ, которые ему платятъ. (Это—термины позднѣйшихъ временъ эпохи Московскаго государства, но они могутъ быть употреблены въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ XIII и XIV вв. для обозначенія общественныхъ группъ не существовало опредѣленныхъ названій). Во главѣ служилыхъ людей стояли тѣ лица, которые участвовали въ княжеской администраціи. Первымъ лицемъ финансоваго управленія считался дворскій (дворецкій), управитель княжескаго двора. Въ попыткахъ точно опредѣлить значеніе дворскаго ученые расходятся. Одни говорятъ, что дворскій управлялъ вообще княжескимъ дворомъ, другіе, что онъ управлялъ только княжескимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Въ зависимости отъ дворскаго находились „казначеи" ключни=

ки" (тіуны), „посельскіе" (сельскіе приказчики). Должность казначея съ теченіемъ времени становилась почетнѣе и впослѣдствіи она сдѣлалась боярскою; въ эпоху болѣе древнюю и казначеи и ключники часто выбирались изъ холоповъ. Всѣ эти лица вѣдали дворцовое, т. е. частное княжеское хозяйство. Во главѣ-же правительственной администраціи находились бояре. Имъ давались въ управленіе города и волости. Управляющіе городомъ носили названіе „намѣстника", а управляющіе волостью-названіе „волостеля". Изъ городовъ и волостей непосредственно бояре извлекали не только доходы на князя, но и средства на свое содержаніе или „кормились" отъ населенія; отсюда самая ихъ должность носила названіе „кормленій", и такимъ образомъ провинціальное управленіе имѣло цѣлью скорѣй содержаніе княжескихъ слугъ, чѣмъ государственныя потребности. Что-же касается до участія бояръ въ дворцовомъ управленіи, то здѣсь мы встрѣчаемся съ терминомъ „путные бояре".

„Путемъ" называлась статья княжескаго дохода. Лицо, которому князь довѣрялъ управленіе „путемъ", называлось „путнымъ бояриномъ", если это былъ бояринъ, или „путникомъ". Кромѣ „путныхъ бояръ" мы встрѣчаемъ еще „введенныхъ" и „большихъ бояръ. Что значили эти термины точно до сихъ поръ не объяснено. Бояре составляли и думу князя и въ ней пользовались большимъ значеніемъ, не меньшимъ, чѣмъ въ Кіевской Руси. Люди, занимавшіе низшія ступени княжеской администраціи, извѣстны подъ именемъ „слугъ", „дѣтей боярскихъ" и „слугъ подъ дворскимъ"; послѣдніе не могли переходить, какъ бояре и слуги вольные на службу отъ одного князя къ другому, не теряя при этомъ своей земли. Вообще-же княжескіе слуги находились въ двоякомъ отношеніи къ князю: они были или холопы князя или-же вольные его слуги, которые имѣли право перехода на службу отъ одного князя къ другому, сохраняя при этомъ за собой свои земли въ томъ удѣлѣ,

откуда уходили. Только въ одномъ случаѣ бояре были безусловно обязаны службой тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась ихъ земля: если городъ, въ области котораго лежала вотчина боярина былъ въ осадѣ, то бояринъ былъ обязанъ помочь осажденному городу. Князь, имѣя такихъ вольныхъ слугъ, долженъ былъ имъ дать вознагражденіе или жалованьемъ или корменіемъ. Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія, существовало другое обезпеченіе — „помѣстьемъ". Помѣстьемъ называлась земля, данная во владѣніе княземъ его слугѣ условно, т. е. до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба. Вопросъ о времени и порядкѣ возникновенія помѣстій не рѣшенъ. Извѣстно, что въ XIV в. помѣстья уже были, что видно между прочимъ изъ завѣщанія Іоанна Калиты. О происхожденіи системы помѣстій существуютъ различныя мнѣнія. Старые ученые (Неволинъ) смѣшивали „<u>корменія</u>" и „<u>помѣстья</u>" въ одинъ видъ условнаго владѣнія и говорили, что помѣстья

произошли отъ кормленія; но между тѣмъ и другимъ существуетъ громадная разница: въ кормленіе давались области на правѣ публичномъ, т. е. давалось право сбора дани за обязанность управленія. Помѣстье же давалось на частномъ правѣ, какъ владѣніе за службу лица, изъ селъ, принадлежавшихъ лично князю.

Люди, не принадлежавшіе къ служилому сословію, т. е. люди „тяглые", раздѣлялись на <u>купцовъ</u> или <u>гостей</u> и людей „черныхъ", „численныхъ" позднѣе „крестьянъ". Купцовъ въ сѣверо-восточной Руси было немного, такъ какъ торговля не была особенно развита и они не были особымъ сословіемъ съ извѣстными юридическими признаками; купцомъ могъ быть всякій по желанію. Люди черные или численные жили или на своихъ собственныхъ земляхъ, или на земляхъ владѣльческихъ (т. е., монастырскихъ, боярскихъ) или-же на княжескихъ земляхъ, такъ называемыхъ „черныхъ". Крестьяне на черныхъ земляхъ пла-

тили за пользованіе его князю дань и оброкъ; крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, платя подати князю, въ тоже время платили оброкъ и землевладѣльцу деньгами, натурой или барщиной и пользовались правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Новгородъ.

Центромъ исторической жизни сѣверной Руси въ удѣльный періодъ, кромѣ Суздальскаго княжества, былъ Новгородъ. Онъ представлялъ собою цѣлое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее въ упадокъ, благодаря внутреннимъ неурядицамъ. Вслѣдствіе оригинальныхъ особенностей своей жизни, которыми онъ такъ отличался отъ другихъ русскихъ областей, Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, такъ что мы имѣемъ обширную литературу, посвященную его исторіи. Важнѣе прочихъ труды Бѣляева „Исторія Новгорода Великаго" въ его „Разсказахъ по Русской Исторіи", книга 2; Костомарова „Сѣвернорусскія

народоправства", въ его „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ", тт. VII и VIII; Пассека: „Новгородъ самъ въ себѣ" въ „чтеніяхъ Имп. Общ. исторіи и древностей", 1869 г. кн. IV и въ сборникѣ Пассека: „Изслѣдованія въ области Русской Исторіи" М. 1870 г.. Никитскаго: а) „Очеркъ внутренней исторіи Пскова" СПб. 1873; б) „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ В. Новгородѣ", СПб. 1879 и в) „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода" М. 1893 г.

О племени, издревле населявшемъ Новгородъ существуетъ много разныхъ мнѣній. Нѣкоторые ученые, какъ напр. Бѣляевъ, Иловайскій, считаютъ новгородскихъ славянъ тождественными съ Кривичами, жившими въ областяхъ Полоцкой и Смоленской. Костомаровъ считаетъ ихъ южнорусскими, такъ какъ говоръ новгородскихъ жителей сходенъ съ южнорусскимъ. Гильфердингъ сближалъ Новгородскихъ славянъ съ

Балтійскими. Мѣстность, заселенная Новгородскими Славянами была болотиста, лѣсиста и мало плодородна, вслѣдствіе чего въ этомъ краѣ развилась торговля, промышленность и колонизація; этому много способствовалъ и энергичный, смѣлый и предпріимчивый характеръ населенія, близость судоходныхъ рѣкъ и положеніе Новгорода на главномъ торговомъ пути „изъ Варягъ въ Греки". Главнымъ городомъ Новгородскихъ Славянъ былъ Новгородъ. Вопросъ о времени его происхожденія и существованія очень теменъ. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" есть извѣстіе о томъ, что Новгородъ стоялъ во главѣ племенъ, призвавшихъ варяговъ, слѣдовательно въ IX вѣкѣ онъ уже достигъ большой вліятельности и силы. Существуетъ мнѣніе, что Новгородъ выросъ изъ старыхъ отдѣльныхъ поселеній, которыя потомъ получили названіе „концевъ". Городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова недалеко отъ озера Ильменя. Волхо=

вымъ Новгородъ дѣлился на двѣ „стороны": одна изъ нихъ — восточная носила названіе „торговой" отъ находящагося тамъ рынка, другая „Софійской" отъ храма во имя св. Софіи. Укрѣпленіемъ Новгорода служилъ „дѣтинецъ" или кремль. Стороны дѣлились на пять „концевъ" Концы, по всей вѣроятности, были первоначально отдѣльными слободами, а такъ какъ населеніе постепенно двигалось къ центру, то то мѣсто, которое было слободой, становилось концемъ населеній. То, что концы могли быть отдѣльными, самостоятельными слободами, подтверждается ихъ особымъ управленіемъ и частыми, враждебными столкновеніями между ними. Кругомъ Новгорода лежали громадныя пространства земли, принадлежавшія Новгороду и называвшіяся „землею св. Софіи". Эта земля дѣлилась на пятины и области. Число пятинъ соотвѣтствовало числу концевъ. Къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера лежала пятина

Обонежская, къ сѣверо-западу между Волховымъ и Лугой Водьская, къ юго-востоку, между Метой и Ловатью пятина Деревская, къ юго-западу, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони — Шелонская, наконецъ, на юго-востокъ простиралась пятина Бѣжецкая. Въ пятинахъ находились пригороды Новгорода: Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды находились въ зависимости отъ Новгорода, принимали участіе въ его дѣлахъ и призывались на Новгородскія вѣча; изъ нихъ только Псковъ въ XIV в. достигъ государственной независимости и сталъ называться „младшимъ братомъ Новгорода". За пятинами находились Новгородскія „волости" или „земли", имѣвшія отличное отъ пятинъ устройство; число ихъ въ разное время ~~было раз-ное въ время~~ было различно. Среди нихъ самое видное мѣсто занимало Заволочье, лежащее за водораздѣломъ бассейна Онеги, и Двины

и Волги. Къ востоку простиралась „Пермская" земля, лежащая по рѣкѣ Вычегдѣ и Камѣ; къ сѣверо-востоку отъ Заволочья и Пермской земли находилась волость „Печора", расположенная по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Урала и Печоры. По другую сторону Уральскаго хребта находилась земля Югра, а на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря земля Терская.

Ходъ обособленія Новгорода и условія, создавшія особенности Новгородской жизни. — Если мы всмотримся въ исторію Новгорода, то замѣтимъ такія особенности новгородской жизни, которыхъ нѣтъ въ южной Руси. Первоначально Новгородъ былъ въ томъ-же отношеніи къ великому князю, какъ и другіе города. При переселеніи изъ Новгорода въ Кіевъ Олегъ обложилъ его данью въ триста гривенъ и назначилъ тамъ посадника; при слѣдующихъ князьяхъ положеніе Новгорода было одинаково съ положеніемъ прочихъ городовъ древней Руси и это продолжалося

до XII вѣка. Съ половины-же XII вѣка мы встрѣчаемъ въ Новгородской жизни рядъ явленій, существенно отличающихъ ее отъ жизни другихъ областей. Отдѣльность отъ Кіева заставляетъ князей считать Новгородъ въ числѣ не самыхъ важныхъ волостей и такимъ образомъ Новгородъ, не будучи предметомъ княжескихъ распрей мало по малу освобождался отъ давленія князя и дружины и могъ на просторѣ развивать свой бытъ. Неплодородіе почвы заставило Новгородцевъ искать занятій помимо земледѣлія вслѣдствіе чего, какъ уже выше было сказано, въ Новгородѣ сильно была развита промышленность и торговля, обогащившая Новгородъ. О торговомъ значеніи Новгорода мы имѣемъ очень различныя извѣстія въ лѣтописи. Объ обширности торговыхъ сношеній Новгорода свидѣтельствуютъ многочисленныя восточныя монеты, находимыя въ новгородскихъ мѣстахъ. Новгородъ торговалъ и съ Греціей и съ Западомъ. Когда торговое значеніе балтійскихъ

славянъ перешло къ острову Готланду, тогда Новгородъ велъ съ нимъ торговлю, а въ XIII в., когда торговое преобладаніе перешло къ ганзейскому городу Любеку, тогда Новгородцы помимо Готланда завели торговыя сношенія и съ нѣмцами, на что указываютъ дошедшіе до насъ договоры, въ которыхъ опредѣляются отношенія нѣмецкихъ, готландскихъ и русскихъ купцовъ. При постоянно возростающемъ торговомъ могуществѣ Новгорода, распри князей изъ-за удѣловъ и ихъ частая смѣна въ Новгородѣ уронила ихъ авторитетъ передъ Новгородцами и дала возможность окрѣпнуть и узакониться двумъ особенностямъ новгородской жизни, помогшимъ политическому обособленію Новгорода; договорамъ съ князьями и особому характеру выборной администраціи. Ряды съ князьями, имѣвшія цѣлью опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, скрѣпляемыя обыкновенно простымъ цѣлованіемъ мы встрѣчаемъ еще въ XII в., хотя

условій этихъ договоровъ до второй половины XIII в. не знаемъ. Такъ, напр. до насъ дошло извѣстіе о рядѣ Всеволода Гавріила въ 1132 г. Въ 1218 г. когда Новгородцы на мѣсто Мстислава Удалаго, князя Торопецкаго, призвали Святослава Смоленскаго, то послѣдній потребовалъ смѣны посадника Твердислава „безъ вины", какъ онъ объяснялъ. Тогда Новгородцы замѣтили ему, что онъ цѣловалъ крестъ безъ вины мужа должности не лишать. Изъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотъ съ Ярославомъ Тверскимъ въ 1264-65 г. и 1270 годахъ мы можемъ вполнѣ опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, степень его власти и кругъ его дѣятельности. Князь не могъ управлять иначе, какъ подъ контролемъ посадника; получая опредѣленный доходъ онъ и его дружина не имѣли права пріобрѣтать въ собственность земли и людей. Право суда было тоже точно опредѣлено: князь долженъ былъ судить въ Новгородѣ и съ содѣйствіемъ посадника. Кромѣ того

князь обязанъ былъ не только давать льготы для торговли новгородскимъ купцамъ въ его удѣлъ, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положеніе князя зависѣло отъ силы партіи, которая его призвала, отъ отсутствія сильныхъ соперниковъ и отъ личности самого князя. Помощникъ князя въ управленіи „посадникъ" при первыхъ князьяхъ назначался княземъ и служилъ представителемъ его интересовъ передъ новгородцами. Съ половины XII в. мы замѣчаемъ обратно: посадникъ уже избирается новгородцами и служитъ представителемъ Новгорода передъ княземъ. Около этого времени и должность тысяцкаго становится выборной. Въ управленіи Новгорода большое значеніе имѣетъ епископъ (позднѣе архіепископъ) — высшее духовное лицо. До XII в. епископъ назначался митрополитомъ изъ Кіева, такъ какъ Новгородъ въ это время находился въ зависимости отъ Кіева, а въ 1156 г. Новгородцы,

сами избравъ Аркадія - уже независимо, послали его въ Кіевъ для посвященія и затѣмъ удержали этотъ порядокъ. Епископовъ выбирали обыкновенно по жребію, причемъ три жребія съ именами трехъ намѣченныхъ въ іерархи лицъ клали на престолъ въ храмѣ св. Софіи и давали мальчику или слѣпому взять изъ нихъ; чей жребій оставался, тотъ считался избраннымъ Божьей волей и посылался на утвержденіе Кіевскаго митрополита. Такимъ образомъ путемъ рядовъ и установленіемъ выборныхъ властей Новгородъ выдѣлился политическимъ устройствомъ изъ ряда другихъ областей. Высшимъ политическимъ органомъ въ Новгородѣ стало съ этихъ поръ вѣче, а не княжеская власть, какъ въ то время въ сѣверо-восточной Руси.

Устройство и управленіе. Новгородское вѣче по своему происхожденію было учрежденіемъ однороднымъ съ вѣчами другихъ русскихъ городовъ, только сложившимся въ болѣе выработанныя

занныя формы; но оно тѣмъ не менѣе было вполнѣ благоустроеннымъ, постоянно дѣйствующимъ политическимъ органомъ. Вѣче созывалось не періодически а тогда, когда въ немъ была надобность, княземъ, посадникомъ или тысяцкимъ на торговой сторонѣ города, на Ярославскомъ дворѣ. Состояло оно изъ жителей какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ; ограниченій въ средѣ новгородскихъ граждан не было, всякій свободный и самостоятельный человѣкъ могъ идти на вѣче и возвышать тамъ свой голосъ. Вопросы, подлежащіе обсужденію вѣча предлагались съ высокаго мѣста, называемаго „степенью", посадникомъ или тысяцкимъ; эти вопросы были законодательнаго, административнаго или судебнаго характера. Вѣче призываетъ князей, изгоняетъ ихъ и судитъ, избираетъ посадниковъ и владыкъ, рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, поставляетъ новые законы. Правильнаго голосованія на вѣчѣ не было; рѣшеніе составлялось на глазъ

по большинству криковъ. Часто въ случаѣ несогласія вѣче раздѣлялось на партіи и сильнѣйшая силой заставляла согласиться слабѣйшую. Иногда, какъ результатъ распри созывалось два вѣча: одно на Торговой, другое на Софійской сторонѣ; раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту и только вмѣшательство духовенства предупреждало кровопролитіе. При такомъ устройствѣ вѣча ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящіе на очереди вопросы, ни создавать законопроэкты; нужено было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало-бы важнѣйшіе вопросы, подлежащіе рѣшенію вѣча. Такимъ учрежденіемъ былъ въ Новгородѣ особый правительственный совѣтъ, называемый нѣмцами „Herren", „совѣтъ господъ", такъ какъ этотъ правительственный совѣтъ состоялъ изъ старыхъ и степенныхъ посадниковъ, тысяцкихъ и сотскихъ и носилъ аристократическій характеръ; число его членовъ въ XV в. доходило до пятидесяти. Указанія на существованіе такого совѣта въ научной лит-е

ратуръ появилось недавно; долгое время историки и не подозрѣвали о его существованіи, такъ какъ это учрежденіе никогда не получило правильнаго юридическаго устройства. Честь его изслѣдованія принадлежитъ Никитскому.

Главной исполнительной властью въ Новгородѣ былъ „посадникъ". Посадникъ пользовался большимъ значеніемъ; какъ представитель города онъ охранялъ интересы его передъ княземъ. Безъ него князь не могъ судить Новгородцевъ и раздавать волости; въ отсутствіи князя онъ управлялъ городомъ, онъ часто предводительствовалъ войсками и велъ дипломатическіе переговоры отъ имени Новгорода. Опредѣленнаго срока службы для посадника не было; онъ правилъ, пока его не отставляло вѣче и его отставка значила, что партія, представителемъ которой онъ былъ, потерпѣла пораженіе на вѣчѣ. Въ посадники могъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ Новгорода, но на практикѣ видно, что должность посадника сосредоточивалась въ небольшомъ числѣ цвѣту=

ныхъ боярскихъ фамилій; такъ въ XIII и XIV вв. изъ одного рода Михаила Степановича избрано было 12 посадниковъ.
Посадникъ не получалъ опредѣленнаго жалованья, но пользовался извѣстнымъ доходомъ съ волостей, наз. „поралье". Рядомъ съ посадникомъ видимъ другого важнаго новгородскаго сановника „тысяцкаго."
Характеръ власти тысяцкаго теменъ, нѣмцы называютъ его „Herzog", должно быть это власть военная, на это намекаетъ и русское названіе „тысяцкій", т. е. представитель городского полка, называемаго тысячей. Онъ, насколько можно судить, является представителемъ низшихъ классовъ новгородскаго общества, въ противоположность посаднику.
Городская тысяча дѣлилась на сотни съ сотскими во главѣ, которые подчинялись тысяцкому. Кромѣ посадника, тысяцкаго и сотниковъ въ Новгородѣ замѣчаемъ еще территоріальныя власти - это старосты концевъ и улицъ, а концы и улицы представляли собою автономныя административныя единицы. Что касается до областнаго

жизни Новгорода, то вопросъ объ управленіи областей очень служенъ. Всѣ пятины Новгорода за исключеніемъ Бѣжецкой, своими предѣлами доходятъ до Новгорода; на основаніи этого можно предположить, что Новгородскія пятины первоначально были маленькія области, примыкавшія къ концамъ и управляющіяся кончатскими старостами. Съ распространеніемъ новгородскихъ завоеваній каждая завоеванная область приписывалась къ тому или другому концу, такъ что увеличеніе нов. городской территоріи шло въ даль отъ Новгорода по радіусамъ окружности. Но нельзя скрыть, что это предположеніе гадательное, основанное на совпаденіи числа пятинъ и концевъ и на аналогіи со Псковомъ, гдѣ всѣ пригороды были приписаны къ городскимъ концамъ. Что касается до документальныхъ свидѣтельствъ, то они заключаются въ одномъ темномъ мѣстѣ записокъ Герберштейна о Россіи. Герберштейнъ говоритъ о Новгородѣ, что Новгородъ имѣлъ обширную область, раздѣлен=

ную на пять частей (latissimam ditionem, in quinque partes distributam habebat) далѣе онъ говоритъ, что каждая изъ нихъ вѣдалась у своего начальника и житель могъ заключать сдѣлки только въ своей части (in sua duntaxat civitatis regione). Здѣсь являются два мѣста, трудно переводимыя: во первыхъ, какимъ словомъ надо перевести „ditio"? территорія, занимаемая государствомъ?, мѣсто, занимаемое городомъ? или государственная власть, какъ это слово понималось въ классической латыни? и во вторыхъ, что надо понимать подъ словомъ „civitas"? - городъ или государство? Что касается до толкованія этого мѣста Герберштейна въ русской наукѣ, то мнѣнія расходятся. Неволинъ, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ подъ нимъ понимаютъ только городъ, а Ключевскій и Замысловскій склонны видѣть здѣсь всю Новгородскую территорію. Такимъ образомъ вопросъ объ управленіи пятинъ остается нерѣшеннымъ. Что касается до новгородскихъ пригородовъ, волостей, то извѣстно,

что Новгородъ представлялъ имъ пол=ную внутреннюю самостоятельность; такъ одинъ изъ пригородовъ Новгоро=да-Псковъ, имѣлъ своего князя и пра=во суда, а примѣръ Двинской земли съ ея собственными князьями гово=ритъ намъ о малой зависимости отъ Новгорода и его волостей. Такимъ образомъ политической формой Новго=родской жизни была демократи=ческая республика; демократичес=кая потому, что верховная власть принадлежала вѣчу, куда имѣлъ доступъ всякій свободный новго=родскій гражданинъ; Но хотя все сво=бодное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и судѣ, тѣмъ не менѣе оно, при полномъ политичес=комъ равенствѣ, представляется намъ раздѣленнымъ на слои и клас=сы. Въ основу этого дѣленія легло экономическое неравенство. Оно, соз=давъ сильную аристократію, имѣло важное вліяніе на развитіе и паденіе Новгорода; при немъ и оказалось влія=ніе дол... образомъ и полити=

ческое равенство.

Сословія Великаго Новгорода. Дѣлилось Новгородское населеніе на лучшихъ и меньшихъ людей. Меньшіе не были меньшими по политическимъ правамъ, а лишь по экономическому положенію и фактическому значенію. Экономическимъ неравенствомъ при полномъ равенствѣ юридическомъ и обусловливаются новгородскія смуты, начиная съ XIV столѣтія; подъ экономическимъ давленіемъ высшихъ слоевъ масса не могла пользоваться своими политическими правами, являлось противорѣчіе права и факта, что дразнило народъ и побуждало его къ смутамъ. Въ болѣе раннюю пору новгородской исторіи, как это видно по лѣтописямъ, смуты возникали изъ-за призванія князей: князья, призываемые въ Новгородъ, должны были открыть Новгородцамъ, по замѣчанію Пассека, торговлю въ другихъ частяхъ Руси и при призваніи князя принималось въ разсчетъ: какая область всего удобнѣе для новгородской торговли, при этомъ сталкивались интересы новгородской

аристократіи и крупныхъ новгородскихъ торговцевъ. Такимъ образомъ до XIV в. смуты возникали изъ-за торговыхъ интересовъ и происходили въ высшихъ классахъ. Но въ XIV в. обстоятельства перемѣнились; усиленіе Москвы съ одной стороны и Литвы съ другой, уменьшивъ число князей, упростило вопросъ о призваніи князей и онъ перестал быть источникомъ смутъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XIV в. сильно увеличилась въ Новгородѣ разница состояній, вслѣдствіе чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характеръ: мотивы торгово-политическіе смѣнились экономическими. Эти-то смуты и содѣйствовали полному упадку Новгородскаго государства.

Кромѣ общаго раздѣленія на лучшихъ и меньшихъ людей, встрѣчаемъ дѣленіе Новгородскаго населенія на три класса: высшій классъ — бояре, средній — житые люди и купцы и низшій — черные люди. Во главѣ новгородскаго общества стояли бояре; это были

крупные капиталисты и землевладѣльцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участія въ торговлѣ, но ссужая своими капиталами купцовъ, торговали черезъ другихъ и такимъ образомъ стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ Новгорода. Многихъ ученыхъ занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ явилось боярство, которое въ древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, въ томъ краю, гдѣ княжеская власть была всегда слаба. Бѣляевъ объясняетъ его происхожденіе развитіемъ личнаго землевладѣнія; образованіе большихъ боярскихъ вотчинъ онъ относитъ еще къ тому времени, когда Новгородъ не обособился отъ остальной Руси; Ключевскій-же говоритъ, что новгородское боярство вышло изъ того-же источника, какъ и въ другихъ областяхъ; этимъ источникомъ была служба къ князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя; князья, пріѣзжая въ Новгородъ, назначали тысяцкихъ и посадниковъ, по его мнѣнію изъ туземцевъ, которые пріобрѣтаютъ сами

боярина, сохраняющій его за собой и передающій потомству. Кажется, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому мнѣнію. Слѣдующій классъ составляли „житые люди". По мнѣнію однихъ это новгородскіе землевладѣльцы, по мнѣнію другихъ — средніе капиталисты, живущіе процентами со своихъ капиталовъ. За ними слѣдовали купцы, главное занятіе которыхъ была торговля. Купцы дѣлились на сотни и основывали купеческія компаніи, куда принимали внесшихъ 50 гривенъ серебра; каждый членъ такого купеческаго общества въ своихъ торговыхъ оборотахъ пользовался поддержкой своей общины. Вся остальная масса народу носила названіе „черныхъ людей". Къ нимъ принадлежали живущіе въ городахъ ремесленниками и рабочіе и живущіе въ погостахъ — смерды и земцы.
Подъ земцами, какъ кажется, слѣдуетъ подразумѣвать мелкихъ землевладѣльцевъ, а что касается до смердовъ, то по мнѣнію Костомарова, это были безземельные люди, а по мнѣнію Бестужева-Рюмина — все сельское насе-

леніе новгородской области. Противорѣчіе экономическаго устройства новгородской земли политическому, какъ сказано выше, было причиною смутъ Новгорода и ускорило паденіе его вѣчевой жизни. Въ XV в. управленіе фактически перешло въ руки немногихъ бояръ, вѣче превратилось въ игрушку немногихъ боярскихъ фамилій, которыя подкупами и вліяніемъ составляли себѣ большую партію на вѣчѣ, изъ такъ наз. „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ" и заставляли ихъ дѣйствовать въ свою пользу; такимъ образомъ съ теченіемъ времени новгородское устройство выродилось въ охлократію, которая прикрывала собою олигархію. Другой причиной политической слабости Новгорода, кромѣ внутренняго сословнаго разлада, было равнодушіе областей къ судьбѣ главнаго города, вслѣдствіе чего, когда Москва стала думать о подчиненіи Новгородской области, она незамѣтно достигла этого подчиненія и не встрѣтила крѣпкаго отпора со стороны новгородскаго населенія. Такимъ образомъ

причиной паденія Новгорода было не только внѣшняя, [не усиленіе Моск. государ.] а и внутренняя: если-бы не было Москвы, Новгородъ сталъ-бы жертвою много соседа; его паденіе было неизбѣжно, потому что онъ самъ въ себѣ росщилъ сѣмена разложенія.

Псковъ

Псковъ, одинъ изъ пригородовъ Новгорода, расположенный на концѣ Новгородскихъ владѣній, на границѣ Руси и Литвы, по соседству съ нѣмцами, игралъ роль передового русскаго поста на западѣ и добросовѣстно исполнялъ свою задачу: задержать нѣмцевъ въ ихъ движеніи на русскія земли. Псковъ по своему внутреннему устройству подходилъ къ Новгороду: тоже вѣче, какъ господствующій органъ правленія; та-же посадническая власть (два посадника) подобныя Новгородскимъ сословныя дѣленія; только Псковъ былъ централизованнѣе и демократичнѣе. А это вмѣстѣ съ мѣстными особенностями жизни дало другое содержаніе исторіи Пскова. Псковъ, какъ городъ съ малой территоріей, достигъ централизаціи въ управленіи, которой

не могъ достигнуть Новгорода. Пригороды Пскова были или административные или военные посты, которые выставлялъ Псковъ на Литовской границѣ, но эти пригороды не имѣли самостоятельности, Псковъ настолько владѣлъ ими, что переносилъ съ мѣста на мѣсто и налагалъ наказаніе на нихъ. Благодаря малой территоріи боярское владѣніе не достигло въ Псковской землѣ такихъ размѣровъ, какъ въ Новгородѣ, вслѣдствіе чего не было большой разницы состояній, низшіе классы не находились въ такой зависимости отъ высшихъ, а боярскій классъ не былъ такимъ замкнутымъ, какъ въ Новгородѣ. Съ другой стороны бояре не держали въ своихъ рукахъ политическую судьбу Пскова, какъ это было въ Новгородѣ. Вѣче, которое въ Псковѣ было мирнымъ, избирало обыкновенно двухъ посадниковъ, (въ Новгородѣ-же вѣче избирало только одного посадника) часто ихъ смѣняло и усиленнѣе контролировало. Все общество во Псковѣ имѣло болѣе демократическій складъ съ преобладаніемъ

среднихъ классовъ надъ высшими. Того внутренняго разлада, который сгубилъ Новгородъ, во Псковѣ не было. Самостоятельность Пскова пала жертвою не внутреннихъ болѣзней Пскова, а внѣшнихъ причинъ, отъ усиленія Москвы, которымъ выражалось стремленіе великорусскаго племени къ государственному объединенію.

Литва

Рядомъ съ расцвѣтомъ политической жизни въ Новгородѣ и Суздальско-Владимірской Руси мы замѣчаемъ оживленіе и усиленіе Волыни и особенно Галича. „Центръ жизни перешелъ въ Руси южной отъ Днѣпра къ Карпатамъ", говоритъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ. „Это перенесеніе средоточія исторической жизни становилось замѣтнымъ уже давно: хотя князья продолжали добиваться Кіева и передъ самымъ взятіемъ его татарами велись изъ-за него распри,... но, несмотря на эти распри Кіевъ уже упалъ еще послѣ взятія его войсками Боголюбскаго" (1169)...., „Жизнь историческая нашла себѣ новое русло, русломъ этимъ

была земля Галицкая"... Но Мономахо=
вичамъ, утвердившимся на Волыни,
и въ Галичѣ, пришлось бороться за власть
съ сильнымъ Галицкимъ боярствомъ,
которое выросло тамъ въ независимую
отъ князя политическую силу, и выно=
сить сильное давленіе иноземныхъ
соседей: татаръ, поляковъ, угровъ и
Литвы. Открытая война и дипломати=
ческая игра съ этими соседями окон=
чилась победою не Галича. Волынь
перешла во власть Литвы въ сере=
динѣ XIV вѣка, и за обладаніе Гали=
чемъ также Литва спорила съ
1340 года съ Польшею. Галичу выпала
недолгая слава и за миссія соедине=
нія южной и западной Руси, которая,
казалось, была суждена именно Гали=
чу, перешла отъ него къ Литвѣ.
Благодаря тому, что Литовское госу=
дарство составилось преимуществен=
но изъ русскихъ областей, жило внутр.
политическою жизнью съ Польшею и имѣло
постоянныя, хотя и враждебныя сно=
шенія съ нѣмцами, оно заинтересова=
ло своей судьбой не только русскихъ, но
и польскихъ и нѣмецкихъ историковъ;

въ нѣмецкой и польской литературахъ есть очень серьёзные труды по литовской этнографіи и исторіи. Нѣмецкая литература располагаетъ такими солидными сочиненіями, какъ Voigt, Geschichte von Preussens (1827-1837) и Köpell und Caro, Geschichte Polens (1840-1869). Въ Польской литературѣ послѣ старыхъ баснословій, вродѣ Нарбута (Dzieje starożytne narodu Litewskiego и др.) и Лелевеля („Dzieje Litwy i Rusi" и др.) явились очень хорошія монографіи по литовской исторіи, наприм. Шайнохи (Szajnocha, Jadwiga i Jagiełło) Стадницкаго (рядъ монографій о литовскихъ князьяхъ: Synowie Gedymina и др.) Вольфа (Wolff, Ród Gedimina), Смольки (Smolka, Szkice historyczne и др.), Прохазки (Prochaska, Ostatnie lata Witolda, 1882; Szkice historyczne z XV wieku, 1884, и рядъ прекрасныхъ изданій памятниковъ въ сборникѣ „Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia", въ которомъ принимаютъ участіе и другіе ученые Соколовскій, Шуйскій, Левицкій). Что касается русскихъ ученыхъ, то они

прежде мало обращали вниманія на исторію Литвы и только въ последнее время развилось сознаніе, что Литва была государствомъ по населенію русскимъ и что изученіе ея съ точки зрѣнія этнографической и исторической составляетъ интересъ первостепенной важности для русскаго историка. Въ Литвѣ, исторія которой шла инымъ путемъ, чѣмъ исторія Москвы, сохранились чище и лучше нѣкоторыя черты древне-русской жизни и русское общество въ Литвѣ осталось въ своей массѣ вѣрнымъ своей народности, хотя и поставлено было въ тяжелыя условія жизни и развитія.
Изъ старыхъ историковъ: Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго" почти ничего не говоритъ о Литвѣ; Соловьевъ, хотя и отмѣчаетъ литовскія событія, но отдѣлъ о Литвѣ у него менѣе обработанъ, чѣмъ исторія Московской Руси. Въ трудахъ ученыхъ позднѣйшаго времени исторія Литвы начинаетъ выступать въ болѣе полномъ видѣ. Отмѣтимъ монографіи:

Владимірскаго-Буданова, „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ" и др.; Васильевскаго: „Очеркъ исторіи города Вильны" и др.; Антоновича: „Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго" (въ „Монографіяхъ по исторіи Западной и Юго-западной Россіи," томъ I 1885 года); Дашкевича, „Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго княжества". Для первоначальнаго руководства слѣдуетъ взять только что названный трудъ Антоновича, у котораго находится сводъ достовѣрныхъ ~~(явленій)~~ извѣстій о Литвѣ съ начала ея исторіи до уніи съ Польшею; обстоятельный критическій обзоръ этого труда составленъ Дашкевичемъ въ его „Замѣткахъ". Антоновичъ и Дашкевичъ взаимно дополняютъ одинъ другого и въ ихъ трудахъ мы имѣемъ первую научно-достовѣрную исторію Литвы. Затѣмъ въ „Исторіи Россіи" Иловайскаго исторія Литвы излагается на равныхъ правахъ съ исторіей Москвы. Подробные обзоры Литовской исторіи находятся также въ „Русской Исторіи" Бестужева-Рюмина. Наконецъ, въ послѣдніе

годы появились монографіи: Владимірскаго-Буданова: „Помѣстья Литовскаго государства" и „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ", Любавскаго „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства", Леонтовича „Очерки исторіи литовско-русскаго права" и Барбашева: „Витовтъ". Изъ популярныхъ изложеній литовской и западно-русской исторіи слѣдуетъ упомянуть: Бѣляева „Разсказы изъ русской исторіи", томъ IV, Кояловичъ: „Чтенія по исторіи западной Россіи" и Брянскаго: „Исторія Литовскаго государства".

Племя, извѣстное подъ названіемъ литовскаго, являлось разсѣяннымъ съ давнихъ поръ на балтійскомъ поморьѣ, между западной Двиной и Вислой; на востокѣ оно распространялось на весь почти бассейнъ рѣки Нѣмана и своими крайними южными поселеніями достигало до средняго теченія Западнаго Буга. Литовцы, какъ можно заключить по остаткамъ литовскаго языка, составляли самостоятельную вѣтвь племени Арійскаго, близкую Славянамъ. По немногочисленнымъ свѣдѣ=

ніямъ, дошедшимъ до насъ о первоначальномъ бытѣ Литовцевъ, можемъ указать въ X и XI вв. слѣдующія народности или племена, на которыя распалось Литовское племя: на сѣверъ Литовской территоріи, на правой сторонѣ Двины, жило племя, называемое Летгола, къ югу отъ него по лѣвому берегу Двины — Жемгола или Семигола, на полуостровѣ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ — Корсь или Куроны, къ западу между устьемъ Нѣмана и Вислы — Пруссы; они раздѣлялись на десять колѣнъ, названіе двухъ прусскихъ колѣнъ „Судиновъ" и „Галиндовъ" находимъ у Птоломея, писателя II вѣка по Р. Хр. Онъ помѣщаетъ ихъ на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ они были позже, на основаніи чего ученые склонны думать, что Литовское племя поселилось у Балтійскаго моря очень рано. По бассейну Нѣмана жили: Жмудь по низшему и Литва по среднему теченію этой рѣки. Наконецъ, по рѣкѣ Нареву простирались поселенія послѣдняго литовскаго народа — Ятвяговъ. Что касается до быта Литовцевъ въ древности, то какъ замѣчено было выше, свѣдѣнія о немъ очень скудны.

Религія ихъ сходна, вѣроятно, въ поклоненіи силамъ природы. Историческія извѣстія объ именахъ литовскихъ божествъ (за исключеніемъ развѣ Перкуна) и о религіозныхъ обрядахъ (за исключеніемъ немногихъ) подвергаются сильному подозрѣнію со стороны позднѣйшихъ ученыхъ и часто опускаются въ ученыхъ трудахъ. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ можно заключить, что у нихъ существовалъ очень вліятельный классъ жрецовъ, находившихся въ подчиненіи у главнаго жреца — Криве или Криво-Кривейто, который пользовался у литовцевъ громаднымъ уваженіемъ. Характеристической чертой быта литовцевъ было отсутствіе первыхъ началъ государственности, которыя, напримѣръ, у славянъ выражались основаніемъ городовъ. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, описывающихъ походы русскихъ на Литву, не упоминается о городахъ на литовской территоріи. Время ихъ возникновенія Антоновичъ относитъ къ XIII вѣку, ссылаясь на источники, которые впервые подъ 1252 годомъ упоминаютъ у литовцевъ городъ Воруту, у Жмуди Твереметъ. Дашкевичъ гово-

ритъ, что лѣтописи подъ 1252 годомъ упоминаютъ не объ основаніи городовъ, а объ ихъ существованіи, основаны они были по его мнѣнію, немного раньше. На ряду съ отсутствіемъ въ древнѣйшей Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ центровъ, замѣтно и полное отсутствіе политической власти. До половины XIII вѣка польскія и нѣмецкія лѣтописи, описывая столкновенія литовцевъ съ сосѣдними народами не только не называютъ литовскихъ вождей, но не упоминаютъ о существованіи какихъ-бы то ни было правителей; до половины XIII вѣка упоминаются лишь вожди, но власть ихъ простирается на незначительныя округа; въ отношеніяхъ, на незначительномъ пространствѣ территоріи, обыкновенно указываютъ на цѣлую группу такихъ начальниковъ, это были скорѣе представители отдѣльныхъ родовъ, чѣмъ племенные правители. Такимъ образомъ литовское племя до половины XIV вѣка не только не составля=

ло государства, но даже сплоченныхъ племенъ, а представляло массу небольшихъ волостей, управляемыхъ независимыми вождями безъ всякой политической связи между ними. Только тожество происхожденія, быта, языка, преданій и религіознаго культа объединяло отдѣльныя части этого племени. Но опасность со стороны внѣшнихъ враговъ заставила Литвцевъ ускорить процессъ своей политической организаціи и замѣнить опирающуюся на нравственное вліяніе власть жрецовъ властью князей. Этими врагами были нѣмецкіе рыцари, которые съ XIII вѣка появились на окраинахъ Литовской земли съ цѣлью обращенія Литовцевъ въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпостную зависимость отъ побѣдителей. Къ концу XIII вѣка нѣмцы подчинили себѣ Пруссовъ, земли Летгалы, Земгалы и приблизились къ поселеніямъ собственной Литвы и Жмуди; но эти народы, въ то время какъ ихъ соплеменники боролись съ нѣмцами, уже

создали довольно крѣпкій государствен-
ный строй и оказали сильное сопротив-
леніе послѣднимъ; этому помогли тѣ
отношенія, въ какія стали Литва
и Жмудь въ XIII вѣкѣ къ русскимъ.
Одновременно съ возвышеніемъ Влади-
мірской Руси въ XIII в. русскія западныя
княжества, сосѣднія Литовскому государ-
ству: Смоленское, Полоцкое и другія
вслѣдствіе внѣшнихъ враговъ и внутрен-
нихъ неурядицъ слабѣютъ и дѣлятся
на мелкія части. Междоусобіями
русскихъ князей пользуются литовцы,
которыхъ сами русскіе призываютъ
на помощь и вмѣшиваютъ въ свои
междоусобныя распри; они, помогая
той или другой сторонѣ, вторгаются
въ жизнь русскихъ и пользуются
этимъ для своихъ собственныхъ цѣлей.
Раньше всего литовцы вмѣшиваются
во внутреннія дѣла Полоцкой земли,
знакомятся съ ея положеніемъ,
свыкаются съ мыслью о ея слабости
и внутреннемъ неустройствѣ. Съ
конца XII вѣка литовцы уже не огра-
ничиваются участіемъ въ Полоцкихъ

междоусобіяхъ, но начинаютъ предпринимать походы съ цѣлью территоріальнаго захвата. Съ XIII в. литвцы начинаютъ вторгаться и въ другія русскія княжества: такъ, напримѣръ, въ Новгородскую землю, Смоленское и Кіевское княжество. Кто были первые литовскіе князья - невѣрно; самыя раннія извѣстія о литовскихъ князьяхъ, и то легендарныя, дошли до насъ только отъ XIII вѣка. Въ XIII в. по литовскимъ преданіямъ, Эрдивилъ, современникъ Батыя, предпринялъ походъ на русскія земли и завладѣлъ Городномъ; въ тоже время другой литовскій князь, - Мингайло, предпринялъ будто онъ походъ на Полоцкъ и основалъ въ немъ второе литовское княжество. Эти извѣстія о первыхъ литовскихъ князьяхъ и княжествахъ на русской почвѣ, однако, не достовѣрны. Первое достовѣрное княженіе - княженіе Миндовга. Миндовгъ, сынъ Рим-вдр, около 1235 г. завладѣлъ русскимъ городомъ Новгородомъ и основалъ тамъ полу-русское

полу-литовское княжество. Расширяя свои владѣнія насчетъ русскихъ и Литовцевъ, онъ дѣйствовалъ съ помощью русскихъ противъ Литовцевъ и съ помощью Литовцевъ противъ русскихъ. Но въ своемъ стремленіи къ расширенію своего княжества, онъ встрѣтился съ двумя врагами: съ возвысившимся на югѣ Галицкимъ княжествомъ и съ Ливонскимъ орденомъ. Миндовгу (точнѣе его сыну Войшелку) удалось заключить договоръ съ Галицкимъ княземъ Даніиломъ, подъ условіемъ уступки Роману, сыну Даніила Галицкаго, русскихъ земель, занятыхъ Миндовгомъ Литовскимъ, но съ признаніемъ верховной власти Миндовга надъ этими землями. Этотъ договоръ, выгодный для Миндовга, былъ скрѣпленъ брачнымъ союзомъ дочери Миндовга съ сыномъ Даніила — Шварномъ. Что касается Ливонскаго ордена, то Миндовгъ умиротворилъ его, принявъ крещеніе въ 1250 году и выдавъ ордену грамоты на Литовскія земли, ему прямо не принадлежащія. Такъ завязывалось и формировалось

первое Литовское княжество, распавшееся однако после Миндовга.

Возвышение Московскаго Княжества

Во второй половине XIII и начале XIV века на северо-востоке Руси начинает возвышаться до сих пор неизвестное княжество Московское. Прежде чем перейти к определению причин и хода возвышения этого княжества, скажем несколько слов о Москве — главном городе этого княжества. Начнем с первых известий и не будем касаться басен о начале Москвы, приведенных у Карамзина (Том II, примеч. 301). Первыя упоминания о Москве мы встречаем в летописи не ранее XII века. В ней рассказывается, что в 1147 году Юрий Долгорукий пригласил своего союзника князя Святослава Ольговича Черниговскаго на свидание в Москву, где они пировали (учинили „обед") и обменялись подарками. При этом не говорится, что Москва была „городом", так что можно подумать, что в 1147 г.

она была селомъ, вотчиною князя. Это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что есть извѣстіе о построеніи Москвы-города въ 1156 г. Извѣстіе это таково: „Того-же лѣта (6664) князь великій Юрій Володиміровичъ заложи градъ Москву на устниже Неглинны выше рѣки Аузы". Прямой смыслъ этихъ словъ дѣйствительно говоритъ, что городъ Москва былъ основанъ на девять лѣтъ позже княжескаго „обѣда" въ Москвѣ-вотчинѣ. Но этому не всѣ вѣрятъ: истолковать и объяснить это извѣстіе очень трудно. Во первыхъ оно дошло до насъ въ (очень) позднемъ (XVI вѣка) лѣтописномъ Тверскомъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычай измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ. Нельзя, поэтому, быть увѣреннымъ въ томъ, что и въ данномъ случаѣ составитель сборника не измѣнилъ первоначальной разбираемаго извѣстія: его редакція отличается большою обстоятельностью и точностью топографическихъ указаній,

что намекаетъ на ея позднее проис=
хожденіе. Такимъ образомъ, уже общія
свойства источника заставляютъ
заподозрить доброкачественность его
сообщенія. Во вторыхъ авторъ Твер=
ской лѣтописи, записавъ объ основа=
ніи Москвы въ 1156 г., самъ-же повѣ=
ствуетъ о Москвѣ раньше: онъ сокраща=
етъ извѣстіе Ипатьевской лѣтопи=
си о свиданіи князей въ Москвѣ въ
1147 году и ничѣмъ не оговариваетъ
возникающаго противорѣчія, не объя=
сняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ
его Москвой 1147 года. Это прямо приво=
дитъ къ мысли, что авторъ въ данномъ
случаѣ или плохо самъ понималъ
свой разнорѣчивый матеріалъ, или-же
въ извѣстіи о построеніи города
Москвы хотѣлъ сказать не совсѣмъ
то, что можно прочесть у него по
первому впечатлѣнію. И въ томъ
и въ другомъ случаѣ обязательна
особенная осторожность при
пользованіи даннымъ извѣстіемъ.
Въ третьихъ, наконецъ, сопоставленіе
извѣстій съ текстами другихъ лѣто=
писей убѣждаетъ, что авторъ Твер=

скаго сборника заставилъ князя Юрія „заложить градъ Москву" въ то время, когда этотъ князь окончательно перешелъ на югъ и когда вся семья его уже переѣхала изъ Суздаля въ Кіевъ черезъ Смоленскъ. По всѣмъ этимъ извѣстіямъ невозможно ни принять извѣстіе на вѣру цѣликомъ, ни ввести въ него какія-либо поправки.

Такъ, изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ, одно настолько неопредѣленно, что само по себѣ не доказываетъ существованія города Москвы въ 1147 году, а другое хотя и очень опредѣленно, но не можетъ быть принято за доказательство того, что городъ Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому, трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на иныя свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать существованіе Москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка. При

описанія событій, послѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ, какъ городѣ, и о „Москвлянахъ“, какъ ея жителяхъ. Ипатьевская лѣтопись подъ 1176 (6684) г. разсказываетъ, что больной князь Михалко, направляясь съ юга въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилкахъ „до Кучкова рекше до Москвы“; тамъ онъ узналъ о приближеніи врага своего Ярополка и поспѣшилъ во Владиміръ „изъ Москвы“ въ сопровожденіи Москвичей. „Москвляне-же, продолжаетъ лѣтописецъ, слышавше, оже идетъ на нь Ярополкъ, и възвратишася вспять, блюдуче домовъ своихъ“. Въ слѣдующемъ 1177 (6685) г. лѣтопись прямо называетъ Москву городомъ въ разсказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Всеволода: „Глѣбъ-же на ту осень пріѣха на Московь (въ другихъ спискахъ — Москву) и пожже городъ весь и села“. Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существо-

ванія города Москвы, въ то-же время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ еще не установлено единообразное наименованіе города: городъ называется то „Московъ", то „Кучково", то „Москва"; не указываетъ-ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду, возможно и не связывать возникновеніе Москвы непремѣнно съ именемъ князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы, собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности: ихъ нельзя эксплоатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII в.

Такъ, оставаясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется

честомъ лѣтописей. Если вдумаемся въ извѣстие лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а пограничио-военная роль Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Суздальско-Владимірскаго княжества. Съ юга, изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву и именно Москва была первымъ городомъ, который встрѣчали приходцы въ Суздальской Руси. Когда по смерти Боголюбскаго князя Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова, именно въ Москвѣ, на границахъ княженія Андрея Боголюбскаго встрѣтили ихъ Ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, которого не желали пускать внутрь княжества, они указали: „пожди мало на Москвѣ". Ярополкъ отправился „к дружинѣ Переяславлю", а Михалко, не слушая Ростовцевъ, поѣхалъ во Владиміръ. Москва здѣсь рисуется, какъ

перекрестокъ, отъ котораго можно было держать путь и въ Ростовъ, на сѣверъ, и во Владиміръ, на сѣверо-востокъ. Внутреннія пути Суздальской Руси сходились въ Москвѣ въ одинъ путь, ведшій на югъ, въ Черниговскую землю. Черезъ годъ Михалко, выгнанный изъ Владиміра, опять идетъ изъ Чернигова на сѣверъ по зову Владимірцевъ. На встрѣчу ему выходятъ и Владимірцы, его друзья, и племянникъ Ярополкъ — его врагъ. Первые зовутъ его встрѣтить и охранить, второй — желаетъ не допустить его въ захваченную Ростиславичами землю. При разныхъ цѣляхъ враги спѣшатъ въ одинъ и тотъ-же пунктъ — въ Москву. Очевидно, въ данномъ случаѣ встрѣчать Михалка всего удобнѣе было на границѣ княжества, съ какою-бы цѣлью его не встрѣчали. Когда, наконецъ, Михалко и братъ его Всеволодъ укрѣпились прочно во Владимірѣ, князь Черниговскій, Святославъ Всеволодовичъ отправилъ къ нимъ ихъ жену, „прося-вя къ нимъ сына своего Олга проводити ю до Москвѣ". Проводивъ княгиню, Олегъ

вернулся „во свою волость въ Лопасну".
Здѣсь опять не требуетъ доказательства
пограничное положеніе Москвы: княгинъ
проводили до перваго пункта владѣній
ихъ мужей. Всѣ приведенныя указанія
относятся къ 1175–1176 г.г. Не менѣе любо-
пытенъ и позднѣйшій фактъ. Князь Всево-
лодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ 1207 (6715) г. походъ
на югъ, на Ольговичей („хочю поити к
Чернигову," говоритъ онъ), посылаетъ въ
Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Констан-
тинъ съ войсками пришелъ оттуда
на соединеніе съ нимъ. Константинъ
послушался и „дождася отца на Москвѣ".
„На Москву" пришелъ и самъ Всеволодъ
и, соединясь тамъ со своими сыновьями,
„поиде съ Москвы... и придоша до
Окы", которая была тогда внѣ предѣ-
ловъ Суздальскаго княжества." Въ
этомъ случаѣ Москва ясно представляет-
ся послѣднимъ, самымъ южнымъ горо-
домъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда
князь прямо вступаетъ въ чужую
землю, во владѣнія Черниговскихъ кня-
зей. Пограничное положеніе Москвы
естественно должно было обратить ее
на этотъ разъ въ сборное мѣсто

другимъ Всеволода, въ операціонный базисъ предпринятаго похода. Но не только по отношенію къ Черниговской земле Москва играла роль пограничнаго города: съ тѣмъ-же самымъ значеніемъ являлась она иногда и въ отношеніяхъ Суздальской и Рязанской земель. Въ 1177 (6685) г. князь Рязанскій Глѣбъ, нападая на владѣнія Всеволода, обратился именно на Москву, какъ это указано выше. То же повторилось и въ 1208 (6716) году: Рязанскіе князья „начаста воевати волость Всеволожю великаго князя около Москвы." Москва по отношенію къ Рязани представляется намъ первымъ доступнымъ для Рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по Москвѣ-рѣкѣ. Этимъ путемъ такъ или иначе воспользовались и Татары Батыя, пришедшіе изъ Рязанской земли, отъ Коломны, прежде всего къ Москвѣ.

Итакъ, слѣдуя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи.+ Москва — пунктъ, на который прежде всего нападаютъ

+ Москва пунктъ, въ которомъ встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ. [illegible] стр. 1014.

~~времен~~ враги Суздальско-Владимірскихъ князей.
Москва, наконецъ, - передній пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимірскаго князя, сборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга. Очевидно, что этотъ городъ былъ построенъ въ видахъ огражденія Суздальско-Ростовской земли со стороны Черниговскаго порубежья. По крайней мѣрѣ объ этомъ скорѣе всего позволяетъ говорить письменный матеріалъ. Какъ маленькій и новый городокъ Москва довольно поздно стала стольнымъ городомъ особаго княжества. Наиболѣе замѣтнымъ изъ первыхъ Московскихъ князей былъ Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, прозванный такъ за то, что онъ безъ всякаго права, благодаря одной своей смѣлости, свергъ князя Святослава и захватилъ въ свои руки великое княженіе. Вскорѣ за Хоробритомъ Московскій столъ достался князю Даніилу Александровичу, умершему въ 1303 г., который сдѣлался родоначальникомъ Московскаго княжескаго дома. Съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ княже=

ствомъ съ постояннымъ княземъ. Припомнимъ обстоятельства политической жизни Суздальской Руси. Вся она была въ обладаніи потомства Всеволода Большое Гнѣздо; его потомки образовали княжескія линіи: въ Твери, гдѣ княжилъ Ярославъ Ярославичъ — внукъ Всеволода, братъ Александра Невскаго, въ Суздалѣ, гдѣ княжилъ Андрей Ярославичъ, — внукъ Всеволода, затѣмъ около 1279 года Андрей Александровичъ сынъ Александра Невскаго; въ Ростовѣ, которое занималъ Константинъ Всеволодовичъ и въ Москвѣ — Даніилъ, сынъ Ал. Невск. ~~внукъ~~ Всеволода. Только земля Рязанская, политически и географически притянутая къ совмѣстной жизни съ Суздальской Русью, находилась во владѣніи не Мономаховичей, а младшихъ Святославичей, потомковъ Ярослава. Изъ этихъ княжествъ сильнѣйшими къ XIV вѣкѣ становятся Тверское, Рязанское и Московское. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ былъ свой „великій"

князь и свои „удѣльные" князья. Влади= мірское княженіе существуетъ безъ особой династіи, его присвояютъ вели= кіе князья къ личнымъ удѣламъ. Послѣ= днимъ изъ великихъ князей, княжив= шимъ по старинному обычаю въ самомъ Владимірѣ былъ Александръ Невскій, — братья его — Ярославъ Тверской и Василій Костромской, получивъ Вла= димірское великое княженіе, живутъ не во Владимірѣ, а въ своихъ удѣлахъ. Добиться Владимірскаго княженія для князей теперь значитъ добиться матеріальнаго обогащенія и автори= тета „великаго" князя. Средства добыть великое княженіе уже не наслѣдствен= ныя, не только право старшинства, как прежде, но и сила удѣльнаго князя, поэтому за обладаніе Владиміромъ происходитъ борьба только между сильными удѣльными князьями. И вотъ въ 1304 году начинается борьба за великое княженіе между Тверскими и Московскими князьями: многолѣтняя кровававая распря, окончившаяся побѣ= дой Московскаго князя Ивана Калиты,

утвердившагося въ 1328 году съ помощью Орды на великокняжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ великое княженіе не разлучалось съ Москвою, а между тѣмъ за какіе-нибудь тридцать лѣтъ до 1328 года Москва была ничтожнымъ удѣломъ: Даніилъ еще не владѣлъ ни Можайскомъ, ни Гориномъ, ни Дмитровомъ, ни Коломною, а лишь ничтожнымъ пространствомъ между этими пунктами, по теченію Москвы-рѣки. Калита-же въ 1328 году владѣлъ только: Москвой, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховомъ и Переяславлемъ, т. е. пространствомъ меньше нынѣшней Московской губерніи. Что-же дало возможность Москвѣ получить великое княженіе и увеличиться и какимъ путемъ шло это возвышеніе?

На этотъ вопросъ мы находимъ много отвѣтовъ въ исторической литературѣ. Карамзинъ, напримѣръ, въ пятомъ томѣ „Исторіи Государства Россійскаго" упоминаетъ и таланты Московскихъ князей, и содѣйствіе бояръ и духовенства, и вліяніе татарскаго завоеванія. Татарское иго, которое

по его мнѣнію начало „новый порядокъ вещей“ въ исторической жизни русскаго народа, измѣнило отношенія князей къ населенію и отношенія князей другъ къ другу, поставило князей въ зависимость отъ хана и этимъ имѣло вліяніе на ходъ возвышенія Московскаго княжества. Карамзинъ находитъ, „что Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ“. Погодинъ, возражая Карамзину, поражается счастливыми совпаденіями „случайностей“, которыя слагались всегда какъ разъ въ пользу возвышенія и усиленія Московскаго княжества. Блестящую характеристику усиленія Московскаго княжества даетъ намъ Соловьевъ: Въ I и IV томахъ своей „Исторіи Россіи“ онъ, не разъ вообще говоря о важномъ вліяніи географическихъ условій, отмѣчаетъ выгодное положеніе Москвы — на дорогѣ переселенцевъ съ юга, на срединѣ между Кіевской землей съ одной стороны и Владимірской и Суздальской — съ другой. По бассейну Москвы-рѣки переселенцы, идя съ юга, осѣдали цѣлыми массами и дѣлали Московское княжество

однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кромѣ переселенцевъ съ юга въ Москву шли переселенцы и изъ другихъ областей Руси Сѣверной, вслѣдствіе отсутствія въ Московскомъ княжествѣ междоусобицъ и бѣдствій отъ татаръ. Населеніе приносило князю доходы; давало ему большія средства; мы знаемъ, что Московскія князья употребляли эти большія денежныя средства на покупку городовъ и выкупъ плѣнныхъ изъ орды, которыхъ и селили въ Московскомъ княжествѣ. Срединное положеніе Москвы-рѣки между Новгородомъ и Востокомъ (Рязанью) имѣло также весьма важное значеніе. Если мы всмотримся въ географическую карту, то увидимъ, что Москва-рѣка сокращала водный путь между Новгородомъ и Окою, слѣдовательно Москва лежала на торговомъ пути Новгорода съ Рязанью. Срединное положеніе Москвы было важно и для церковнаго управленія. Митрополиты переселились изъ Владиміра въ Москву, потому что считали

необходимостью находиться въ централь-
номъ пунктѣ между областями сѣвера
и юга Руси. Такимъ образомъ, главное
условіе возвышенія Москвы, по мнѣ-
нію Соловьева, это срединность ея поло-
женія, дававшая политическія, торговыя
и церковныя преимущества. Въ разныхъ
мѣстахъ своего труда Соловьевъ ука-
зываетъ и на другія условія, содѣй-
ствовавшія успѣху Москвы: личность
князей, дѣятельность бояръ, сочувствіе
общества и т. д., но въ оцѣнкѣ разныхъ
факторовъ онъ кладетъ видимое разли-
чіе: одно - первая причина усиленія
и возвышенія Москвы, другое - благо-
пріятныя условія, помогавшія этому
усиленію. Костомаровъ, излагая ходъ
возвышенія Московскаго княжества,
объясняетъ усиленіе Москвы главнымъ
образомъ помощью татаръ, и даже
самую идею самодержавія и единодер-
жавія трактуетъ, какъ заимствован-
ную отъ татаръ. Бестужевъ-Рюминъ
находитъ, что положеніе князей при
зависимости великаго княженія отъ
хана должно было развивать въ князьяхъ

политическую ловкость и дипломатическій тактъ, чтобы этимъ путемъ привлечь милость хана и захватить великокняжескій престолъ. Такою ловкостью и такимъ тактомъ обладали именно Московскіе князья. Кромѣ того, усиленію Москвы помогало духовенство, которому при владѣніи большими вотчинами было выгодно отсутствіе междоусобій въ Московскомъ княжествѣ и сверхъ того полнота власти Московскаго князя соотвѣтствовала ихъ высокимъ представленіямъ объ единодержавной власти государя, вынесеннымъ изъ Византіи. Далѣе, дѣятельность бояръ была направлена также на помощь Московскимъ государямъ. Что-же касается до срединности положенія Москвы, то К. Н. Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это причиной второстепенной. Съ оригинальнымъ взглядомъ на этотъ вопросъ выступаетъ Забѣлинъ. Онъ главное условіе возвышенія Московскаго княжества видитъ въ національномъ сочувствіи, вызванномъ хозяйственною дѣятельностью.

Московскихъ князей. Народъ, измученный и татарскимъ погромомъ и междоусобными распрями князей, естественно относился сочувственно къ Московскимъ князьямъ. Съ эклектическимъ характеромъ отличается мнѣніе Иловайскаго, который главною причиною роста Москвы, какъ политическаго центра, считаетъ пробужденіе народнаго инстинкта; народъ, который чувствовалъ опасность отъ татаръ, долженъ былъ сплотиться. Кромѣ этого Иловайскій находитъ слѣдующія причины, способствовавшія усиленію Московскаго княжества: 1) Географическое положеніе, дающее политическія и торговыя выгоды; 2) Личность князей и ихъ политику (князья самихъ татаръ сдѣлали орудіемъ для возвышенія власти, что видно изъ борьбы между Тверью и Москвою); 3) Опредѣленная въ пользу Москвы политика татаръ; 4) Сочувствіе боярства и духовенства; 5) Правильность престолонаслѣдія въ Мос-

ков. Разбираясь въ указанныхъ мнѣ-
ніяхъ, мы видимъ, что вопросъ о при-
чинахъ возвышенія Московскаго кня-
жества не разрѣшается и послѣднее
по времени не есть самое удовлетвори-
тельное. Мы должны различать тѣ
условія, которыя были причиною того,
что незначительное Московское кня-
жество могло бороться съ сильнымъ
Тверскимъ княжествомъ, отъ тѣхъ,
которыя поддерживали Московское кня-
жество въ томъ положеніи, на кото-
рое оно встало благодаря первымъ
и помогли его усиленію. Въ числѣ
первыхъ причинъ нужно отмѣтить:
1) географическое положеніе, давшее
Московскому княжеству населеніе
и средства. 2) Личныя способности
первыхъ Московскихъ князей, ихъ
политическую ловкость и хозяйствен-
ность, умѣнье пользоваться обстоя-
тельствами, чего не имѣли тверскіе
князья, несмотря на одинаково выго-
дное положеніе Тверского княже-
ства, какъ и Московскаго. Къ причи-
намъ, способствовавшимъ усиленію

княжества надо отнести: 1) сочувствіе духовенства, выраженное въ переѣздѣ митрополіи; 2) близорукость татаръ, которые не могли своевременно замѣтить опасное для нихъ усиленіе княжества; 3) отсутствіе сильныхъ враговъ, такъ какъ Новгородъ не былъ силенъ, а въ Твери происходили постоянныя междоусобія князей. 4) Сочувствіе бояръ и сочувствіе населенія. Обратимся теперь къ ходу возвышенія Московскаго княжества.

При Иванѣ Калитѣ Москва была владѣніемъ второстепеннымъ и заключала въ себѣ не болѣе шести городовъ и менѣе шестисотъ миль территоріальнаго владѣнія. При Иванѣ III черезъ какія-нб. сто пятьдесятъ лѣтъ Московское княжество простиралось уже на 15,000 кв. миль. Это возрастаніе шло двоякимъ путемъ: или путемъ „примысловъ" или путемъ завоеваній. Московское княжество при Даніилѣ получило Переславль Залѣсскій, завѣщанный ему бездѣтнымъ племянникомъ — Іоанномъ Димитріевичемъ въ 1302 году. Сынъ Даніила

Юрій отнялъ у сосѣдей рязанцевъ Коломну, лежащую при устьѣ Москвы-рѣки, а у Смольнянъ городъ Можайскъ, находящійся при верховьи Москвы-рѣки. Такимъ образомъ съ 1308 года (приблизительно) въ рукахъ Московскаго князя находилось все теченіе рѣки Москвы.
Иванъ Калита, получивъ великое княженіе Владимірское пріобрѣлъ: Кострому, Галичъ, Бѣлоозеро, Переяславль, Угличъ, скупая города у бѣдныхъ князей.
При Димитріи Донскомъ были пріобрѣтены: Верея, Мещера, Калуга, Дмитровъ, Владиміръ. Сынъ Димитрія Донского Василій по завѣщанію отца получаетъ уже: Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Города эти были пріобрѣтены до 1425 года.
Въ завѣщаніи Димитрія Донского замѣчательно одно любопытное мѣсто: великій князь завѣщаетъ Владиміръ старшему сыну, какъ свою „вотчину" помимо воли хана, что показываетъ, какъ еще

ны были уже тогда Московскіе князья.
Въ 1462 году Василій Темный завѣщалъ своимъ сыновьямъ уже около 25^{ти} городовъ.
Параллельно съ территоріальнымъ возрастаніемъ Московскаго княжества идетъ его политическое усиленіе. Въ XIV в. Тверское княжество было сильнымъ противникомъ Москвы, а въ XV в. при Іоаннѣ III оно является настолько ничтожнымъ, что не въ состояніи сохранить даже независимость передъ возросшимъ могуществомъ Москвы. И къ другимъ княжествамъ Московскіе князья начинаютъ относиться, какъ къ зависимымъ, удѣльнымъ. Власть Московскаго княжества быстро росла и пользовалась уже громаднымъ авторитетомъ при Дмитріи Донскомъ, что видно изъ положенія, которое онъ занималъ въ борьбѣ князей съ Татарами. Одновременно съ территоріальнымъ возрастаніемъ Московскаго княжества и вмѣстѣ съ усиленіемъ его внѣшняго значенія, измѣнялись и отношенія между князьями собственно Московской семьи и власть великаго князя Московскаго

усматривалась вслѣдствіе частнаго порядка наслѣдованія и вообще семейныхъ отношеній, который существовалъ въ семьѣ Московскихъ князей до половины XV вѣка. Для изученія этого порядка мы имѣемъ большое количество духовныхъ завѣщаній Московскихъ князей XIV и XV вв. Постоянныхъ правилъ, которыми-бы устанавливался постоянный и однообразный порядокъ престолонаслѣдія, — не было, престолонаслѣдіе опредѣлялось каждый разъ завѣщаніемъ князя, который могъ завѣщать свои владѣнія, кому хотѣлъ. Такъ, напр., князь Семенъ, сынъ Ивана Калиты, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь свой удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Изъ завѣщаній видно, что князья смотрѣли на свои владѣнія земельныя, какъ на статьи своего хозяйства и совершенно одинаково дѣлили и движимое имущество и частныя земельныя владѣнія и государственную территорію. Послѣдняя обыкновенно дѣлилась черезполосно. Московская земля дѣлилась на нѣсколько

участковъ, которые отличались другъ отъ друга по хозяйственному значенію или по историческому происхожденію. Каждый наслѣдникъ получалъ свою долю въ этихъ участкахъ земли, точно также, какъ получалъ свою долю и въ каждой статьѣ движимаго имущества. Самая форма духовныхъ грамотъ князей была та-же, что и форма духовныхъ завѣщаній частныхъ лицъ; точно также они совершались при свидѣтеляхъ и по благословенію духовныхъ отцовъ. По княжескимъ завѣщаніямъ можно прослѣдить и отношенія князей другъ къ другу. Каждый удѣльный князь владѣетъ своимъ удѣломъ независимо, но младшіе удѣльные князья должны были слушаться старшаго, какъ отца, а старшій братъ долженъ заботиться о младшихъ, но это были скорѣе нравственныя, нежели политическія обязанности. Значеніе старшаго брата часто обусловливалось чисто матеріальнымъ, количественнымъ преобладаніемъ, а не излишкомъ правъ и власти. Такъ, напримѣръ,

Дмитрій Донской далъ старшему изъ пяти сыновей 1/3 всего имущества, Василій Темный половину (1/2), а Иванъ III — 3/4 всего имущества. Такъ какъ доля старшаго постоянно количественно увеличивалась, сравнительно съ младшими, торгъ давало ему возможность все большаго и большаго вліянія на младшихъ князей. Благодаря такимъ особенностямъ изъ преобладанія чисто семейнаго, матеріальнаго, гражданскаго мало по малу развивалось преобладаніе государственное, политическое, иначе говоря, слагалось единодержавіе въ княжествѣ.

Усиленіе Литовскаго княжества.

Мы уже знакомы съ политикою Миндовга, который, стремясь къ расширенію предѣловъ и усиленію Литовскаго княжества, пользовался русскими для власти надъ Литвой и Литовцами — для власти надъ русскими землями. Его политика, какъ извѣстно, окончилась заговоромъ удѣльныхъ князей и гибелью его съ двумя молодыми сыновьями во

время похода противъ Брянскаго князя Ростислава.
После его смерти въ Литве произошли междоусобія, вследствіе которыхъ Литовское княжество въ значительной степени потеряло пріобретенную при Миндовге силу и внутреннюю связь; однако оно уже настолько окрепло при Миндовге, что не могло окончательно разложиться после его смерти. Основателемъ-же могущества литовскаго княжества считается Гедиминъ, хотя и предшественникъ его Витенъ много сделалъ въ этомъ отношеніи. О происхожденіи Витеня и Гедимина и времени ихъ вокняженія летописи не даютъ точныхъ сведеній. Въ рассказахъ летописцевъ мы встречаемъ известія о военной деятельности Витеня (1293–1316) и Гедимина (1316–1341), причемъ характеръ ихъ военныхъ действій указываетъ на новый переворотъ, происшедшій во внутреннемъ строе Литовскаго княжества. У Витеня и Гедимина были уже дисциплинированныя войска вместо

прежнихъ нестройныхъ ополченій. Войска эти предпринимаютъ осаду городовъ, умѣютъ брать приступомъ укрѣпленія, имъ знакомо употребленіе осадныхъ орудій. Литва защищена не только дремучими лѣсами, болотами, но уже укрѣпленіями, замками, городами, жители которыхъ несутъ правильно распредѣленныя государственныя повинности, главнымъ образомъ обязаны защищать свои города и крѣпости. Перемѣна въ организаціи военныхъ силъ государства произошла отъ прилива русской народности, на которую, главнымъ образомъ опирались литовскіе князья; доказательствомъ этого служатъ извѣстія лѣтописей, въ которыхъ постоянно встрѣчаются названія ополченій Витеня и Гедимина, не литовскихъ только, а литовско-русскихъ. Участіе русскихъ не ограничивалось только военною помощью литовскимъ князьямъ; они участвуютъ въ дипломатическихъ дѣлахъ

правятъ посольства отъ мирвскихъ князей, имѣли вліяніе и на внутреннее управленіе Литвы. Такъ главнымъ сподвижникомъ Гедимина былъ русскій человѣкъ Давидъ - воевода Гродненскій. По дошедшимъ о немъ свѣдѣніямъ, онъ занималъ высокое положеніе въ странѣ, пользовался большимъ вліяніемъ на внутреннее управленіе Литвы; по словамъ литовскихъ источниковъ онъ занималъ первое мѣсто послѣ великаго князя; кромѣ того ему была поручена охрана одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей - Гродно и начальство надъ арміями въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ Гедиминъ лично не принималъ участія; въ одномъ изъ такихъ походовъ Давидъ былъ предательски убитъ однимъ мазовецкимъ княземъ Андреемъ. Гедиминъ, какъ и его предшественники, держался завоевательной политики, однако лѣтописи и преданія часто приписываютъ ему завоеваніе такихъ областей, которыя или были покорены Литвою уже послѣ его смерти, или-же были присоединены къ Литвѣ мирнымъ образомъ.

Такъ, напримѣръ, мы находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о походѣ Гедимина на Волынь и Кіевъ въ 1320 году, причемъ лѣтописцы передаютъ это, какъ достовѣрный фактъ, и подробно изображаютъ битвы, результатомъ которыхъ якобы явилось подчиненіе Волыни и Кіева, а между тѣмъ изъ болѣе подробнаго изученія этихъ разсказовъ и сличенія съ болѣе достовѣрными источниками видно, что это вымыселъ. Среди такихъ недостовѣрныхъ источниковъ историческая критика можетъ указать только на нѣкоторыя земли, присоединенныя Гедиминомъ къ Литвѣ: Кіевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразимъ количественное отношеніе территорій, населенныхъ русскими и литовцами, то увидимъ, что около <u>двухъ третей территоріи</u> было занято русскими; такъ что въ первой четверти <u>XIV</u> вѣка Литовское княжество пріобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго группировались болѣе слабыя русскія области. Московское государство

находилось въ такомъ-же положеніи; политика какъ Московскихъ, такъ и Литовскихъ князей была одинакова: тѣ и другіе стремились сплачивать болѣе слабыя русскія области вокругъ сильнаго политическаго центра. Между Москвою и Литвою въ XIV в. находилась цѣлая полоса княжествъ, которыя служили предметомъ споровъ между этими двумя державами. Гедиминъ соперничалъ съ Москвою изъ-за вліянія на дѣла Пскова и Новгорода, а затѣмъ изъ за вліянія на Смоленскихъ князей. Извѣстно, например, что во время несогласій въ Новгородской землѣ, происходившихъ изъ-за стремленія Псковичей отдѣлиться отъ Новгорода, — Псковичамъ подерживала Литва, а Новгородъ — московскіе князья. Изъ-за этой полосы слабѣйшихъ земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы съ Литвою въ XIV и XV вв.

Гедиминъ оставилъ семь сыновей, между которыми и подѣлилъ Литовскія земли. Изъ нихъ Ольгердъ получилъ Крево и Витебскъ, Кейстутъ — Троки,

Гродно и Жмудь, а младшій Явнутій — столицу Вильно. В. Б. Антоновичъ, вопреки старому мнѣнію, что послѣ Гедимина великимъ княземъ сталъ считаться Явнутій, высказывается въ томъ смыслѣ, что Явнутій, какъ самый младшій и неопытный въ дѣлахъ правленія, не могъ быть назначенъ отцомъ на великое княженіе; онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ источникахъ о вліяніи Явнутія, какъ великаго князя, на событія того времени, не упоминается; напротивъ, каждый удѣльный князь дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, заключаетъ договоры съ иностранцами, предпринимаетъ походы. Поэтому Антоновичъ и предполагаетъ, что въ данный промежутокъ времени скорѣй никто не наслѣдовалъ старшаго стола, пока Ольгердъ и Кейстутъ не вступили въ союзъ съ цѣлью возстановить въ Литвѣ великокняжескую власть. По мнѣнію-же Бестужева-Рюмина великокняжескій престолъ достался именно младшему Явнутію, какъ и позднѣе своему младшему сыну Ягайлѣ и Ольгердъ отдалъ великокн.

жескій престолъ. Это, говоритъ Бестужевъ, указываетъ на извѣстный обычай, сходный со старымъ гражданскимъ обычаемъ по „Русской Правдѣ" отцовскій домъ доставался младшему сыну. Однако Явнутій не долго оставался на великокняжескомъ престолѣ. Кейстутъ въ союзѣ съ Ольгердомъ свергъ Явнутія, и Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ. Другіе князья должны были признать его власть и обязывались повиноваться ему, какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ дѣловъ. Антоновичъ даетъ намъ слѣдующую мастерскую характеристику Ольгерда: „Ольгердъ, по свидѣтельству современниковъ отличался по преимуществу глубокими политическими дарованіями: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ политическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы и удачно выбиралъ время для осуществленія своихъ политическихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгердъ отличался умѣньемъ въ непроницаемой тайнѣ сохранять свои политическія и

военные". Северные русскія лѣтописи, не расположенныя вообще къ Ольгерду вслѣдствіи его столкновеній съ сѣверо-восточною Русью, называютъ его „злобыннымъ", „безбожнымъ" и „льстивымъ", однако признаютъ въ немъ умѣнье пользоваться обстоятельствами; сдержанность, хитрость, словомъ, всѣ качества, нужныя для усиленія своей власти въ государствѣ и для расширенія предѣловъ княжества. По отношенію къ различнымъ національностямъ, можно сказать, что всѣ симпатіи и вниманіе Ольгерда сосредоточивались на русской народности. Ольгердъ по взглядамъ, привычкамъ, семейнымъ связямъ принадлежалъ къ русской народности и служилъ въ Литвѣ ея представителемъ. Въ то самое время, какъ Ольгердъ усиливаетъ Литву присоединеніемъ русскихъ областей, Кейстутъ является ея защитникомъ передъ крестоносцами и заслуживаетъ славу народнаго богатыря. Кейстутъ—язычникъ, но и его враги крестоносцы признаютъ въ немъ качества образованнаго христіанина-рыцаря.

Такія-же качества признавали въ немъ поляки.

Оба князя такъ точно раздѣлили управленіе Литвой, что русскія лѣтописи знаютъ только Ольгерда, а нѣмецкія - только Кейстута. О характерѣ борьбы Кейстута съ нѣмцами мы находимъ блестящую страницу въ уже указанной книгѣ Антоновича. Крестоносцы дѣлали ежегодно на Литву набѣги, называемые „рейзами." Литовцы платили ордену тѣмъ-же, но такъ какъ литовскія нападенія требовали большихъ приготовленій, то они бывали вдвое рѣже. Такимъ способомъ шли войны изъ году въ годъ, составляя главное занятіе Литовцевъ и Русскихъ въ теченіи всего княженія Ольгерда. Эти набѣги болѣе или менѣе опустошительные и кровопролитные, обыкновенно не приводили къ окончательному результату, и большихъ и рѣшительныхъ битвъ было мало; въ княженіи Ольгерда ихъ насчитываютъ двѣ: на рѣкѣ Стравѣ (1348) и у Рудавы (1370). Онѣ не имѣли никакихъ послѣдствій, хотя нѣмецкіе лѣтописцы придаютъ этимъ битвамъ рѣшительный характеръ и

преувеличиваютъ размѣры побѣдъ.
По отношенію къ Руси Ольгердъ продолжаетъ политику своего отца. Онъ старается влiять на Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ; поддерживаетъ Тверскихъ князей противъ Москвы, хотя его вмѣшательство въ этомъ случаѣ и неудачно. Соперничество Ольгерда съ Москвою въ стремленiи подчинить русскiя земли, пограничныя съ Литвой въ Новгородѣ и Псковѣ - склонилось въ пользу Москвы, но зато Ольгердъ умѣлъ захватить Сѣверскую Русь, Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскiй, Кiевъ и др.
Послѣ смерти Ольгерда на престолъ вступилъ Ягайло и наступило время династическаго соединенiя Литвы съ Польшею въ унiи 1386 года. Соединенiе это было предложено Польшею съ цѣлью направить силы обоихъ государствъ на общаго врага, на нѣмцевъ. И цѣль была достигнута. Соединенныя войска литовско-русскiя и польскiя нанесли нѣмцамъ тяжкiй ударъ подъ Грюнвальдомъ (Танненбергомъ) и сила нѣмецкаго ордена была сломлена

навсегда. Но были и другие результаты уніи, неблагопріятные для Литвы. Литва была вполнѣ русскимъ государствомъ, съ русскою культурою, съ господствомъ русскаго языка и православія. А между тѣмъ унія политическая по мнѣнію Ягайлы и католиковъ должна была вести къ уніи и религіозной. Поляки стремились окатоличить „языческую" Литву и ввести въ ней „культуру", т.е. польскіе обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба и борьба, направленная противъ нея скоро перешла въ борьбу съ православіемъ. Именно, такимъ образомъ въ новомъ государствѣ создались обстоятельства, которыя должны были дурно отозваться на его политическомъ могуществѣ; и вслѣдствіе національнаго и вѣроисповѣднаго внутренняго разлада Литва начинаетъ клониться къ гибели въ то самое время, когда она достигаетъ казалось бы полнаго расцвѣта своихъ силъ. Это было при Витовтѣ. Въ <u>русской</u> части Литвы унія и въ особенности принятіе католичества оффиціальными

мужики не могло обойтись безъ протеста; Русскіе съ той поры, какъ Ягайло сталъ королемъ захотѣли имѣть своего особаго князя, что заставило ихъ сгруппироваться сначала вокругъ князя Андрея Ольгердовича, попытка котораго захватить власть однако окончилась неудачно. Тѣмъ не менѣе въ Литвѣ неудовольствіе противъ уніи все росло, чѣмъ и воспользовался сынъ Кейстута — Витовтъ. Заручившись союзниками, онъ вступилъ въ борьбу съ Ягелло и тотъ въ концѣ концевъ долженъ былъ уступить Литву Витовту и признать Витовта князем литовскимъ.

Литовскому государю предстояла теперь задача охранять независимость своего государства отъ Польши, но умъ Витовта на этотъ разъ не подсказалъ ему, на какое начало долженъ онъ опереться въ этомъ дѣлѣ. Каро говоритъ, что Витовта считали своимъ и католики и православные; и язычники даже думали, что въ немъ не угасъ духъ предковъ; въ этомъ была и его сила, и слабость.

Дѣйствительно, сближаясь со всѣми, будучи нерѣшительнымъ, мѣняя нѣсколько разъ свою религію, Витовтъ не могъ твердо и прочно опереться на сильнѣйшій въ Литвѣ элементъ, на русскую народность, какъ могъ-бы сдѣлать чисто православный князь. Русскіе въ концѣ концовъ отнеслись къ Витовту, какъ къ врагу Руси вообще: „бысть убо князь Витовтъ прежде христіанинъ (говоритъ лѣтописецъ) и имя ему Александръ и отвержеся православныя вѣры и христіанства и прія Лядскую...., а помыслилъ тако, хотѣлъ плѣнити русскую землю, Новгородъ и Псковъ." Разъ образовался такой взглядъ, Витовтъ лишенъ былъ надежнѣйшей опоры для его политики, клонившейся къ образованію изъ Литвы единаго независимаго государства, но окончившейся тѣснымъ сближеніемъ съ Польшею. Все княженіе Витовта наполнено блестящими дѣлами литовской политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ Польша все больше и больше пріобрѣтала вліяніе на Литву. Въ 1413 году въ городѣ Городнѣ собрался польско-литовскій сеймъ, на которомъ

торжественнымъ актомъ былъ скрѣпленъ союзъ Польши и Литвы. На основаніи этого акта Литва и Польша соединяются въ одно государство и Литовской аристократіи даются права польской шляхты; Городненскій актъ послужилъ началомъ окончательнаго раздѣленія и вражды Литвы и Руси и Литва съ этого момента все болѣе и болѣе подпадая подъ вліяніе Польши, наконецъ окончательно сливается съ нею въ нераздѣльное государство.

Московское княжество въ XV и началѣ XVI вѣка.

Въ исторіи Московскаго княжества и въ политическомъ положеніи великаго князя Московскаго произошелъ въ концѣ XIV вѣка великій переломъ: это княжество изъ удѣла начало превращаться въ національное государство, а Московскій князь изъ вотчинника дѣлался политическимъ объединителемъ и вождемъ всего великорусскаго (~~княжества~~) племени. Толчкомъ къ такому перелому послужилъ походъ на Куликово поле противъ Мамая. Этотъ походъ поднялъ во имя народныхъ интересовъ, (а не удѣльныхъ) и совершилъ

въ цѣлъ общерусскаго, (а не удѣльнаго) войска московскій князь Димитрій. Съ этихъ поръ Димитрій изъ князя Московскаго превратился въ „царя Русскаго," какъ стали называть его въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ. А его княжество выросло въ національное государство Московское. „Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты", — мѣтко и красиво сказалъ о немъ В. О. Ключевскій. Древне-русская письменность въ XV вѣкѣ отмѣтила намъ эту перемѣну въ фактахъ и переломъ въ народномъ сознаніи. Многочисленныя редакціи повѣстей о Куликовской битвѣ представляютъ ее какъ національный подвигъ („Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ" и „Повѣсть" о немъ, „Слово о Задонщинѣ"); Слово о житіи Димитрія Донского проникнуто національнымъ сознаніемъ; церковныя проповѣди конца XIV и начала XV вв. на московскихъ князей указываютъ, какъ на національныхъ государей. Мало того, что народность сознала свое единство, — она почувствовала свою

силъ, оцѣнила, быть можетъ даже выше мѣры свои политическія успѣхи и стала смотрѣть на себя, какъ на богоизбранный народъ, „Новый Израиль", которому суждено играть первенствующую роль среди другихъ православныхъ народовъ и въ этомъ отношеніи занять мѣсто отпавшей, тѣснимой турками, подчинившейся папамъ (на Флорентинскомъ соборѣ) Византіи. Такія тенденціи начинаютъ проглядывать въ письменности того времени, въ разсказѣ (Симеона) о Флорентинскомъ соборѣ, въ повѣствованіи о пребываніи на Руси ап. Андрея Первозваннаго, въ преданіяхъ о передачѣ на Русь изъ Греціи „бѣлаго клобука", который носили новгородскіе архіепископы, Мономаховa вѣнца и прочихъ „царскихъ утварей" и другихъ святынь, самопроизвольно покидавшихъ Византію и обрѣтаемыхъ на Руси. Таковы были господствующія идеи того времени. Конечно, онѣ выростали на фактахъ и питались дѣйствительностью. Но въ свою очередь и онѣ опредѣляли собою дѣйствительность, вліяли на факты,

измѣняли порядокъ политической жизни и направляли политическую дѣятельность. Московскіе князья до середины XV вѣка были удѣльными владѣльцами, которыхъ трудно назвать политическими дѣятелями и за которыми доселѣ сохраняется названіе „хозяевъ“, „скопидомовъ“. Такъ характеризуютъ ихъ Соловьевъ и другіе историки. Политика этихъ князей не государственная, они скорѣе преслѣдуютъ частныя цѣли удѣльнаго княжескаго дома. Эти особенности исчезаютъ со вступленіемъ во власть (1461 г.) Ивана Васильевича III. Съ этого времени начинается иной порядокъ и строится онъ именно подъ вліяніемъ національныхъ идей. Московское княжество въ княженіи Ивана III было обширнымъ и сильнымъ удѣломъ, сосѣдями котораго были: Новгородъ, Псковъ, Литва, Казанское царство и слабые удѣлы (Тверь, Рязань и др.). Преслѣдуя политику своего отца Иванъ Васильевичъ попробовалъ тронуть Новгородъ. Новгородъ понялъ грозившую опасность

и сталъ искать опоры въ Литвѣ.
Тогда Иванъ III изъ-за сношеній Новго-
рода съ Литвой объявилъ ему войну.
Въ іюлѣ 1471 года Иванъ Васильевичъ
съ войскомъ сильно разорилъ Новгород-
скую (землю) область и подступилъ
къ Новгороду. Тотъ, не получивъ помо-
щи отъ Литвы, не захотѣвъ войны и
потому поспѣшилъ заключить миръ,
заплатилъ 15,000 рублей; отказался
отъ союза съ Литвой и обѣщалъ ста-
вить Новгородскаго архіепископа въ
Москвѣ. На этотъ разъ Иванъ III поща-
дилъ городское самоуправленіе, но ког-
да Новгородцы снова стали сносить-
ся съ Литвой и независимѣе держать-
ся по отношенію къ Москвѣ, онъ пред-
принялъ новый походъ въ 1478 году и
безъ труда окончательно подчинилъ
себѣ Новгородъ, уничтоживъ его вѣче-
вую жизнь. Этому послѣднему походу
приданъ былъ такой характеръ, какъ
будто московскія войска въ оборону
народности и православной вѣры ше-
ли на новгородцевъ, отступившихъ
отъ православія и передавшихся Литов-
скому иновѣрному князю. Одновременно

съ Новгородомъ Іоаннъ по частямъ забиралъ и Новгородскіе области, то есть „земли“, „волости“ (Вятка). Но Псковъ благодаря покорности великому князю сохранилъ тѣнь своей самостоятельности и отсрочилъ свое паденіе.

По отношенію къ Твери и Рязани великій князь держался той-же крутой политики. Въ 1500 году умеръ великій князь Рязанскій Иванъ, оставивъ своего сына подъ опекой его матери и бабки, которыя вполнѣ слушались великаго князя. Въ 1484 году, воспользовавшись сношеніями тверского князя Михаила Борисовича съ Литвою, Иванъ III объявилъ ему войну и осадилъ Тверь. Городъ сдался безъ боя, а Михаилъ убѣжалъ въ Литву. Въ 1463 году князья Ярославскіе, а затѣмъ и Ростовскіе и Бѣлозерскіе уступили свои владѣнія Іоанну.

Татарская орда не представляла въ княженіе Ивана III одного нераздѣльнаго государства; она распалась на нѣсколько ордъ (Золотую, Казанскую, Крымскую) которыя находились между собою въ постоянной враждѣ, искусно поддерживаемой Иваномъ III. Татары часто

дѣлали нападенія на русскія окраины и опустошали ихъ. Иванъ III попробовалъ дѣйствовать противъ Татаръ самими-же Татарами. Онъ приглашалъ къ себѣ на службу татарскихъ царевичей, давая имъ въ награду земли и такимъ образомъ противопоставлялъ татарамъ ихже соплеменниковъ. Видя слабость Золотой орды Иванъ III понялъ, что наступило время окончательно свергнуть иго. Это была разумѣется старая завѣтная цѣль Московскихъ князей, къ которой они все стремились неуклонно, но осторожно. Нѣкоторые приписываютъ смѣлость Іоанна въ разрывѣ съ ханомъ внушеніямъ Софіи, его жены, которая не могла сносить хотя-бы и тѣни зависимости отъ Татаръ. Какъ-бы то ни было, но съ 1480 года не стало и номинальной зависимости Руси отъ Татаръ. Если мы вспомнимъ еще удачныя столкновенія Ивана III съ Литвой, то будемъ имѣть полный перечень его громадныхъ политическихъ успѣховъ. Отъ Литвы Иванъ Васильевичъ требовалъ возвращенія всѣхъ русскихъ областей, называя себя при этомъ княземъ <u>всея</u> Руси, а земли Литовско-русскія — <u>вотчинами</u> своихъ предковъ. Московскіе князья, какъ видно, перестали

смотрѣть на себя, только какъ на „хозяевъ".
Историческія воспоминанія о древнихъ рус-
скихъ областяхъ обратились въ политическія
притязанія и у Московскаго князя явилось
представленіе о себѣ, какъ объ единомъ
государѣ всей русской земли.
Въ 1505 году, умирая Иванъ оставляетъ духовное
завѣщаніе, по которому старшему сыну Васи-
лію отдается большая часть земель, болѣе 3/4
всѣхъ городовъ; остальныя части дѣлятся
между прочими четырьмя сыновьями. Власть
этихъ послѣднихъ совершенно иного свойства,
чѣмъ власть старшаго; они играютъ роль
простыхъ вотчинниковъ, не имѣютъ права
чеканить монету и самостоятельно сносить-
ся съ иноземными государями. Такимъ образ.
Василій III по завѣщанію отца отличёнъ не
количествомъ, но и качествомъ правъ: онъ поли-
тическій властитель, они — привилегированные
землевладѣльцы. Что касается до личности Ива-
на III, то историки смотрятъ на нее розно:
С.М. Соловьевъ говоритъ, что только счастливое
положеніе Іоанна послѣ цѣлаго ряда умныхъ
предшественниковъ дало ему возможность
вести смѣло обширныя предпріятія. Костома-
ровъ смотритъ на него еще строже; онъ
отрицаетъ всякія политическія способности

въ Иванѣ; отрицаетъ въ немъ и простыя человѣческія достоинства. Карамзинъ-же оцѣниваетъ дѣятельность Ивана III совсѣмъ иначе. Не сочувствуя насильственному характеру преобразованій Петра, онъ ставитъ Ивана III выше даже Петра Великаго. Гораздо справедливѣе, спокойнѣе относится къ Ивану Бестужевъ-Рюминъ. Онъ говоритъ, что хотя и много было сдѣлано предшественниками Іоанна и ему, поэтому было легче работать, тѣмъ не менѣе онъ великъ потому, что завершилъ старыя задачи и умѣлъ постановить новые вопросы: именно Иванъ III поставилъ рѣшительно во всей вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Москвы. Что касается до Василія III, то онъ походилъ на своего отца и только, продолжалъ ~~онъ~~ и внѣшнюю его политику и внутреннюю. Онъ уничтожилъ самостоятельность Пскова и послѣднихъ удѣльныхъ княжествъ: Рязанскаго и Сѣверскихъ, и послѣ упорныхъ войнъ съ Литвою отнялъ у нея Смоленскъ въ 1514 году. Отношенія его къ Крыму и Казани были постоянно враждебны, какъ и у его отца; онъ въ этомъ случаѣ не отступилъ отъ политики Іоанна и старался имѣть вліяніе на дѣла Казани и Крыма. Во внутреннихъ дѣлахъ Василій отличался властолюбіемъ

и суровостью. Онъ съ братьями обращался строго, показывалъ надъ ними свою власть и въ частныхъ дѣлахъ; такъ, напр., брату Андрею долго не позволялъ жениться. Съ боярами онъ обращался надменно и не любилъ, если ему противорѣчили въ думѣ. Извѣстно, напр., что бояринъ Берсень-Беклемишевъ былъ выгнанъ имъ изъ засѣданія только за то, что осмѣлился высказать возраженіе. Бояре жаловались, что онъ всѣ дѣла рѣшалъ „самъ третей у постели" и что совѣтниками его являются дьяки.

Разсматривая явленія эпохи Ивана III и Василія III замѣчаемъ, что въ ихъ княженіе совершилось дѣйствительное объединеніе великорусской народности и Московскій князь получилъ значеніе национальнаго государя; благодаря этому измѣнился характеръ внѣшней политики и внутреннее значеніе и положеніе великаго князя, нынѣ „государя." Внѣшняя политика при первыхъ Московскихъ князьяхъ ограничивалась сношеніями съ татарами и отношеніями къ сосѣднимъ удѣламъ, причемъ преслѣдовались удѣльные интересы Московскаго князя. Во время Ивана III и Василія III

позорная дань татарамъ кончилась и послѣднія самостоятельныя княжества, еще оставшіяся въ сѣверной Руси, окончательно подчинились Москвѣ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнился и характеръ внѣшней политики, которая становится политикой государственной, преслѣдуетъ интересъ не удѣла, а народности. Московскому государю приходится имѣть дѣло уже не съ единовѣрными и единоплеменными удѣльными князьями, а съ иноземными и иновѣрными государствами: Литвой, Польшей, германскимъ императоромъ, завязываются съ ними дипломатическія сношенія и начинаются съ этого времени путешествія въ Москву иностранцевъ, не заѣзжавшихъ раньше въ Россію дальше Новгорода.

Зная, что въ Литвѣ находятся многія русскія области, московскіе князья усваиваютъ мысль, что это ихъ древнія вотчины и продолжаютъ дѣло объединенія уже на Литовской землѣ (а не только на великорусской). Такой взглядъ Московскихъ князей на единство всей русской земли выразился въ отвѣтѣ Іоанна III литовскому послу на жалобу послѣдняго,

что Московскій государь захватилъ
чужія вотчины, не имѣя на нихъ никако-
го права: „короли Владиславъ и Александръ
хотятъ противъ насъ за свою вотчину стоять;
но что называютъ короли своей вотчиной?
не тѣ-ли города и волости, съ которыми
князья русскіе и бояре пріѣхали къ намъ
служить и которые наши люди взяли у
Литвы? Папъ, надѣемся, хорошо извѣстно,
что короли Владиславъ и Александръ
имѣли Польское королевство да Литов-
скую землю отъ своихъ предковъ, а рус-
ская земля отъ нашихъ предковъ, изъ
старины наша отчина". Вмѣстѣ съ тѣмъ
въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Литву,
московскіе князья именовали себя: „князь
Московскій и всея Руси"; литовцы отлично
понимали, какая мысль скрывалась за
этимъ титуломъ и вотъ почему они
такъ желали его уничтоженія.
Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера внѣ-
шней политики измѣнилась и внутрен-
няя политика и положеніе московскаго
князя. Мы видѣли, какъ усиливалась
власть великаго князя Московскаго
насчетъ удѣльныхъ князей; какъ старшій
сынъ наслѣдовалъ послѣ отца большее

числа городовъ, какъ такое матеріальное превосходство увеличивалось съ теченіемъ все болѣе времени, все больше отличало московскихъ старшихъ князей отъ удѣльныхъ. Но со второй половины XV вѣка этотъ князь перестаетъ быть только удѣльнымъ княземъ, но воплощаетъ въ своемъ лицѣ высокій политическій авторитетъ, какъ державный вождь великорусской народности. Иванъ III беретъ со своихъ братьевъ обязательство не сноситься помимо него съ иностранными державами, запрещаетъ имъ бить монету и творить судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ, оставляя эти права исключительно за Московскимъ великимъ княземъ. Онъ принимаетъ титулъ царя „всея" Руси, усиливая его перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ ему областей: „великій князь всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій и т.д." Онъ зовется самодержцемъ, т.е. властителемъ политически независимымъ. Съ бракомъ Софіи Ѳоминишны Московскій князь усваиваетъ по преемству отъ Византійскаго императора гербъ двуглаваго орла символъ знакомъ царской власти и вводитъ сложный этикетъ въ ~~Московскую~~ придворную жизнь. Насколько велико было сознаніе своего могущества у ~~великаго~~ Московскаго князя

этого времени видно изъ отвѣта Ивана III послу германскаго императора Попелю, посланному между прочимъ и затѣмъ, чтобы предложить Іоанну королевскій титулъ. Иванъ отказался отъ титула и велѣлъ сказать послу: „Просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти какъ есмя нынѣ — государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ". Такой гордый отвѣтъ получилъ первый по значенію европейскій государь отъ далеко неизвѣстнаго Западной Европѣ московскаго князя.

Сознавая превосходство своей власти надъ властью прежнихъ московскихъ князей, Иванъ III ввелъ обычай вѣнчанія на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Предшественники Ивана III великіе князья московскіе садились на княжескій престолъ съ благословеніемъ митрополита; Иванъ нашелъ это недостаточнымъ и назначивъ себѣ преемникомъ внука своего Димитрія, торжественно вѣнчалъ его „на царство" въ Успенскомъ соборѣ. Съ новымъ понятіемъ о царской власти, съ новыми впечатлѣніями, которыя были вынесены изъ сношенія съ Западомъ, перемѣняются и обычаи Московскаго дворца: онъ становится дворцомъ

со сложнымъ этикетомъ. Такъ раскрывали государи въ целомъ рядѣ установленій мысль о своемъ новомъ значеніи. Эта мысль о новомъ значеніи очевидно раздѣляется и народомъ. Простыя удѣльныя отношенія подданныхъ къ государю исчезаютъ. Герберштейнъ, германскій посолъ, бывшій въ эту пору въ Москвѣ замѣчаетъ, что Василій III имѣлъ власть, какой не обладалъ ни одинъ монархъ и затѣмъ добавляетъ, что когда спрашиваютъ Москвичей о неизвѣстномъ имъ дѣлѣ, они говорятъ, равняя князя съ Богомъ: „мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ да государь". Такой казалась власть иноземцамъ, но пойманныя или фразы не назначались только только для того, чтобы политически возвысить государя въ дипломатическихъ сношеніяхъ передъ чужими; внутреннія отношенія дѣйствительно мѣнялись и власть московскаго князя росла не только по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, какъ власть единаго властителя сильнаго государства, но и въ отношеніи подданныхъ; эта перемѣна отношеній къ подданнымъ рѣзче всего сказалась измѣненіями въ бытѣ боярства. Въ Москвѣ издавна, благодаря богатству Московскихъ князей и другимъ причинамъ, собралось многочисленное боярство: отъ времени Ивана Калиты съ юга и съ запада пріѣзжали сюда знатные бояре и мало по

около московскаго великокняжескаго стола сплотилось больше слугъ, чѣмъ у кого-бы то ни было изъ другихъ русскихъ князей. Основаніемъ отношеній между княземъ и боярами до ½ XV в. въ Москвѣ былъ договоръ: бояринъ приходилъ „служить князю", а князь за это долженъ былъ его „кормить", вотъ главное условіе договора. Сообразно съ этимъ каждый служилый бояринъ имѣлъ право на „кормленіе" по заслугамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ право отъѣзда и участія въ совѣтѣ князя. До половины XV в. интересы бояръ были тѣсно связаны съ интересами князя; бояринъ долженъ былъ стараться объ усиленіи своего князя, т. такъ какъ чѣмъ сильнѣе князь, тѣмъ лучше служить боярину и тѣмъ безопаснѣе его вотчины. Князья въ свою очередь признавали заслуги бояръ, что видимъ изъ завѣщанія Димитрія Донскаго, въ которомъ онъ совѣтуетъ дѣтямъ во всемъ держаться совѣта бояръ. ~~Вообще~~ Словомъ московскіе князья и бояре составляли одну дружную политическую силу. Но съ половины XV в. измѣняется составъ Московскаго боярства и измѣняется отношеніе боярства къ государю. Съ этого времени въ княженіе Ивана III и Василія III въ эпоху окончательнаго подчиненія и присоединенія удѣловъ замѣчается приливъ новыхъ силъ къ московскому двору; во первыхъ это удѣльные князья, потерявшіе или уступившіе свои удѣлы московскому князю; во вторыхъ, это удѣльные князья, которые

ранѣе потеряли свою самостоятельность и служили другимъ удѣльнымъ князьямъ; наконецъ, это бояре-слуги удѣльныхъ князей, перешедшіе вмѣстѣ съ своими князьями на службу къ Московскому князю. Эта толпа княжескихъ слугъ увеличивалась новыми пришельцами изъ Литвы; это были литовскіе и русскіе князья, державшіеся православія подъ властью литовскихъ владѣтелей и послѣ уніи 1386 года стремившіеся перейти со своими удѣлами подъ власть православнаго государя. Всѣ эти пришельцы скоро стали въ опредѣленныя отношенія къ старымъ Московскимъ боярамъ и другъ къ другу. Эти отношенія выразились въ обычаяхъ мѣстничества. Такъ называется порядокъ служебныхъ отношеній боярскихъ фамилій, сложившійся въ Москвѣ въ XV и XVI вв. и основанный на „отечествѣ", т.е. на унаслѣдованныхъ отъ предковъ отношеніяхъ служилаго лица и рода по службѣ къ другимъ лицамъ и родамъ. Каждый бояринъ, принимая служебное назначеніе, справлялся, не станетъ-ли онъ въ равноправныя или подчиненныя отношенія къ лицу, менѣе его родовитому по происхожденію и отказывался отъ такихъ назначеній, какъ отъ безчестящихъ не только его, но и весь его родъ. Такой обычай „мѣстничаться" размѣстилъ мало по малу всѣ московскіе роды боярскіе въ опредѣленный порядокъ по знатности происхожденія. И на этомъ аристократическомъ основаніи роды княжескіе, какъ самые знатные, стали выше

другихъ, занимали высшія должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московскихъ государей. Но эти бывшіе удѣльные князья, пришедшіе на службу къ Московскому государю и ставшіе къ нему въ отношенія бояръ, въ большинствѣ сохранили за собою свои удѣльныя земли, на частномъ правѣ, какъ боярскія вотчины. Переставъ быть самостоятельными владѣльцами своихъ удѣловъ, они оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣльцами, сохраняя иногда въ управленіи землями нѣкоторыя черты своей прежней правительственной власти. Такимъ обр. {их положеніе} въ ихъ вотчинахъ перемѣнилось очень мало, они остались въ тѣхъ-же суверенныхъ отношеніяхъ къ населенію своихъ вотчинъ, сохраняли свои прежнія понятія и привычки. Дѣлаясь боярами эти княжата приносили въ Москву не боярскія мысли и чувства; дѣлаясь изъ самостоятельныхъ людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хорошихъ чувствъ въ отношеніи Московскаго князя, лишившаго ихъ этой самостоятельности. Они не довольствуются положеніемъ прежнихъ бояръ при князѣ и стараются достигнуть новыхъ правъ, воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Помня свое прежнее происхожденіе, зная, что они потомки прежнихъ правителей земли русской, они смотрятъ на себя и теперь, какъ на „хозяевъ" русской земли съ того только разни-

цею, что предки ихъ правили русской землей по одиночкѣ, по частямъ, а они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, около Московскаго князя должны править <u>всѣ</u> вмѣстѣ <u>всей</u> землей. Основываясь на этомъ представленіи, они склонны требовать участія въ управленіи страной, требуютъ, чтобы князья Московскіе совѣтовались съ ними обо всѣхъ дѣлахъ, грозя въ противномъ случаѣ отъѣздомъ. Но служилые князья не могли отъѣхать, какъ отъѣзжали бояре удѣльныхъ князей, т.е. переѣзжали на службу отъ одного удѣльнаго князя къ другому; теперь удѣловъ не было и можно было отъѣхать только въ Литву или къ нѣмцамъ подъ иновѣрную власть; но и то и другое считалось измѣной русскому государству. Въ концѣ концовъ ихъ положеніе опредѣлилось такъ: допуская мѣстничество, московскіе князья не спорили до поры, до времени противъ права совѣта, но старались прекратить отъѣздъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самый ходъ историческихъ событій все болѣе и болѣе мѣшалъ отъѣзду, а право совѣта иногда не осуществлялось. Съ царствованія Ивана III, именно со времени его брака съ Софьей Палеологъ, которую не любили бояре за ея властолюбивыя стремленія, начинаютъ раздаваться жалобы среди бояръ, что государь ихъ не слушаетъ. Время Василія III было еще хуже для бояръ въ этомъ отношеніи, еще болѣе увеличивалось ихъ неудовольствіе противъ князя. Выразителемъ боярскаго настроенія можетъ служить Берсень-Беклеми-

шевъ, типичный представитель боярства начала XVI в., человѣкъ очень умный, очень начитанный. Онъ часто ходилъ къ Максиму Греку и бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ на Руси, причемъ высказывалъ откровенно свои взгляды. Онъ говорилъ, что все перемѣнилось на Руси, какъ „пришла Софья", что она переставила всѣ порядки и потому государству стоять не долго; князь Московскій не любитъ, какъ прежде совѣтоваться съ боярами и рѣшаетъ дѣла „самъ третей у постели", т. е. въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ неродовитыхъ людей. Эти рѣчи Беклемишева были обнаружены слѣдствіемъ и за нихъ ему отрѣзали языкъ. Такъ въ началѣ XVI в. стали другъ противъ друга государь, шедшій къ полновластію, и боярство, которое приняло видъ замкнутой и точно расположенной по степенямъ родовитости аристократіи. Великій князь двигался, куда вела его исторія, другой классъ ~~двигался~~ дѣйствовалъ во имя отживших политическихъ формъ и старался какъ-бы остановить исторію. Въ этомъ историческомъ процессѣ столкнулись, такимъ образ. двѣ силы, далеко не равныя. За московскаго государя стоятъ симпатіи ~~всего~~ населенія, весь складъ государственной жизни, какъ она тогда слагалась. А боярство, не имѣя ни союзниковъ, ни вліянія въ странѣ, представляло собою замкнутый

аристократическiй кругъ, опиравшiйся при своемъ высокомъ служебномъ и общественномъ положенiи лишь на одни родословныя преданiя и не имѣвшiй никакихъ реальныхъ силъ отстоять свое положенiе и свои притязанiя. Однако не смотря на неравенство силъ фактъ борьбы Московскаго боярства съ государемъ несомнѣненъ. Жалобы со стороны бояръ начинаются съ Ивана III; при Василiи онѣ раздаваться сильнѣе и при обоихъ этихъ князьяхъ мы видимъ опалы — казни бояръ. Но съ особенной силой эта борьба разгоралась при Iоаннѣ Грозномъ, когда въ крови погибла добрая половина бояръ.

Эта борьба власти съ высшимъ классомъ служилымъ однимъ изъ выраженiй роковыхъ противорѣчiй, на которыхъ построился первоначально Московскiй общественный и политическiй порядокъ и которые повели мало-по-малу Московское государство къ тяжелому кризису въ царствованiе Грознаго и въ эпоху послѣдующихъ смутъ.

Конецъ первой части.

Опечатка

[illegible]	Стр.	Строчка	Написано	Читать
4	49	11 сверху	„Главныя черты русской истор. жиз[illegible]	

Оглавленіе первой части.

1. Очеркъ Русской исторіографіи: древне-русскіе историческіе труды; обработка русской исторіи въ XVIII в. Байеръ, Миллеръ, Ломоносовъ; „Исторіи" Татищева и кн. Щербатова; труды Болтина, Новикова и Голикова.

2. Шлецеръ и Карамзинъ; критики Карамзина; Каченовскій и Погодинъ. Чаадаевъ и западники; славянофильская школа.

3. Школа родового быта, созданная Соловьевымъ и Кавелинымъ; ея противники и послѣдователи; состояніе Русской исторіи, какъ науки, въ послѣдующее время.

4. Обзоръ источниковъ въ Русской Исторіи: отношеніе къ памятникамъ старины въ XVIII и вначалѣ XIX вѣка; собиратели историческаго матеріала: Г. Ф. Миллеръ, Татищевъ, Новиковъ; изданія Академіи Н. Акд. Графъ Н. П. Румянцевъ и дѣятели Архива Иностранной Коллегіи. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ

Литогр. [illegible]

и другія изданія гр. Румянцева.

5 – Развитіе археографіи въ срединѣ XIX в. П. М. Строевъ и его археографическая экспедиція. Учрежденіе археографическихъ коммисій и ихъ дѣятельность. Лѣтописи. Лѣтописи мѣстныя.

6. – Предварительныя историческія свѣдѣнія: характеристика страны и ея древнѣйшая исторія: Эллины и скифо-сарматскій міръ, готы, гунны, авары. Славяне. Извѣстія о ихъ появленіи и разселеніи на великой сѣверной равнинѣ.

7 – Данныя о первоначальномъ общественномъ бытѣ русскихъ Славянъ: племя, родъ и община; теорія Эверса и школа родового быта; теорія Аксакова и И. Д. Бѣляева; теорія Леонтовича и послѣдующихъ изслѣдователей; переходъ племенного быта въ волостной или городской; появленіе князей въ городахъ и волостяхъ.

8 – Варяго-русскіе князья и образованіе Кіевскаго княжества: варяго-русскій вопросъ; легенда лѣтописи о призваніи Варяговъ-Руси; данныя о Варягахъ; данныя о Руси; положеніе варяго-русскаго вопроса въ XVIII в. и –

въ настоящее время; вопросъ о варяжскомъ вліяніи на общественный бытъ Славянъ.

9.– Политическое объединеніе русскихъ Славянъ; дѣятельность первыхъ князей Кіевскихъ и ея результаты; принятіе христіанства и его послѣдствія.

10– Кіевская Русь въ XI – XII вв. Политическое ея устройство; фактическія данныя о порядкѣ наслѣдованія великокняжескаго стола; вопросъ о причинахъ раздробленія Руси между князьями и вопросъ объ основаніяхъ ея единства.

11.– Власть и общество Кіевской Руси: князья и дружина. Городскія вѣча. Общественное дѣленіе. Русская Правда, какъ источникъ для исторіи общественнаго порядка.

12.– Культура Кіевской Руси: торговля, просвѣщеніе, искусство. Причины упадка Кіевской Руси и возникновеніе новыхъ политическихъ центровъ. Колонизація Суздальской Руси: топографія страны и первоначальное населеніе; пути славянской колонизаціи; вліяніе страны на разселеніе и бытъ поселен

цевъ; слѣдствія колонизаціи этнографическія и политическія; образованіе и возвышеніе Суздальско-Владимірскаго княжества.

13.- Татары и степень ихъ вліянія на Русь. Раздѣленіе Руси на сѣверную (Владимірскую и Новгородскую) и южную (подчиненную Литвѣ).

14 - Удѣльный бытъ Владимірской Руси; его основныя черты, отношенія удѣльнаго князя къ землѣ, къ населенію и къ другимъ князьямъ; литературныя мнѣнія о характерѣ этихъ отношеній; устройство удѣльнаго общества.

15.- Новгородъ; его территорія и населеніе; историческія условія, создавшія особенности Новгородской жизни; устройство управленія и общественныхъ классовъ въ Новгородѣ; причины упадка Новгорода. Псковъ. Галичъ.

16.- Литва; литература о Литвѣ; мѣста поселенія Литвы и ея племенное дѣленіе; появленіе Нѣмцевъ; борьба съ ними Литвы и отношенія Литвы къ сосѣднимъ русскимъ княжествамъ; образованіе Литовскаго княжества.

17.- Возвышеніе Московскаго княжества.

Первыя извѣстія лѣтописи о Москвѣ; сильнѣйшія княжества Владимірской Руси въ XIV в. и первые политическіе успѣхи Московскихъ князей. Литературныя мнѣнія о причинахъ возвышенія Москвы.

18 - Ходъ усиленія Москвы; территоріальныя пріобрѣтенія Московскихъ князей; отношенія Московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей; характеристика княжескихъ завѣщаній. Черты внѣшней исторіи сѣверной Руси въ XIV и XV вв.

19. Литва отъ Гедимина до Витовта. Гедиминъ, его завоеванія и отношенія къ сѣверной Руси; сыновья Гедимина, Ольгердъ и Кейстутъ; ихъ характеристика; унія Литвы съ Польшей при Ягеллѣ; политическое значеніе этого акта и послѣдствія его для литовско-русскаго общества; Витовтъ; историческое значеніе его дѣятельности.

20 - Московское княжество въ XV и началѣ XVI вѣка. Характеристика Московскихъ князей и ихъ политика до Ивана III; Иванъ III и Василій III; національно-государственныя черты ихъ дѣятельности; перемѣны во внѣшней политикѣ Москвы въ связи съ объединеніемъ сѣверной Руси;

перемѣны во внутреннемъ порядкѣ Московской жизни. Московское боярство; отношенія Московскихъ князей и боярства въ XV–XVI вѣкахъ.

[10-7]